

МОЛИТВА КО ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЕ ПЕРЕД ИКОНОЮ «ВЗЫСКАНИЕ ПОГИБШИХ»

Заступнице Усердная, Благоутробная Господа Мати, к Тебе прибегаю аз, окаянный и паче всех человек грешнейший; вонми гласу моления моего, вопль мой и стенание услыши. Яко беззакония моя превзыдоша главу мою, и аз, якоже корабль в пучине, погружаюсь в море грехов моих. Но Ты, Всеблагая и Милосердная Владычице, не презри мене, отчаяннаго и во гресех погибающаго; помилуй мя, кающагося в злых делах моих, и обрати на путь правый заблудшую окаянную душу мою. На Тебе, Владычице моя, Богородице, возлагаю все упование мое. Ты, Мати Божия, сохрани и соблюди мя под кровом Твоим, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

О Пресвятая Владычице и Богородице, Высшая Херувим и Честнейшая Серафим, Богоизбранная Отроковице, погибших Взыскание и всех скорбящих Радосте! Подаждь утешение и нам, в погибели и скорби сущим; разве бо Тебе иного прибежища и помощи не имамы. Ты едина еси радости наша Ходатаица, и яко Матерь Божия и Мати милосердия, предстоящи у Престола Пресвятыя Троицы, можеши нам помощи, никтоже бо притекаяй к Тебе посрамлен отходит. Услыши убо и нас ныне в день погибели и печали пред Твоею иконою припадающих и со слезами Тебе молящихся: отжени от нас належащая на нас скорби и беды в сей временней жизни, не лишены же сотвори Твоим всеильным ходатайством и вечныя нескончаемыя радости в Царствии Сына Твоего и Бога нашего. Аминь.

Духовный Собеседникъ

2016 №2 (82)

Председатель
редакционного совета
Высокопреосвященнейший Сергей,
митрополит Самарский и Сызранский

Редакционный совет:

Епископ Никифор (Хотеев)
Епископ Софроний (Баландин)
Архимандрит Георгий (Шестун) – гл. редактор
Протоиерей Николай Манихин
Протоиерей Николай Агафонов
Архимандрит Вениамин (Лабутин)
Протоиерей Олег Агапов
Протоиерей Евгений Зеленцов
Протоиерей Игорь Макаров
Протоиерей Димитрий Лескин
Протоиерей Александр Урывский
Протоиерей Рустик Гузь – секретарь ред. совета
Диакон Алексей Подмарицын
Д.В. Сивиркин
Е.П. Бельчикова
Ю.В. Изъятский

Над номером работали:

Мария Винникова – редактор
Анна Коваленко – редактор
Галина Гражданкина – набор
Анна Чупракова – набор
Александр Филимонов – верстка

Адрес редакции: Россия, 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.

Почтовый адрес: 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.

Тел.: (846) 334-12-72, 336-84-41. Факс: (846) 336-18-99.

Эл. почта: redaktor@духовныйсобеседник.рф

Электронная версия «ДС» в Интернете: духовныйсобеседник.рф

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви

СОДЕРЖАНИЕ

**МОЛИТВА К БОЖИЕЙ МАТЕРИ ПРЕД ИКОНОЙ
ЕЯ «ВЗЫСКАНИЕ ПОГИБШИХ»** 1

СВЯТИТЕЛЬСКОЕ СЛОВО

Митрополит Самарский и Сызранский Сергей
«России предопределена Богом особая судьба» 4

ГЛАГОЛЫ ЖИЗНИ

Иеромонах Рафаил (Нойка)
Об именах и заповедях Божиих..... 6

ЖИЗНЬ ВО ХРИСТЕ

Митрополит Мануил (Лемешевский)
«Поминайте наставников ваших» 18

ВОЗВРАЩЕНИЕ ОБРАЗА

Архимандрит Георгий (Шеспун)
Быть русскими, быть православными,
быть верноподдаными 40
Андрей Поповкин
В поисках нового гуманизма..... 46

ТРИБУНА РУССКОЙ МЫСЛИ

Александр Репников
«Я действовал искренне и честно» 56
Лев Тихомиров
Христианская государственность 64

ЧАС УЧЕНИЧЕСТВА

Андрей Поповкин
«Когда здравого учения принимать не будут»..... 76

СВЯТАЯ РУСЬ

Александр Малиновский
Радостная встреча. К 100-летию со дня
кончины Григория Журавлева 104

ПОЮ БОГУ МОЕМУ

Протоиерей Сергей Ельченинов
«У Божьего порога» 118

«РОССИИ ПРЕДОПРЕДЕЛЕНА БОГОМ ОСОБАЯ СУДЬБА»

Христианские православные идеи личной ответственности, достоинства, свободы и нравственности создали уникальный код самосознания, обладающий неиссякаемым созидательным потенциалом. Именно благодаря ему созрели высокие социально-политические стандарты жизни, определилась этика межличностных отношений, получили развитие мировые наука и культура. Сегодня происходит губительный для всей цивилизации разрыв взаимосвязи прав человека и его личной нравственности. Появился новый вид прав, противоречащих нрав-

ственности, с их помощью оправдываются безнравственные поступки. Однако именно нравственность обеспечивает жизнеспособность и развитие общества, – попытки построить будущее без Бога, без христианской традиции обречены на провал. Сегодня в России и на высшем уровне признано, наконец, что религиозная мотивация не только имеет право на существование, в том числе и в публичной сфере, но и предпочтительна по сравнению с другими. Русская Православная Церковь твердостью, основательностью своей позиции привлекает к себе ответственных людей во всем мире, на нее уповают ныне миллионы и миллионы.

России удалось добиться небывалого в истории гармонического союза культур и племен, их мирной христианизации и ассимиляции, создания наднационального и надконфессионального единства. Это уникальное свойство России – Третьего Рима – становится вдохновляющим примером в свете нарастающего противостояния традиционных христианских ценностей, с одной стороны, и «нового язычества» и «нового варварства», с другой.

Россия представляет собой исключительное государство, оно является историческим шедевром, которым мы, как нация, можем гордиться. «Все-человечность» и «пластичность» русской цивилизации соединилась в нем с принципиальной независимостью, «неотмирностью» и «миродержави-

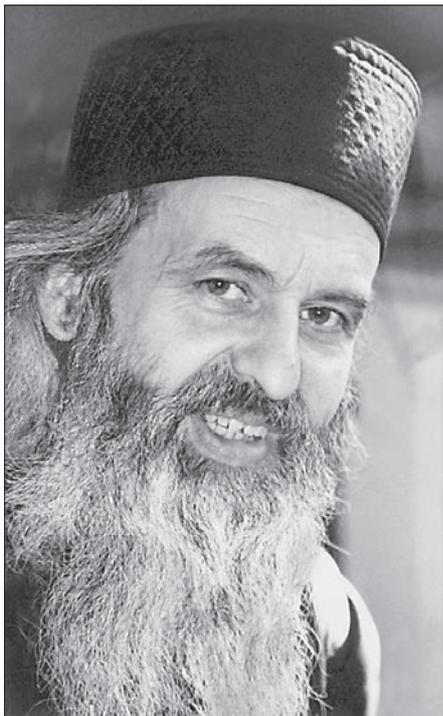
ем» русских как духовно-политической нации. Россия всегда вела лишь оборонительные войны, постоянно проводила политику верности своим принципам и шла навстречу тем, кто уповал на ее помощь, исходя из духовных и нравственных христианских норм. Россия оставалась верной этим принципам и во времена царствования последних Романовых, и в советский период, когда поддержка иностранных государств обосновывалась «интернациональной солидарностью» и «дружбой народов».

Православная традиция – вопреки расхожему интеллигентскому мнению – постоянно давала примеры и социально-экономической, и политической, и культурной модернизации без нарушения догматической стороны своего вероучения. Православная вера всегда включала в себя задачи построения земной социальной системы – не бегства от мира, но его преобразования и, как результат, миродержавия, которое понимается как созидание духовно-политической крепости против разрушительных сил.

Миссия Русской цивилизации – удержать род людской от катастрофы. Спасая себя, великая Россия выручает все человечество. Несмотря на новые вызовы глобализации, Православие в мире собирает силы и наращивает влияние. Но видимое влияние Православия в России и в мире несопоставимо с той незаметной, на первый взгляд, внутренней силой, которую имеет оно в сознании людей. Нужно рассматривать Русскую Православную Церковь не как сегмент общественной жизни, но как силу, тождественную самой национально-государственной традиции России и любой другой страны, где православные традиции имеют национальные корни. Защита православной традиции и ценностей от различных нападков должна осуществляться не только во имя прав православного человека, но и в общенациональных интересах.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский пророчествовал: «Я предвижу восстановление мощной России, еще более мощной и могучей. На костях... мучеников..., как на крепком фундаменте, будет воздвигнута Русь новая – по старому образцу, крепкая своею верою во Христа Бога и Святую Троицу. И будет, по завету князя Владимира, – нам единая Церковь. Перестали понимать русские люди, что такое Русь. Она есть подножие Престола Господня. Русский человек должен понять это и благодарить Бога за то, что он русский».

Понимание того, что России предопределена Богом совершенно особая судьба и роль в истории человечества, в корне меняет представление о будущем страны, о будущем Православия в мире. Россия повторяет в истории Крестный путь Иисуса Христа: униженная и распятая, она воскреснет, крепкая своей верой в Бога. Разделяя судьбу своего народа, тем же путем идет Русская Православная Церковь: почти уничтоженная в XX веке, она воскресает, чтобы остаться хранительницей Божественной Истины до последних времен.

Иеромонах Рафаил (Нойка), прожив рядом с отцом Софронием (Сахаровым) долгие годы, делится с нами своей любовью к старцу и духовным опытом жизни по его слову. Его беседы являются своего рода введением в учение святого Силуана Афонского и архимандрита Софрония (Сахарова)¹.

Отец Рафаил, сын великого румынского философа Константина Нойки, родился в 1942 г. Его мать, англичанка по происхождению, была крещена в англиканской церкви, но на протяжении сорока лет, прожитых в Румынии, пела в хорах разных православных храмов. Тем не менее, по словам самого отца Рафаила, его мать не постигла глубоко-

го смысла Православия. Его дед тоже пел в хоре кафедрального собора в Ковентри, но спустя годы отошел от веры, что было не редкостью в смутное время конца девятнадцатого века. Перед кончиной он все же вернулся к вере и умер примиренным с Богом. Таким образом, отец Рафаил получил в семье поверхностное христианское воспитание – дела веры сводились лишь к посещению храма на Пасху, «чтобы поставить свечку», как вспоминал сам отец Рафаил. В возрасте тринадцати лет он вместе с матерью и сестрой отправляется в Англию, чтобы получить хорошее образование. Возраст исканий проявлялся у отца Рафаила и в его духовной жизни. Сначала он приходит в англиканскую церковь, но, как вспоминает он сам, атмосфера там была очень бедная, холодная, даже утомительная, – не в том смысле, что хотелось зевать в храме, а потому, что эта атмосфера ничем тебя не питала. Затем он приходит к пятидесятникам, потом – в Армию спасения. Долгие всего он задерживается у баптистов (полтора года). В протестантизме особенно противоречивым отцу Рафаилу показалось учение о Святом Причастии. И однажды он почувствовал,

¹ Живи мя по словеси Твоему. Духовные беседы / Пер. с англ. иером. Доримедонта (Литовко). – СТСЛ, 2014.

как свет в своей душе, желание вернуться в Православие. Промыслом Божиим он встречается с отцом Софронием (Сахаровым), духовным наставником монастыря в Эссексе, который советует ему закончить образование. Возвращение к Православию произошло в 1961 г. В 1965 г. в эссекском монастыре он был пострижен в монашество отцом Софронием. Монашество явилось ответом на вопросы, которые он задавал себе с детства. Блуждания в протестантизме отец Рафаил считает промыслительным Божиим деланием о нем, потому что «если бы я не пережил Православия как обращенный, возможно, никогда не смог бы рассмотреть его блистательной красоты, ощутить Православие как воистину единственную правду истории».

Отец Рафаил возвращается в Румынию в 1993 г., спустя 38 лет, с кратким визитом, выступая с лекциями на различных студенческих конференциях в разных уголках страны. А с 1993 г. отец Рафаил поселяется в затворе в западных Карпатах. На протяжении последних лет отец Рафаил издает переводы поучений преподобного Силуана Афонского и книги архимандрита Софрония.

ОБ ИМЕНАХ И ЗАПОВЕДЯХ БОЖИИХ

Сейчас часто можно слышать, как некоторые говорят, что Бог не существует. Я долго размышлял об этом, анализируя само слово «существовать», которое происходит от греческого слова «начинать», «начало», т.е. оно говорит о том, что начало быть. Но Бог действительно никогда не начинал существовать, Он всегда есть. Он есть то самое Начало, благодаря которому все, что существует, появилось на свет. Позже, будучи в Греции, я услышал в храме проповедь священника, говорившего точно то же самое. Он мне сказал, что нашел эти мысли у святого Дионисия Ареопагита, ученика апостола Павла. Т.е. уже в I веке христиане прекрасно знали, что Бог не «существует». Но вот появляется товарищ Сталин и ему подобные, заявляя то же самое, и, к нашему стыду, они колеблют в нас веру в Бога. Нам бы следовало сказать им: «Да, мы давно знаем, что Бог не существует и никогда не начинал существовать, потому что Он есть», как Он Сам сказал об этом еще три с лишним тысячи лет тому назад пророку Моисею.

В ИМЕНАХ БОЖЕСТВЕННЫХ СОКРЫТА БОЖЕСТВЕННАЯ СИЛА

Бог повелел Моисею идти в Египет, чтобы вывести оттуда народ израильский. Но Моисей не чувствовал, что способен сделать нечто подобное, ведь он, хотя и был человеком образованным, провел много лет в пустыне и был простым пастухом. *Вот, я приду к сынам Израилевым, – говорит он Богу, – а они, не поверив мне, скажут: как Ему имя? И тогда что я им отвечу?»* И Бог сказал: *Я есмь Сущий, ...скажи им, что Сущий послал меня к вам*¹. С этого момента мы знаем Бога как Того, Кто есть. Данное откровение имеет великое значение для человечества, как об этом пишет отец Софроний². В наши дни мы не понимаем, какая сила заключена в призывании имени Божия, тогда как в древние времена человек сознавал, что в слове сокрыта энергия, и имя является чем-то очень важным. Ведь силою имени Божия Моисеем, да и вообще всеми святыми были совершены бесчисленные чудеса.

Имя – это не просто слово, с помощью которого мы обращаемся к кому-то. С первых же страниц Библии мы видим, что имя имеет совсем другое значение. Так Ева дает своему третьему ребенку имя Сиф, потому что он родился у нее «вместо Авеля, которого убил Каин». Имя Сиф имеет значение «вместо кого-то», т.е. мы видим, что имя всегда понималось как слово, отражающее нечто весьма существенное в той или иной личности. Это что касается имен человеческих. Когда же мы говорим об именах Божиих, то надо знать, что в каждом Божественном имени заключена сила и призывать имя Божие означает благоговейно пребывать в Его присутствии.

В начале XX века на Афоне разгорелись споры, касающиеся как раз этой темы. Некоторые русские простые монахи, произнося молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго», чувствовали силу имени Иисуса настолько живо, что, не умея точно выразиться, утверждали: «Имя Божие есть Бог». Образованные же богословы усмотрели в этих словах ересь. Отец Софроний в то время был в Пантелеимоновом монастыре, и он считал, что споров и столкновений не должно было бы и быть. Надо было лишь найти точную формулировку, выражающую суть духовного опыта монахов-подвижников. Но оказалось, что богословы не смогли понять опыта аскетов, а аскеты не могли понять мысли богословов, и возник конфликт.

В именах Божиих заключена Божественная благодатная сила, и этою силою были совершены великие чудеса. В Ветхом Завете нам было дано

¹ Ср.: Исх. 3, 13 – 14.

² См.: Софроний (Сахаров), архим. Видеть Бога как Он есть. Гл. О личном начале в бытии Божественном и бытии человеческом. Эссекс, 1985. С. 180 – 215.

имя *Аз есмь Суущий*, в Новом же – Бог открывает нам Себя именем *Иисус*, т.е. Спаситель. Иисус Христос есть имя Бога в Его воплощении, Который стал человеком, чтобы еще полнее явить нам Себя и дать понять Его мысль о цели сотворения Им людей. Прежде, находясь на небесах, Он был невидим для живущих на земле, и люди постепенно утратили способность видеть и знать Бога так, как знал Его Адам и его ближайшие потомки. Даже после совершенного убийства Каин мог видеть Его и говорить с Богом. С усугублением состояния падения видеть Бога становилось все более и более редким явлением, человек стал плотским, бездуховным. Бог мог говорить лишь с избранниками, все еще способными различить и понять Его голос.

Но и пророки были людьми несовершенными и ограниченными. Иногда даже кажется, что Бог в Ветхом Завете это другой Бог. Он и гневается, и наказывает... Но, конечно, это не другой Бог, просто люди были весьма грубыми. Пророки, будучи людьми несовершенными, обращаются к еще более несовершенному народу, хотя и Богом избранному. Они жалуются Богу на их непослушание. И Богу надо было совершить спасение человечества, имея дело с нами, такими невежественными людьми. Бог должен говорить с нами на нашем языке, и потому Его совершенное слово ограничено нашим несовершенством. Отсюда в Ветхом Завете и суровость, и строгость, и войны, и все прочее, чего нет в Завете Новом. Бог во всем ограничен нашим несовершенством. Он есть Бог всемогущий, но человека Он создал свободным. Чтобы человек стал богом, он должен быть свободным. Самым великим даром Божиим является свобода. И потому неудивительно, что каждый стремится быть свободным, чтобы делать то, что хочет. Свобода – это добро, но, к сожалению, мы не знаем, как ею пользоваться себе во благо, мы не знаем, для чего она дана и что нам должно выбирать. Вот поэтому Бог и пришел к нам, чтобы Самому научить нас и дать святое совершенное слово, Свои божественные заповеди.

ЗАПОВЕДИ БОЖИИ И СМЫСЛ НАШЕЙ ЖИЗНИ

Посредством заповедей Бог нас учит желать и искать того, что действительно является достойным выбора. Своим откровением Бог хотел бы привлечь наши сердца так, чтобы мы свободно, всем своим существом возжелали жить по заповедям Христа, которые отнюдь не являются чем-то тяжким, как о том говорит святой апостол Иоанн Богослов¹. Заповеди Его нетяжки только потому, что они даны по любви.

¹ См.: 1 Ин. 5, 3.

Все заповеди Христа, а в том числе и заповеди Ветхого Завета, хотя и в прикровенной форме, имеют своим источником Любовь и ведут исполняющих их к этой Любви. Все заповеди сводятся к двум важнейшим, учит Христос. *Возлюби Господа Бога*¹, дающего тебе жизнь. И потому как не любить Его? Как не любить Жизнодавца? И *возлюби ближнего*², потому что «брат наш, – как говорят многие святые, и особенно ярко святой Силуан, – брат наш есть наша жизнь»³. Мы просто не сознаем, что мы не какие-то отдельные друг от друга индивидуумы, а один единый человек. Мы не понимаем этого потому, что еще не достигли должного состояния, мы пока находимся в процессе своего развития. Но станем ли мы тем, кем должны стать, зависит от каждого из нас. Бог даровал нам все необходимое и хочет даровать нечто большее, но мы должны возжелать этого, мы должны понимать и знать, как унаследовать Его дар. Дар Его в том, что мы можем стать подобными Иисусу Христу, подлинному Человеку. В этом и заключается смысл жизни на земле – уподобиться Человеку Иисусу.

«Зачем я родился? Откуда я пришел, куда я иду? В чем смысл моей жизни?» Подобные вопросы с детства не давали мне покоя, и мне всегда было удивительно, что в мире почти никто об этом не думает. И даже если кто-то задумывается, мир, в котором мы живем, не может дать ответа. Нас учат, как заработать деньги, нам говорят, что надо освоить какую-то профессию, что нам, возможно, надо быть нравственными людьми... Хорошо, пусть так, но зачем? Единственный, кто помог мне понять смысл моей жизни, был отец Софроний. И оказывается, смысл жизни в том, чтобы я стал подобным Христу, и тогда все остальное – работа, учеба, мораль и так далее – тоже обретает смысл и значение. Тогда все начинает служить главной цели и ведет к жизни, которой не будет конца.

Надо учиться призывать имя БОЖИЕ

Но вернемся к силе имени Божия. Может, вы заметили, что все литургические и другие молитвы часто начинаются с призвания имени Божия. Мы говорим: «Боже, Отче Вседержителю, Владыко Святой, Царю Небесный, Иже во святых почиваяй, Благословляющий благословляющих Тебя» и так далее, т.е. мы всегда призываем имя Господне. *Бог* есть имя, *Христос* – другое имя, *Аз есмь* – имя. Имен Божиих много, и некоторые из них имеют пророческое значение, как, напри-

¹ Мф. 22, 37.

² Мф. 22, 39.

³ *Софроний (Сахаров)*, архим. Преподобный Силуан Афонский. СТСЛ, 2010. С. 53.

мер, имя *Сын Человеческий*, которым Христос часто именовал Себя, известно еще из Ветхого Завета.

Кажется, в индуизме есть идея, что их боги, с одной стороны, имеют тысячу имен, а с другой – они безымянны. Они говорят это о своих «божествах», которые, в сущности, и не являются богами. Но мысль эта соответствует тому, что мы знаем об истинном Боге. Бог наш имеет не только тысячу имен, но и гораздо больше. Мы именуем Его самыми чудесными именами и никогда не сможем перечислить их. Бог наш непостижим и неисследим. Но каждое имя в какой-то мере отражает Того, Кто стоит за ним. Посредством силы, сокрытой в Его именах, мы входим в общение с Божественным миром, и Его силой мы можем совершать на земле дела, которые превосходят и законы земные, и наши собственные силы.

Даже магией занимающиеся умудряются с помощью неких заклинаний делать то, что превосходит обычный уровень человеческий. Хотя, конечно, у них это есть лишь, я бы сказал, произведение яркого впечатления, а не само чудо. Грех не имеет сущности, грех – искажение и извращение добра. Так и магия – это злое употребление силы слова, недолжное обращение с энергией, заключенной в тех или иных словах, вхождение в общение со злым духом. Молясь Богу, призывая Его святое имя, мы обретаем благодатную силу, превосходящую всякую иную силу мира сего, но сила эта добрая, она от Духа Святого и дается нам во благо.

Итак, молитву свою мы начинаем с призывания имени Божия и заканчиваем ее славословием. В молитве мы просим Бога о том, в чем нуждаемся. Если мы хотим благословить пищу, мы просим об этом Бога; если мы хотим, чтобы Он упокоил усопших, мы молимся, называя их имена. Мы просим Его о дожде, о благословении путешествия, об освящении вещей и так далее. Но иногда, как я заметил, мы даже и не говорим Ему о том, чего хотим, и в нашей молитве, бывает, нет ничего такого, что указывало бы на конкретную просьбу. Позже мне стало понятнее, что молитва – это обращение к Богу и призывание Его имени, нам даже не надо излагать свои просьбы и нужды, ведь Он знает о нас все. Уже прежде моего прошения Бог знает, *что* я скажу Ему. Я призываю Его имя, и этого достаточно, чтобы Он пришел ко мне.

Однако мы далеки от такого состояния. Мы находимся на низком уровне духовной жизни, не зная, ни *что* такое молитва, ни *как* должно молиться. И тогда Бог, применяясь к нашему уровню, учит нас через Церковь относиться к своим потребностям так, чтобы они помогали нам быть с Ним. Таково назначение Требника. В этой книге собра-

ны молитвы на всякий случай жизни, и в каждой из них есть какой-то фрагмент из Священного Писания, близкий по смыслу нашей нужде. Молясь, мы обращаем мысль к Богу и призываем Божие благословение. Дело в том, что мы весьма зависимы от того, что происходит с нами в обыденной жизни, она поглощает все наше внимание, и мы с головой погружаемся в земные проблемы. Но мысль Церкви – обратить эти проблемы в молитву и тем научить нас молиться непрестанно. Ведь у нас всегда есть какой-то вопрос, а значит, всегда есть и повод обратиться к Богу и жить вместе с Ним. Надо не только самому трудиться и добиваться чего-то в жизни, но, главное, делать это с Богом. Так постепенно мы разовьемся до такого состояния, – дай-то нам, Боже, – когда будем непрестанно пребывать в Боге, и тогда уже не надо будет просить Его ни о чем. Вы, наверное, знаете о том, что молитва Иисусова может войти в сердце и совершаться там непрестанно. Это значит, что человек всегда пребывает со Христом и ходит пред Богом.

А пока мы не достигли сего, мы учимся по-другому помнить о Боге, т.е. обращаясь к Нему в скорби и трудности. И вот здесь надо быть внимательным, чтобы избежать ошибки, в которую мы все так легко впадаем. Мы начинаем обращаться к Богу, вернее, хотим «использовать» Бога, чтобы у нас в жизни все было хорошо: чтобы мы были богаты, счастливы, здоровы и так далее. Т.е. Бог нам нужен для того, чтобы исполнялось все, что мы хотим. И мы еще удивляемся, почему Он нас не слышит, когда мы Его просим обо всем этом¹. Конечно, все это важно – и здоровье, и работа, и достаток, ведь нам надо как-то жить. Но зачем мы живем? Только чтобы потом умереть? Бог хотел бы, чтобы мы, обращаясь к Нему со своими просьбами, вспоминали о Нем чаще, чтобы помнили Его всегда, непрестанно, и когда стареющая плоть будет уже не в состоянии жить, когда исполнится срок нашего пребывания в мире, тогда мы устремились бы к Нему и были с Ним вечно. И тогда окажется, что самым главным было не то, что мы силой Божией совершали многие чудеса, а то, что мы научи-

¹ «Бог часто не отвечает на наши молитвы. Он молчит. Его молчание для многих является показателем того, что “Бога нет”, “Он умер”. Но если бы мы подумали, в какое положение мы ставим Бога нашими страстями, то видели бы, что у Него нет иного пути, как только молчать. Мы идём от Него встать на нашу сторону в наших неправдах. Он не обвиняет нас явно, оставляет нас идти нашими злыми дорогами и пожинать плоды наших собственных грехов. Но если мы обратимся к нему с покаянием, то Он приходит скоро, быстрее, чем можно ожидать. Зная наши нужды, Он нередко предупреждает их. Едва мы произнесем слова просительных молитв наших, оправданных реальностью нашей жизни в сем мире, как Он уже исполнил их. Итак, молчание Бога есть ответ на наши неправды, самый красноречивый, самый благородный. Мы изгнали из нашей жизни Бога Слово, слово Божие; мы пренебрегли этим словом и вот пожинаем плоды нашего же дела». (Софроний (Сахаров), архим. Таинство христианской жизни. СТСЛ, 2009. С. 116 – 117).

лись молиться и жить в Боге. Вот о чем надо помнить и жить так, как хочет того Бог. Надо научиться понимать мысль Бога о нас и мыслить так, как мыслит Бог.

Так печально, когда мы свое земное мышление переносим на вещи божественные. Например, одну из икон Матери Божией мы именуем «Скоропослушница» и обращаемся к Ней как к Той, которая слышит и немедленно помогает во всем. И мало кто задумывается, что это мы должны стать послушными и подобными Пресвятой Богородице. Нам была явлена эта икона и это имя с тем, чтобы показать, какими нам надо стать. Божественные имена – это откровение о Боге. И все, что Бог открывает нам о Себе в Священном Писании, в молитве, в житиях святых, – это для того, чтобы мы лучше поняли, какая жизнь ожидает нас в вечности и подготовились к ней.

О заповедях Божиих

Или посмотрите, как мы относимся к заповедям Божиим. Мы считаем их военными приказами: ты должен выполнять их, а если нет, то будешь гореть в аду. Но Бог мыслит иначе. Он предупреждает нас о том, что можно обречь себя на вечные страдания. По словам Златоуста, нам говорят об аде именно для того, чтобы мы не попали туда, а не для того, чтоб запугать нас. Просто для того, чтоб мы знали. К сожалению, в последние века слишком часто делалось упоминание о страхе наказания, о адских муках, мытарства и тому подобное. И создалось впечатление, что мы ищем спасения только для того, чтобы избежать вечных мук. А ведь это неверно, это – неправильное понимание спасения. Когда вера умалилась в людях, церковная жизнь приняла другую окраску. И то ли проповедь была неверна, то ли люди огрубели, но сейчас уже никого не привлечешь к духовной жизни страхом вечного огня. Если ты чрезмерно бьешь по какой-то части своего тела, то она немеет и уже ничего не чувствует.

Суть не в том, чтобы спастись от наказания и избежать геенны, а в том, чтобы найти положительный образ действий, встав на путь Божий. Спасение – это жизнь в Боге, и жизнь эта настолько великолепна и притягательна, что тот, кто начинает жить ею, совершенно забывает о существовании ада. Если вы обратитесь к Священному Писанию, то убедитесь, что Бог гораздо больше говорит о положительной стороне, чем об отрицательной.

В удивительном Евангелии от Иоанна Христос иногда говорит словно купец, который хочет привлечь наше внимание к Своему товару. А товар Его – жизнь с избытком, любовь, воскресение, вечность.

Посмотрите внимательнее на Его диалоги с книжниками и фарисеями, и вы увидите, что Господь постоянно проповедует жизнь и воскресение. *Истинно, истинно говорю вам: наступает время, и настало уже, когда мертвые услышат глас Сына Божия и, услышав, оживут¹. Воля пославшего Меня Отца есть та, чтобы всякий, видящий Сына и верующий в Него, имел жизнь вечную; и Я воскрешу его в последний день². Овцы Мои слушаются голоса Моего, и Я знаю их; и они идут за Мною. И Я даю им жизнь вечную, и не погибнут вовек³. Но фарисеи, книжники, законники и прочие всегда ведут речь о смерти. Они постоянно возвращаются к этой теме. *Иудеи сказали Ему: теперь узнали мы, что бес в Тебе. Авраам умер и пророки, а Ты говоришь: кто соблюдет слово Мое, тот не вкусит смерти вовек. Неужели Ты больше отца нашего Авраама, который умер? И пророки умерли: чем Ты Себя делаешь?⁴ И когда Христос сказал им: прежде нежели был Авраам, Я есмь⁵, то они схватились за камни, чтобы убить и Его.**

Все, что у человека есть в жизни, – это Бог, без Него человек мертв. И нам надо быть очень внимательными к своей жизни, чтобы не идти путем, ведущим в смерть, потому что идти путем гибельным для нас гораздо легче и естественнее, чем идти путем, ведущим в жизнь. Мы иногда даже и не знаем, что такое настоящая жизнь. Говорю это прежде всего для себя, чтобы немножко встрепенуться, чтобы задуматься над всем этим поглубже.

Но вернусь к тому, что я хотел сказать о заповедях Божиих. Они – не тяжкие потому, что сводятся к любви. Люби Бога и ближнего. Неужели любовь такая тяжкая вещь? Не является ли она как раз тем, чего ищет каждый человек? Не в ней ли заключается смысл жизни? Жизнь без любви – это и есть ад. И, однако, мы почти не знаем эту любовь. И потому все другие заповеди являются введением, руководством и объяснением заповеди о любви.

Отец Софроний говорит о заповедях как о самооткровении Бога⁶. Во-первых, это откровение Бога о Самом Себе, а во-вторых, это ис-

¹ Ин. 5, 25.

² Ин. 6, 40.

³ Ин. 10, 27 – 28.

⁴ Ин. 8, 52 – 53.

⁵ Ин. 8, 58.

⁶ «Чрез жизнь по заповедям Евангелия мы входим в самое тесное родство с Божественным Умом. Заповеди сии суть не что иное, как самооткровение Бога “как Он есть”. Становясь единственным законом нашего бытия, они (заповеди) сообщают нам “образ” искомого нами Божественного Бытия» (Софроний (Сахаров), архим. Видеть Бога как Он есть. Эссекс, 1985. С. 246 – 247).

поведь Бога пред нами. Он исповедует нам самые сокровенные глубины Своего бытия. И когда Церковь учит нас исповедоваться, она этим учит нас быть открытыми подобно Богу. Что мы можем исповедать? Конечно, свои грехи, потому что живем грешно. Но исповедь Бога удивительна и чудесна, потому что Он – великолепен, нет мрака во Свете, Который есть Бог. *Бог есть свет, нет в Нем никакой тьмы*¹. Но исповедь Его есть точно такая же, как и наша, – Он открывает нам Себя и хочет, чтобы мы открылись Ему взаимно. И если человек искренно исповедуется пред Богом, раскрывая пред ним грехи, то Бог с любовью приемлет его, исцеляет и делает человека богоподобным. Бог, исповедуясь пред человеком, или, иначе, давая нам Свои заповеди, вовсе и не ожидает от нас, что мы исполним их! Заповеди Его – не военный приказ. Они – откровение о том, чем мы не являемся.

Итак, люби Бога, исполни эту заповедь. В каждом из нас есть благодать, которая и учит, и помогает исполнять ее. Но почему же мы не преуспеваем? Да потому, что мы часто предпочитаем что-то другое, выбираем мороженое и тому подобное, а не любовь к Богу. И как нам достичь в таком случае неизменной пламенной любви к Богу? Это просто невозможно.

Невозможно еще и вот почему. Бог открылся Моисею как Сущий. Имя Его – *Аз есмь*. В Новом Завете мы имеем полноту откровения Бога о Самом Себе, и теперь нам известно, что Бог есть Любовь. *Аз есмь Любовь*, – говорит Бог. Любовь – это бытие Бога, это содержание нетварной Божественной жизни, и поэтому естественно, что для нас, существ сотворенных, эта любовь и эта жизнь недостижимы. Мы – творение, приведенное из небытия в жизнь сию. Мы сотворены из ничего и являемся тем, что вновь обратится в ничто, и потому как нам возможно жить жизнью Божественной? Конечно, нам это невозможно. Но Бог знает это, и потому то, что невозможно для нас, то дает Он Сам. Именно для этого Он и привлекает наши сердца к Себе. И я думаю, что самым важным элементом всей нашей аскетики является понимание нами мысли нашего Бога. Когда мы достигнем того, чтобы знать Его желание и мысль, когда нас пленит Его красота и мы всецело устремимся к Нему, тогда мы уже никогда не сможем забыть Бога. Вот в чем смысл.

Сами по себе мы не можем стяжать жизнь Божественную, единый Бог знает, как нам даровать ее. Ведь *Он сказал, что невозможное человеку возможно Богу*². Мы верим в Бога всемогущего, и мы ждем от

¹ 1 Ин. 1, 5.

² Лк. 18, 27.

Него именно того, что является невозможным для нас. То, что возможно для нас, мы и сами можем сделать. Нет, Бог наш есть именно Тот, Кто творит непостижимые чудеса, и творит их с нами, со мной и с тобой, кто читает сейчас это слово. В этом и заключается вера – верь, что Бог сотворит чудо именно с тобой! Нам надо поверить, что именно меня Бог хочет сотворить подобным Ему, и уже дальше жить, исходя из этого. Мы, монахи, живем в монастыре, вы, миряне, живете в миру, у каждого своя профессия. И это неважно. Или как говорит святой Силуан: «В этом мире у каждого свое послушание ... но Господь всех любит, и большая награда будет тому, кто больше любит Бога»¹. Важно лишь то, чтоб мы всегда искали Бога, чтобы все, что мы делаем, было каким-то образом связано с Богом. Надо жизнь прожить с Богом, и тогда Он даст нам жить Его вечной жизнью. Не надо пугаться трудностью Его заповедей и говорить: «Ну как я могу любить людей, которые наступают мне на ноги в метро или воруют у меня деньги, или делают мне зло?..» Надо знать, что любить – нетрудно, пусть и кажется, что любить – невозможно. Тому, что мне невозможно любить, меня учит сама моя человеческая природа. Любить всех этих неприятных людей противно здравому смыслу, я не могу вместить сего, не могу исполнить. Но... не надо смущаться. То, что невозможно тебе, то совершает Бог. И любовь к ближнему имеет такое удивительное свойство, что когда ты обретаешь ее, то тебе становится непонятно, как же ты раньше мог жить иначе. Она дается свыше, но нам должно стремиться к ней. Цель аскетики – развить и умножить в нас это желание стяжать любовь. Только для того, чтобы быть в Боге, мы читаем Священное Писание, посещаем богослужения, изучаем жития святых, молимся и вообще делаем все то, что дает возможность соприкоснуться с миром Божественным. Так поступая, мы хотим все время помнить о Боге, чтобы избежать греховного и смертного забвения о Нем.

О послушании Богу по любви к Нему

Хочется сказать нечто и о послушании, которое проистекает из любви и доверия к тому, кого ты любишь. Конечно, мы любим врагов без всякого доверия к ним, но и любовь к ним у нас совсем другого рода – она подобна Христовой, когда Он молился о распинавших Его. Но любовь к тому, кто достоин быть любимым, подразумевает и доверие к нему. Например, такова наша любовь к отцу Софронию, к стар-

¹ См.: *Софроний (Сахаров), архим. Преподобный Силуан Афонский*. СТСЛ, 2010. С. 323.

цу Силуану, да и вообще ко всем святым, которые учат нас только добру. Такова наша любовь и к Самому Богу. Мы доверяем их свидетельству и убеждаемся на опыте, что оно – истинно. Свидетельство святых непреложно в отличие от научных свидетельств, которые меняются постоянно, одна гипотеза сменяет другую, хотя каждая и претендует быть единственно подлинной. Зачастую научные истины улетучиваются так же быстро, как выветривается спирт. Не таково свидетельство Церкви, свидетельство святых. Они говорят о вещах действительно невероятных, но истинных, и ты на своем опыте можешь познать их истинность. А познав, начинаешь верить их свидетельству совершенно естественно, зная, что не разочаруешься ни в чем. Напротив, чем дольше ты живешь, тем больше убеждаешься в истинности слов святых.

И послушание является как раз выражением твоего доверия Богу, твоей любви к Нему. Отсюда становится несколько понятнее поведение Христа в Гефсимании. Любовь к Отцу привела Его на Голгофу, потому что любовь была сильнее боли, которую Ему предстояло претерпеть ради спасения Адама. В Гефсимании Христос молился о спасении человечества, о спасении тех, кто не заботится о спасении и не желает его, о спасении даже тех, кто будет скоро распинать Его. Он молится о тех, кто вчера восклицал: *осанна Сыну Давидову!*¹ – а сегодня кричит: *Распни Его!*² И молится Он о людях так, что пот Его был подобен каплям крови, падающим на землю. Он не заботится о том, какие муки Ему должно будет претерпеть ради нас, Он взирает с доверием на Отца. Любовь и доверие Отцу превосходят всякую боль и даже смерть на кресте. К сожалению, мы не таковы, мы не достигли совершенной любви к Богу, но мы всегда должны молиться о том, чтобы стать зрелыми христианами и, как пишет святой апостол Павел к Коринфянам³, все меньше и меньше питаться молочной пищей.

Времена сейчас трудные, и потому, думаю, Бог слышит нас и действует скорее, чем прежде. Нам надо прилепиться к Нему, пусть наша вера и кажется нам иногда словно неживой или какой-то отвлеченной. Ничего, какая ни есть вера, прибегнем к Богу, и Он даст нам веру живую. Я уверен, Он даст ее нам, потому что в тяжкие времена мы нуждаемся в большей помощи. Чем трагичнее дни, тем ближе Бог, в этом я убедился на примере и своей собственной жизни.

¹ Мф. 21, 9.

² Мк. 15, 13, 14.

³ См.: 1 Кор. 3, 2.

«ПОМИНАЙТЕ НАСТАВНИКОВ ВАШИХ»

АРХИВ МИТРОПОЛИТА МАНУИЛА (ЛЕМЕШЕВСКОГО)

СХИАРХИМАНДРИТ ПАНТЕЛЕИМОН

Схиархимандрит Пантелеимон родился в 1850 году. Начало свое полагал в Оптиной пустыни вместе с пустынником Софронием, к которому впоследствии ездил в гости. [На 19-ом году пришел в Оптину: раньше его не принимали. – *Митр. Мануил (Лемешевский)*]. После Оптиной пустыни жил в Белопесоцком монастыре келейником у игумена... Затем тридцать лет жил в Москве в числе братии Новоспасского монастыря¹. Два раза ездил на Кавказ к пустыннику Софронию, которым была устроена в горах Иверско-Алексеевская община² около Туапсе в восемнадцати верстах.

Роста схиархимандрит Пантелеимон был высокого, худой, с длинной белой бородой, строгий, сухой, даже суровый... [Не любил снижаться. – *Митр. Мануил (Лемешевский)*]. Обращение его с посетителями было прямолинейное: «Когда кого оскорбляют – надо радоваться, когда наоборот – плакать. Нужно все терпеть», – вот его принцип. Говорил отрывисто, как бы отталкивая от себя людей. «Что вы во мне ищете?» – спрашивал проходящих к нему: не хотел прерывать Иисусову молитву, прикрывая суровостью свою прозорливость...

Наставления о. Пантелеимона

Тому пост, у кого длинный хвост, а у нас с тобой его нет.

Прежние мученики явятся [на Страшный суд] с дрекольями и пиками, а нынешние – с чашками и самоварами.

Вы, пожалуй, к причастию пойдете без исповеди. Правила надо читать с акафистом Божией Матери и Спасителю.

Продолжение публикации из архива митр. Мануила (Лемешевского). Начало в «ДС» №1 (81).

¹ Монастырь во имя Всемиловитого Спаса был основан св. блгв. князем Даниилом Московским в XIII в. у Серпуховской заставы, где ныне расположен Данилов монастырь. Сыном св. Даниила Иоанном Калитой перенесен на Боровицкий холм Кремля. После начала каменного строительства в Кремле при Иоанне III переведен на нынешнее место на Крутицкий холм и стал называться в народе Спасом на Новом или Новоспасским. Закрыт в 1918 г. одним из первых. В марте 1991 г. богослужения возобновлены.

² Иверско-Алексеевская община в деревне Георгиевка близ Туапсе, Черноморской губернии, учреждена в 1910 г. в имении мещанки Мавры Макаровской.

Новоспасский мужской монастырь. Москва. Начало XX в.

Праздники надо дома сидеть и с Господом быть. [На то и святые вечера – надо больше углубляться. – *Митр. Мануил (Лемешевский)*].

Когда м. Евпраксия жаловалась на то, что ее притесняют, он сказал: «Что же, нас еще не мучают, крови еще нет, давай потерпим еще». – «Да вот нельзя ведь в церковь ходить?» – «Клади поклончик и говори: “Господи, прости меня, я недостойна быть в храме с сестрами”, – и легко тебе будет». «Когда я к тебе пришел, я все твои правила на себя взял», – говорил он ей.

Кто дает милостыню раньше, тот дорожку прочищает, а кто позже, того она догоняет. Она сама, милостыня, как птица, на жертвенник летит, никем не удержимая.

Пострижение в схиму

За месяц до смерти, 21 июня, о. Пантелеимон принял схиму. Приходит к нему как-то раз м. Евпраксия, а он сидит на своих трех дощечках и говорит: «Садись в моих ножках». Она села. «Слушай, мать, ведь меня саном повышают, – как быть? Не с кем мне посоветоваться». – «Да, батюшка, мне такой помысел пришел: раз предлагают – надо принимать. Вы ведь сами не просили этого, значит, Матери Божией благословение на то есть». – «Да, да! И я так же думаю, – в раздумии сказал он. – Я ведь и схиму приготовил – вот она в саквояже. Не достоин я только такого сана». – «Надо, батюшка, принимать», – твер-

дит м. Евпраксия. Нашлась и шапочка, которой не хватало, и о. Григорий облек его в схиму.

Когда стали о. Пантелеимона поздравлять, он сказал: «Дай, Господи, чтобы на всех вас схима была. Чтобы Господь удостоил всех вас ее принять». И после принятия схимы было ему страшное видение. Пять страшных мужиков связали ему руки и ноги, раскачали и бросили в ров. «Трудно мне было, ох как трудно! И все это я наяву видел», – рассказывал он. На другую ночь пришли к нему люди с факелами в толщину детской руки, зажигают лампадку и собираются поджечь постель. «Мы и тебя подожжем», – грозят они. Утром о. Пантелеимон говорит м. Евпраксии: «Мать, найди-ка книги спиритические, какие у меня есть. – Я за них истязуем».

При облачении в схиму хотел его о. Григорий наречь Пименом, а он не согласился. «Нет, пусть я останусь Пантелеимоном, а то как же меня поминать будут? – никто не будет знать». Раньше имя его было Симеон, в честь св. Симеона Богоприимца. После пострижения в схиму он каждый день приобщался Святых Христовых Тайн у о. Григория. Уже когда он был совсем болен, в забытьи, бывало, очнется и скажет: «Мать, я ведь сегодня не готовился, не буду причащаться!» – «Да я, батюшка, за вас семнадцатую кафизму прочла и правило», – успокоит м. Евпраксия. «Ах ты, умница моя!» – благодарно прошепчет он.

Смерть

Отец Пантелеимон болел с Фоминой недели до Ильина дня. Три недели жила и ухаживала за ним по его просьбе м. Евпраксия. В Боголюбовскую¹ прислал он за ней девушку. Поехала она к нему с Людмилой Ивановной. Долго он их не отпускал от себя и м. Евпраксию одну еще на два часа оставил... «Жаль мне вас отпускать от себя. Ты завтра, как будет время, опять приезжай», – говорил он м. Евпраксии. Так она вначале на целый день к нему приезжала, а недели за три до кончины – жила у него. В комнате жил он вместе с о. Григорием [и с иеродиаконном Серафимом. – *Митр. Мануил (Лемешевский)*]. Однажды, за несколько дней до смерти, позвал он к себе м. Евпраксию и сказал: «Мать, обо всем мы с тобой поговорили, а где же ты меня хоронить будешь? Я хочу лечь в Новодевичьем монастыре». А в Новодевичьем уже нельзя было хоронить. Не хотелось м. Евпраксии его расстраивать, она и говорит: «А если нельзя на Новодевичьем, на Даниловском кладбище благословите?» [Там ведь монахи. – *Митр. Мануил*

¹ Боголюбская икона Божией Матери празднуется 18 июня по ст. стилю / 1 июля по н. стилю.

(Лемешевский)]. «Да я с ними незнаком, кто там лежит. Пожалуй, они меня не примут», – сказал о. Пантелеимон, улыбаясь. «Ну уж если не на Новодевичьем, тогда – на Даниловское, только не на Калитниковское». [Этого хотел о. Григорий. Он говорил: «А я его возьму в охапку и отнесу с монахами...» – *Митр. Мануил (Лемешевский)*].

К смерти готовился он за неделю. «Меня и смерть не берет. Я как дряхлый старик лежу, а вы как ангелы вокруг меня вьетесь». Накануне смерти м. Евпраксия хотела пойти на службу к Серафиму Саровскому и просила благословения у о. Пантелеимона. «Нет, мать, не ходи. А с кем же я-то останусь?» – говорил он. Она и послушалась. А о. Григорий собрался ехать в Головинский монастырь служить обедню. «Отец Григорий, на кого ты меня оставляешь? Не ездь, побудь со мной...», – сказал о. Пантелеимон. «Не могу, батюшка! Там служить некому будет». – А м. Евпраксию о. Григорий предупредил: «Ты попроси его не умирать без меня». И уехал.

В Ильин день [20 июля ст. стиль / 2 августа н. стиль] о. Пантелеимон почувствовал себя очень плохо. Попросил вымыть руки и ноги, попил воды (за неделю до смерти он питался одной водой) и сказал, чтобы перевели его на постель о. Григория. В два часа дня сделал знак рукой: «Давай мне белье». Переодели его и перевели на свою кровать. В четыре часа он зевнул и без страданий, тихо, как бы засыпая, отдал Богу душу.

Отпевали его преосвященный Петр¹ и Чудовский о. Филарет². Заупокойную всенощную служил о. Евфимий. Пели сестры Новодевичьего монастыря. Отпевание происходило у «Успения» в Кожевниках. [Похоронен он на Даниловском кладбище близ о. Аристоклия, м. Сарры, игуменьи Герасимы. – *Митр. Мануил (Лемешевский)*]. В гробу лежал весь в цветах, худой – высох от болезни... Народу было так много! Все служили панихиды. Поминали его в четырех местах. Какая-то женщина сказала: «Мать! А ведь он меня от пожара спас!». У гроба рыдала дама, приехавшая из Курска. Она кричала: «Мне голос был: “Поезжай к о. Пантелеимону, он скончался», – вот я и приехала!».

Отдельные случаи прозорливости о. Пантелеимона

Узнала об о. Пантелеимоне м. Евпраксия от дворника, который говорил: «Это не старец, а великий человек». Она и поехала к нему с

¹ Архиепископ Петр (Руднев) с 1929 по 1933 год был епископом Коломенским, с 1933 по 1935 год – архиепископом Самарским. В мае 1935 года арестован, 3.11.1937 года – расстрелян.

² Архимандрит Филарет (Федор Петрович Волчан), в схиме Алексий (1867 – 1934) – последний настоятель Чудова монастыря. С 1922 по 1924 год был в ссылке, после возвращения служил в Можайске. Скончался в день Благовещения Пресвятой Богородицы, держа в руках свечу.

Людмилой Ивановной. «Зачем ко мне приехали, я строгий человек», – сказал он им. Потом так случилось, что все чаще и чаще стала м. Евпраксия к нему ходить и ничего уже с тех пор не делала без его благословения.

Однажды приехал он в Новодевичий монастырь, зашел к художникам и стал с ними разговаривать. Одна из монахинь, Надежда Каменская, подумала: «Как время дорого, еще пять человек до меня, а дожидаться некогда». Вдруг он оставил тех пять человек, подошел к ней и прямо на ухо сказал все то, что она хотела спросить у него. Часто, когда он благословлял монахинь, то говорил слова из Евангелия: «Да будет на тебе благодать...»¹. Однажды м. Евпраксия подумала: «Что же он меня никогда не благословляет так?». Пришла к о. Пантелеимону, а он открыл Евангелие и благословил, сказав: «Да будет на тебе благодать...». «Зачем ты мне все везешь с собой? Мне нужно теперь заботиться, чтобы все это кому-нибудь отдать», – говорил он ей.

Как-то раз, когда м. Евпраксия собралась уходить, он снял со стены резной Крест и, благословляя ее, сказал: «Да хранит тебя Господь во всех твоих путях и делах». Никогда до этого он так не говорил. Пришла м. Евпраксия на Театральную площадь, стала перебегать дорогу, а на нее лошадь наехала... Но за молитвы своего старца не испугалась и не растерялась матушка, схватила лошадь за узду и избежала неминуемой смерти. Однажды простудилась м. Евпраксия в соборе. Жар поднялся у нее сильный, начался бред. Приехал о. Пантелеимон, сел у нее в изголовье с Иисусовой молитвой. «Ты лежи, лежи», – говорил он ей, а сам все молился. И ей делалось все легче и легче, жар и бред проходили... «Завтра опять приеду», – сказал старец и уехал. Утром приезжает, а матушка уже сама на диване сидит, селедку ему готовит.

Висела у о. Пантелеимона полумантия. Захотелось м. Евпраксии ее себе взять, и она попросила благословения на это. «На что тебе?» – спросил о. Пантелеимон. «Я в ней лягу – умру». – «Да ты в своей ложись». – «Да Ваша, батюшка, мне помогать будет!» – «Ну хорошо, возьми». Полез за ней на чердак, а ее украли! «Не досталась она тебе», – с сожалением сказал старец.

Как-то раз приехал в Москву иеромонах Мелетий хлопотать о своей обители – Глинской пустыни. Обратился он за советом к о. Пантелеимону, а тот говорит ему: «Хлопочи не хлопочи – ничего не вый-

¹ Такими словами начинаются и заканчиваются многие апостольские послания.

дет!». Но Мелетий все же хотел продолжать свои хлопоты. Тогда иеромонах Серафим сказал ему: «Ты должен старца во всем слушать, он так по лбу ударит – как топором зарубит!». И кончились все дела Мелетия неудачей.

Пришла к о. Пантелеимону одна женщина – Татьяна, а он весь был забинтован. «Погляди, ведь у меня совсем боков нет» – сказал он. Болела у Татьяны тетя пять лет и никак умереть не могла. Пошла Татьяна к о. Пантелеимону, а он ей сказал: «Дай, дай ей [тете] святой водички и попрыскай ее!». Когда так сделали, тетя и умерла.

Жила Татьяна тесно, а хотелось ей, чтобы было лучше. Старец и говорит ей: «Когда меня не будет, ты станешь жить свободно». И верно, так все исполнилось...

Однажды встала Татьяна перед о. Пантелеимоном на колени и спрашивает: «Батюшка! Как мне молиться?». А он ей говорит: «Пришла ко мне однажды вдова, умерла у нее единственная дочь, так она заживо делала добрые дела, – и ты так же делай!».

Другой раз шла Татьяна к старцу, и в его дворе на нее набросилась огромная собака и чуть-чуть не укусила, насилу прошла она. А о. Пантелеимон улыбнулся в первый раз за все ее посещения и говорит: «Ну что? Как к о. Пантелеимону-то пройти, – как в Царство Небесное!» Благословил ее очень ласково и подержал за голову.

Если, бывало, придут к нему и захотят пить, то чай он всегда сам приготовит.

Однажды Татьяна спросила старца: «Батюшка! Почему чудес нет?» – «Мы с тобой не должны верить в то, что их нет. Считаю, что мы просто их не видим», – сказал он.

Исцеления после смерти о. Пантелеимона

Татьяна болела глазами, а как начала часто ездить на могилку о. Пантелеимона, ей стало лучше. У одной женщины, Елизаветы, и ее дочери болели руки. Пошли они на могилку к о. Пантелеимону, отслужили панихиду, взяли песок, положили его в лекарство – и все у них прошло. Одной послушнице четырнадцати лет было такое видение: явился ей о. Пантелеимон и сказал: «Я до Антихриста не доживу, а ты доживешь. Одна Пречистая будет нам помогать».

Надпись на кресте на могиле старца: «Схиархимандрит Пантелеимон Новоспасского монастыря скончался 20 июля 1929 года в 4 часа утра. Жития его было 79 лет. От группы верующих».

*Со слов монахинь Евпраксии и Татианы.
Записано 1 октября 1931 г.*

+++

Четыре месяца не благословлял меня батюшка, о. Пантелеимон. Подойдешь к нему, он отвернется, молчит и не благословляет. Однажды убирались мы все в храме, вдруг вижу, идет батюшка. Я перебежала к нему через дорогу, но он опять не благословил меня. «Ты ничего не понимаешь. Но в твоём благочестии будет великое испытание, а прежде этого испытания, я тебя испытаю», – сказал он мне. Так тянулось с мая месяца до августа. Наступил праздник Спаса. Мы, девушки, опять убирались на кладбище. Смотрю, идет батюшка. Я венник бросила и бегу к нему навстречу. Он смотрит на меня и улыбается: «Ну вот, Клавдия, теперь я тебя благословляю! Теперь я тебя испытал, и дай тебе Господи всегда такой быть!».

Иногда так и бывало: батюшка о. Пантелеимон не благословлял кого-нибудь. «Ты у кого исповедуешься?» – спросит. – «У о. Севестиана». – «Ну так и иди к нему за благословением!». А то делается ласковым со всеми.

Сообщено Клавдией в марте 1933 г.

Сон об о. Пантелеимоне

Этот сон видела я спустя полгода после смерти о. Пантелеимона. Снится мне, что я нахожусь у него в келье. Стоит кровать, а на ней гроб, в котором лежит мертвый о. Пантелеимон. Я подхожу и говорю: «Батюшка, благословите! Можно к Вам?». Гроб открылся. «Иди, иди, садись!» – раздался голос батюшки. Он вышел из гроба. В руках у него были четки и книга. Я спросила: «Батюшка, что Вы читаете?» – «Это Ветхозаветная книга, ты не поймешь», – отвечал он. «А ты никого здесь не видишь?» – спросил он меня. «Нет, батюшка, никого не вижу». – «А здесь старцы стоят: Авраам, Исаак, Иаков. Ветхозаветные старцы. И вот об этой самой книге у нас с ними речь идет». После этих слов он снова лег в гроб, который закрылся и стал спускаться в подпол. «Батюшка, благословите!» – кричу я ему. «Бог благословит!» – раздался глухой, как бы из-под земли, голос батюшки. «Когда тебе будет нужно, приходи ко мне на могилку», – сказал он. И я проснулась...

Сообщено Клавдией 5 мая 1933 г.

+++

Батюшка о. Пантелеимон никого не исповедовал, платил за это 50 рублей монахам, иногда только, в виде исключения, своих духовных исповедует. Первые разы, как к нему придешь, такого страха на-

терпишься, что думаешь: «Ух! Никогда больше к нему не пойду!» А недели две пройдет – и опять идешь, и тянет-то к нему, и душа с телом расстается от страха... Постучишься, а он скажет: «Ты вчера была у меня!» – «Нет, батюшка, дорогой, давно не была!» – «Ну, иди!» – и впустит.

У меня болело сердце, и я как-то стала жаловаться батюшке, как трудно бывает мне лезть на Симоновскую гору. «А кто тебя заставляет на гору лезть?» – спросит батюшка. «Я вот тоже на днях ходил к Симонову монастырю, но на гору не лез. Я зайду под гору и мою там ноги один раз в год. Пошел последний раз, только начал мыть ноги, хват, корова лезет, я одну-то ногу промыл, а другая осталась». «Батюшка, и в церкви-то стоять как трудно». – «А кто тебя в церковь посылает, раз сердце больное?»

Отец Пантелеймон сам про себя говорил: «Ведь я такой трудный!». Никогда никого не хвалил, наоборот, отругает еще. Умер он от простуды. Его позвал к себе в гости один духовный сын и предложил ему помыться в ванне. Батюшка поехал и по дороге простудился. Я была у него за неделю до смерти. Он был уже очень слаб и только глазами меня окинул и сказал: «Голодной смертью умираю». Я бросилась скорее по всем его духовным детям. И со всех сторон понесли ему всякой еды. А к чему он сказал это, не знаю. Оказалось, что у него все было. Великий он был молитвенник. Когда батюшка умер, у всех на душе был какой-то праздник.

Один раз, когда я была одна в квартире, пришел ко мне о. Пантелеймон. «Батюшка, дорогой! Я одна, сбегать за Клавдией?» – «Ну какое дело, беспокоить всех из-за того, что старик пришел! Сбегай за Полей». Пришла Поля. «Вот, Поля, скажи своей сестре, что она здесь во тьме ходит, она здесь, еще на земле, до половины горит». Родные Поли были неверующие. «Ты не обедай с ними. Они сидят за столом, как бесы». «Знаешь, Евдокия, – сказал он, обращаясь ко мне. – Пошел я как-то на кладбище. Слышу женский голос: кричит, просит о чем-то, плачет... Обернулся я и вижу, что на могиле сидит молодая девушка. Я подошел и спросил, о чем она так горько плачет. Она сказала: «Батюшка! Я так скорблю, у меня такое горе! Но сказать его Вам не могу». Я не стал ее расспрашивать.

На другое утро я опять пошел на могилки. И опять та же девушка там горько плакала. Я опять спросил об ее горе-обиде; и повел ее по родным могилкам, и стал служить панихиды. Она шла со мной. Я снова спросил, какое у нее горе. Она ответила, что к ней сватается жених, и попросила благословения. Я сказал, что я монах и на за-

мужество не благословляю. Я посоветовал ей сходить к белому священнику. «Я к белому не пойду», – говорит она. «А верующий твой жених?» – спросил я. «Да!» – ответила она. Тогда Господь тебя благословит. И у святых были дети». Вдруг она обернулась и строго говорит: «Я замуж не пойду». «Почему?» – спрашиваю. «Потому что народятся дети». «Вот и хорошо!» – говорю я ей. «Нет! Теперь ни брака, ни причастия, ни крещения нет! И родятся не дети, а бесы». Тогда я, пораженный ее словами, говорю ей: «Не тебе у меня, а мне у тебя надо учиться». И на этом мы с ней расстались. Пришел я домой и стал в Священных книгах ответ искать на ее слова и хотел узнать, кто это говорил со мной, что за мудрая такая дева. Открыл книгу и прочитал: «Настанет время, и не будет ни брака, ни крещения...». А что это была за дева? Да Божия Матерь.

Одна духовная дочь о. Пантелеимона, Агаша, лет сорока, имела большую семью, семеро детей, и она решила сделать аборт, чтобы не родить восьмого ребенка. Жила она как раз напротив моего дома. Вижу утром, часов в восемь, пришел батюшка на площадь и стал ходить прямо перед ее домом. «Батюшка! Вы к кому?» – спросила я, выбежав из дома. «Да у меня тут, в этом доме, две рабы Божии живут, я к ним», – ответил старец. И прямо пошел к Агаше. А она только оделась, чтобы идти в больницу (она сама потом это рассказывала). Вдруг она слышит стук и видит, что входит батюшка. «Здравствуй, Агаша! Я к тебе пришел, хоть ты и не рада меня сейчас видеть!» – сказал он. А она и вправду не рада была его видеть, но все же сказала, что поставит самовар, чаю попить. «Нет, Агаша! Ты самовар не ставь, а иди-ка сюда, послушай, я к тебе пришел сон разгадать!» – «Батюшка! Я не умею». – «Нет, ты, наверное, разгадаешь! Сегодня ночью я совсем мало спал. Вдруг слышу, что какая-то женская душа подошла ко мне и плачет, просит меня: «Батюшка, дорогой! Помолитесь, я сама себе жизнь погубить хочу!» Заснул я, через некоторое время слышу, второй раз подходит эта душа ко мне и говорит то же самое. Тогда я встал и помолился Богу о ее душе и пошел сразу к тебе. Агаша упала ему в ноги: «Батюшка, простите! Это я, окаянная!» – «Агаша, Агаша! Тебя семь человек не тяготили, неужели восьмой в тягость будет?» – спросил батюшка.

Одна женщина принесла батюшке селедок. «Где ты их взяла?» – «Муж принес». – «Где взяла, туда и неси!» – сердито сказал старец. Пришла женщина домой и все рассказала мужу, и тот сознался, что селедки те были им украдены.

Пришел однажды батюшка к нам в гости. Я сварила ему два яичка. «А ты просила благословения, как яйца сварить?» – спрашива-

ет батюшка. – «Всмятку». «Ну для чего всмятку? Ничего не делай без благословения». Подала я ему еще два яйца. Он их взял, да и бултыхнул прямо в самовар! «Чаю налить, – тоже у старцев благословение просить надо, ты же знаешь, я капризный! Может я покрепче хочу?» На другой год в Петров день опять батюшка пришел к нам в гости. Я приготовила ему большую копченую селедку, но без уксуса. «Ведь я тебе говорил, что старику этому ничего нельзя без благословения делать. И селедку эту как следует не смогла сделать!» Я сбегала к соседке и полила селедку уксусом. «Ну кто тебя просил?! Эссенцией надо!» – рассердился старец. Я сбегала за эссенцией. «Вот старик-то какой капризный», – говорит батюшка. «Да батюшка дорогой! Лишь бы Вы кушали!». «Все батюшка дорогой да батюшка дорогой! Заладила одно!» Когда старец собрался домой, я пошла его проводить. На дворе сидел народ. Отец Пантелеимон нарочно повязал голову платочком, чтобы над ним смеялись. Я хотела его проводить, но он терпеть не мог, когда шли с ним рядом, и прогнал меня домой. На другой день я послала к нему Клавдию. Он встречает ее и говорит: «Твоя мама вчера пихнула меня одного в переулочек и убежала домой! Такое мне было испытание – хоть плачь! Женщина уж какая-то вывела на дорогу!».

+++

Отец Пантелеимон любил и уважал епископа Павлина Калужского¹, который пришел к нему когда-то еще мальчиком. «Я вижу, что это не простой мальчик, – сказал батюшка. – На нем благодать Божия», – и взял мальчика к себе в келейники. Мы очень любили владыку Павлина, и он всегда бывал в нашей семье как свой. После смерти о. Пантелеимона я видела такой сон. Надо сказать, что батюшка сам

Епископ Калужский Павлин (Крошечкин)

¹ Сщмч. архиеп. Павлин (Крошечкин) с 1931 по 1933 гг. – епископ Калужский, с 1933 по 1936 гг. архиепископ Могилевский. Расстрелян 3.11.1937 г.

Могила схиархимандрита Пантелеимона

очень не любил фотографироваться, а владыка Павлин часто снимался, и у нас было много его фотографий. И вот вижу, будто я у себя дома готовлю обед для владыки Павлина, который дожидается у нас в зале. Вдруг бежит по комнате о. Пантелеимон и прямо к карточке владыки Павлина: «Что он свою рожу-то всем кажет!». Я недовольна во сне и думаю, что батюшка пришел помешать разговору с владыкой Павлином. А владыка Павлин говорит: «Ты и батюшку пригласи обедать». А тот опять убежал, недовольный какой-то.

Батюшка о. Пантелеимон ужасно не любил сниматься, и его никак нельзя было уговорить это сделать. Тогда братия Спасского монастыря решила прибегнуть к хитрости, так как всем хотелось иметь его карточку. Однажды все сидели за трапезой, вдруг пришел фотограф и снял обедающих. Батюшка закрыл себе лицо салфеткой. Когда стали смотреть готовые карточки, то о. Пантелеимона не увидели. Где он был – пустое место. «Не нужно хитрить. Вы все разоделись, а я сидел в грязном, вот и не вышло у вас ничего».

Напротив нашего дома жил председатель, который очень нападал на нас из-за того, что к нам ходили монахи. Я несколько раз говорила об этом о. Пантелеимону, а он, как бы нечаянно, постучит к председателю, чтобы его все увидели. «А я не хочу ходить тайно! Вот и хорошо, что все увидели!». Приходилось нам терпеть. Пекла я на Пасху кулич и влила в тесто святой воды. Пришел к нам батюшка и спрашивает: «А как ты кулич пекла?». Я сказала. «Куличи-то хороши, только есть их нельзя и святить нельзя! Что вы наделали! Это большой грех! Или вы не знаете, что святую воду подливать в сдобное тесто грешно? Если просфоры пекут, то масло не кладут, а если куличи пекут, то святой воды не льют! А это что? Не то кулич, не то просфора!». Одним своим духовным дочерям велел строить в деревне дом. Денег у

них не было, но он их благословил и дал денег. Теперь они только этим домом и живут, и всю жизнь благодарят старца (Евдокия из Новогиреево).

«Люди, как черви, ползают по земле, и я, недостойный, как червь», – так говорил о себе батюшка. «Батюшка! Как мы рады Вас видеть!» – сказала его духовная дочь Варя. «Какая радость меня видеть? Я как червь, а не как человек. Но с червя-то ничего не спросят, а с меня большой спрос перед Богом!» Если батюшка даст кому огурец или корки оглоданные домой – значит будет скорбь. А иногда молока даст или черной икры на хлеб намажет. Однажды велел мне отнести новое белье, которое ему дали, одной бедной женщине. Мне в этот день не хотелось к ней заходить, и я пришла к старцу в другой день. Прихожу, а узелка нет. «А что, я буду тебя дожидаться? Тут пришел бедный человек, я и отдал, что оно, мое что ли?» – сказал батюшка. «Мне письма не надо расписывать», – говорил он.

Сообщено Евдокией в марте 1933 г.

Сон об о. Пантелеимоне

Этот сон я видела через полгода после батюшкиной смерти. Когда Спасский монастырь закрыли и все святыни перенесли в церковь Успения, мы стали ходить в Покровский монастырь, где лучше служили и больше было духовных лиц. И вот вижу я во сне, будто вхожу я в Успенскую церковь, а о. Пантелеимон сидит в уголке около иконы Николая Чудотворца и плачет. Я приложилась к иконе и подошла к батюшке. «Покинули образ Спасителя, – говорит он. Когда Он был в Спасском монастыре, то вы любили Его, а теперь забыли... Не нужно искать служителей, а нужно любить Спасителя. Храм наполняется благодатью от Его иконы. И в этом храме благодать». И я проснулась. Когда я рассказала этот сон владыке Павлину, то он велел нам ходить в храм Успения, где был образ Спасителя и другие святыни из Спасского монастыря, на которые мы молились при батюшке. И мы все стали после этого ходить в церковь Успения.

Записано 5 мая 1933 года со слов Шуры.

Схиархимандрит Пантелеимон, в миру Симеон Лукьянович Митюрёв, родился в Орловской губернии Ливенского уезда в селе Здоровец в крестьянской семье. Женат не был. Известно, что его мама ушла в женский монастырь, где была пострижена в монашество и приняла великую схиму с именем Евпраксия.

В июле 1872 г. Симеон был зачислен в братию Пафнутия Боровского монастыря послушником. Шестнадцатого июля 1880 г. был пострижен в монашество с именем Пантелеимон. Двадцать второго января 1882 г. был рукоположен в иеродиакона. С 1884 по 1889 год нес послушание ризничного монастыря. Тринадцатого января 1885 г. был рукоположен в сан иеромонаха. В январе 1892 г. определен на должность казначея монастыря. В сентябре того же года переведен в Козельскую Оптину пустынь, а 14 декабря – в Ти-

АРХИМАНДРИТ ИОАННИКИЙ (в схиме Иоанн)

Широко раскинулись по обе стороны большой дороги необъятные просторы земли русской. Пашни, луга, лес, а там, где уже глаз едва хватает – опять дороги во все концы, неведомо откуда бегущие и куда приводящие, за тысячи верст. Молодому страннику, бодро и весело шедшему по большой проезжей дороге, не страшны никакие пути, никакие дальние переходы. Искал он лишь святые обители, оплоты веры русской. Немало он их посетил, немало исходил больших дорог с тех пор, как покинул далекую Новгородскую губернию, где родился, учился, возрос, а потом юродствовал несколько лет Христа ради... Теперь же, в 1854 году, шел под сень монастыря не на малый срок, а чтобы сложить там посох странника и остаться работать Господу на пути высшего стремления к совершенству в иноческом чине.

В окрестностях города Серпухова Московской губернии предстала перед ним небольшая обитель, по виду небогатая и скромная, с некоторой возвышенности смотрящая в речку Лопасню. Это была Вознесенская Давидова пустынь¹. Странник Иоанн постучался туда и попросил принять его в число братии насельником. Его приняли. Он взялся ревностно за черные труды первых послушаний: рубку леса, рыбную ловлю, уборку хлеба и прочее. Со смирением и неумолимостью он трудился восемь лет, пока в 1862 году его не перевели в Белопесоцкий Троицкий монастырь² на Оке. Здесь, после трех лет нового неустанныго послушничества, митрополит Московский Филарет постриг его в монахи с именем Иоанникия. Рукоположенный в иеродиакона и в иеромонаха, он проходил послушание казначея и стро-

хонovu пустынь. В 1893 г. иеромонах Пантелеимон был перемещен в Мещовский Георгиевский монастырь. Пятнадцатого июля того же года был определен в Московский Новоспасский монастырь, где исправлял особое послушание: по распоряжению настоятеля монастыря сопровождал чудотворную икону Спаса Нерукотворного и служил молебны. С 1924 по 1926 год архимандрит Пантелеимон исполнял должность заместителя. После закрытия монастыря в 1926 г. до своей кончины в 1929 г. находился в Москве. В среде верующих был известен как подвижник и благодатный старец.

Скончался мирно 20 июля 1929 года, погребен на Московском Даниловском кладбище. В келейном синодике Российских Подвижников благочестия святытеля Афанасия (Сахарова) обозначен день кончины схиархимандрита Пантелеимона.

Братия монастыря восстановила могилу схиархимандрита Пантелеимона, установлен металлический надгробный крест. Ведется сбор сведений о жизни подвижника.

¹ Давидово-Вознесенская пустынь основана около 1515 г. прп. Давидом Серпуховским, учеником прп. Пафнутия Боровского. Закрыт монастырь был вскоре после 1917 г., возрожден в 1995 г. В 1997 г. обретены мощи прп. Давида.

² Свято-Троицкий Белопесоцкий мужской монастырь основан в конце XV века игуменом Владимиром (ныне местночтимый святой Владимир Белопесоцкий). Закрыт и разорен в 1918 году. Возрожден в 1993 г. как женский монастырь.

ителя, а в 1869 году был уже возведен в сан игумена. Новый настоятель отдал все силы свои на то, чтобы поднять благосостояние такого бедного монастыря, каким был в то время Белопесоцкий. Сам твердый в исполнении устава монах, он звал к тому же свое стадо, всей своей жизнью являя ему пример. Отец Иоанникий постоянно заботился об украшении храмов, о красоте и стройности богослужений, усердно ревновал и об удобствах братии, вводил улучшения в помещениях и в питании, стремился поддерживать чистоту и порядок повсюду. И при всех этих многочисленных заботах своих игуменских, о. Иоанникий сохранял простоту души, полную нестяжательность, постоянную готовность поучить всякого ищущего слову истины от Писания или святых отец, изученных им в совершенстве. Он зорко стоял на страже вверенной ему братии, спеша всегда поддержать слабого, защитить обиженного, усмирить непокорного, как истинный пастырь, неся тяготы их на своих плечах, хотя более всего любил келейное молитвенное уединение, к чему понуждала его теплая несокрушимая вера. За пятнадцать лет его управления Белопесоцкий монастырь расцвел как с внешней стороны, так и внутренним своим устройством. За эти заслуги о. Иоанникий был дважды представлен к награде: в 1873 году – наперсным Крестом, а в 1878 году – палицею. Увидя успешные труды о. Иоанникия в Белопесоцкой обители, его вновь переместили в Давидову пустынь. Снова вошел он в знакомую ограду, куда постучался тридцать лет назад молодым странником Иоанном и куда теперь вступал мудрым настоятелем. Здесь он трудился девять лет с прежней неутомимостью и усердием и поспешением Божьим достиг успеха в делах. Давидова пустынь окрепла и возросла при нем. В 1887 году о. Иоанникий был возведен в сан архимандрита, а уже через год прощался с братией, так как был переведен настоятелем в Задонский монастырь. Так суждено ему было, как в юности, переходить от монастыря к монастырю.

В прекрасном, благоустроенном, пышно цветущем молитвами свт. Тихона Задонском монастыре смог немного отдохнуть ревнитель игумен. Он, однако, не искал покоя, и если не было здесь постоянного напряженного труда, как в стесненных обстоятельствах бедности малых обителей, то о. Иоанникий нашел для себя новую деятельность. В округе был острог, где содержались заключенные. В этих бедных душах принял участие о. Иоанникий, милосердный игумен, посылая им ежемесячно денежную помощь, он молился о них. У себя же собирал он по субботам нищих и убогих города, человек до пятидесяти и кормил их на собственные средства. И скоро имя его зазвучало

чало в устах народа. В то же время о. Иоанникий состоял блюстителем Духовного училища и попечителем церковно-приходских школ в уезде: во всем сказывалась его прежняя энергичная деятельность, во все он вкладывал душу. За это время, с 1892 по 1899 год, он четыре раза был награжден орденами и знаками отличия.

Еще в молодости о. Иоанникий заболел ревматизмом ног, который мучил его и в преклонные годы: ноги опухали, и иногда он не мог ходить. На семьдесят седьмом году жизни тихо угас этот неутомимый слуга Божий. Было самое начало 1902 года. Накануне праздника Крещения Господня, за совершением вечерни и водоосвящения, о. Иоанникий почувствовал, что больные ноги окончательно ему изменяют. С этого дня начал старец слабеть и гаснуть. Он знал о приближении смерти, предсказывал даже день своей кончины. Двенадцатого января он открыл это окружающим: «Отйду скоро ко Господу Богу моему», – сказал старец келейнику своему о. Серафиму. Попросил причастить его, пособоровать, посихмился, приняв прежнее имя Иоанн. Прошла еще неделя. Это был тихий уход в другую жизнь... Девятнадцатого января схиархимандрит Иоанн переселился в небесные обители. Отпевал его преосвященный Владимир [Шимкович], епископ Острогжский. Он же произнес надгробное слово. В память покойного говорил еще наместник монастыря, игумен Леонид. Он сказал: «Ты не любил мира. Поборол в себе похоть плоти, похоть очес и гордость житейскую, шел навстречу не радостям жизни, которые представляются грешникам бесконечными, но навстречу болезням и концу. Главным же качеством твоим была непоколебимая вера православная в Бога и Промысл Его относительно себя, всякого человека и событий в мире сем. В силу такой веры ты всегда имел возженный и украшенный светильник молитвы, дабы, подобно евангельским мудрым девам, встретить Иисуса Христа». Аминь.

Похоронен схиархимандрит Иоанн в задней палате нижней церкви монастырского собора.

СХИАРХИМАНДРИТ ГАВРИИЛ (ЗЫРЯНОВ)

Письмо старца схиархимандрита Гавриила к духовному сыну – академику, монаху архимандриту Симеону (Холмогорову):

«Начну с Боголюбия! Быть может, по науке, по способности ума Вашего Вы знаете о Боголюбии несравненно больше, чем я, убогий. Слава Богу! Но если бы Вы были уязвлены сердцем этим Боголюбием, и оно совесть и все внутри Вас освещало, сожигало и переплавляло, то, конечно, ни напominаний сладострастных, ни каких-либо других те-

ней не было бы в Вашем сердце, и ничем оно не могло бы усладиться, кроме Боголюбия. Прости, мой любимче, и не подумай, что я хочу упрекнуть тебя в чем-либо. Нет! Совсем нет! Мне желалось бы объяснить тебе, как ближайшему другу и брату о Христе, что чувство Боголюбия я сам очень долго и сильно желал получить, – и не получал. Эти желания были муками моего духовного рождения, и эти муки были очень долгими – более тридцати лет.

Думаю, что борьба с грехом за радость единения с Господом и Творцом была во мне двух родов. Одна – моя природная, другая – Божия, но все это было так таинственно сокрыто по высшему усмотрению, что я мог кое-что уразуметь только впоследствии. Я изнемогал в борьбе с собой, с порывами страстей моей плоти, но при этом во мне пребывало желание высшее и лучшее, нежели все греховные порывы. Оно окрыляло мой дух, я чувствовал, что только оно может меня удовлетворить и больше ничто на свете – эта вечная творческая сила, сила не умирающая, дарованная Творцом – любовь к Богу.

Я жаждал любить Бога всем сердцем. Но как любить? Чтобы любить Бога, нужно быть достойным. А я видел себя не только грешником, но и коснеющим в грехах своих. Как любить, чтобы сердце удовлетворялось в своем желании, – я не знал. Все способы испытал, какие указывали: быть добрым, милосердным к ближним. Я все раздавал нуждающимся, голодал, скрывая это ото всех, терпел обиды, старался любить врагов, но самой-то любви к Богу в себе я не ощущал. И что делать для этого, я не мог придумать. Да и страсти мои ясно говорили, что я чужд этой Божественной любви. Я чувствовал, что сила жизни – в любви к Богу, сила творческая, благостная. Я думал, что если я буду иметь в себе эту любовь, то падут оковы моих страстей. Я был убежден в этом тогда, да и теперь удостоверяю, что иначе и быть не может. Это та самая истина, о которой было сказано Самим Спасителем.

Прп. Гавриил (Зырянов). Икона

И вот не стало терпения долго ждать. Я взывал ежеминутно: да когда же Господь удостоит меня этой любви!? Ведь Он сказал: *Без Мене не можете творити ничесоже*¹. Господи! Приди и вселися в ны! Научи меня творити волю Твою, научи любить Тебя, как подобает любить! Ведь Тебе, Всесильному, нетрудно это сотворить со мною! Всели эту любовь в меня, я пойму, я узнаю Тебя, тогда удались от меня. Я буду уже стремиться к Тебе, буду страдать сознательно, зная, за что страдаю, для чего живу. И вот Господу моему было угодно, чтобы я заболел, и я заболел и плакал, что остался в грехах моих. Очень много каюсь – и получаю радость, потому что вижу, что грехи начинают терять надо мною свою силу, и помыслы греховные уже не возникали в сердце, а покаяние соединилось с благодарностью к Богу. Чем больше я страдал, тем легче я себя чувствовал. Я чувствовал сильную потребность причащаться. По причащении Святых Таин дух мой окрылялся неизреченной надеждой на Бога, а сердце благодарностью к Господу Иисусу Христу. Здесь-то мне, убогому, и открылась в необъятной полноте любовь Божия к миру. Эта любовь заговорила как бы во мне, внутри всего моего существа с такой силой ко Господу, что я не чувствовал своих страданий.

Я не мог оторваться ни мыслями, ни сердцем от любви ко Господу. Воспоминания обо всей Его земной жизни, о всех явлениях и действиях на земле приводили меня в радостный трепет, обновляли внутри меня душу и сердце. Сердце было полно надеждой спасения. Господь был близок, и душа жила Им, и я чувствовал только Его безграничную любовь. Каждый миг земной жизни Спасителя ясно отпечатлевался в сознании, как совершенный для спасения. Им было освящено для человека все: и окружающий воздух, которым я дышал, и вода, которую я пил, и сам одр, на котором я лежал, и гроб, в который я готовился сойти. Все это было залогом моего спасения, воскресения из омертвения плоти и прославления с Господом. И я чувствовал, что это творится не по моим заслугам, а единственно по бесконечному милосердию Божию. Я сознавал себя глубоко грешным, но в то же время горячая надежда на спасающую любовь и милость Господню неизменно окрыляла мой дух. Слезы умиления лились из очей, а что переживало при этом сердце – я не могу и описать... Я не чувствовал потребности в пище, тяготился, когда меня посещали другие. Я блаженствовал, уязвленный любовью ко Господу, желал остаться один и даже страдать, но только с Господом и в любви к Нему. Вот что такое

¹ Ин. 15, 5.

Боголюбие, и вот что оно делает с душой человека!

Ради этого я назвал Вас Боголюбивейшим, ибо Боголюбие необходимо для всех и каждого в отдельности. Оно огромное богатство и есть всемогущая сила, как сила творческая, сила каждого живота... Если кто водрузил эту силу в сердце, тот и душу свою оживит ею. Боголюбивый не пожелает любления мира сего, ибо любить мир будет уже разрывом любви Божией и вражда к Богу. Это слово многим не кажется справедливым, но оно правда Божия и истина. Разве тот, кто имеет благодатную любовь в себе, будет убивать других? Кто любит Бога, разве пожелает собственности другого? Он и свое-то имеет, как Божие, со страхом Божиим тратит то, что ему дал Бог. Боголюбие есть жизненная сила души и сердца человека, созданного по образу Божию. Через него человек вновь водворяется в рай, и к нему приходит Царствие Божие».

Схиархимандрит Гавриил

Получив этот Божественный дар – Боголюбие, батюшка Гавриил уже не мог даже слышать равнодушно произносимое слово «Бог». Он весь загорался сердцем и от прилива любви ко Господу Спасителю неудержимо проливал сладкие слезы умиления и благодарности. Сладчайшее имя Божие было постоянно в уме его и в сердце, и вливало силу в ослабевший организм батюшки. Поэтому он старался удаляться от людей, замыкаться в своем сердце. Сердце человека глубоко: сокрыто оно от людей, сокрыто оно и от демонов, иначе никто не спасся бы из людей. Увлекаемый сладостью Боголюбия и живительной силой его, батюшка старался во всем побудить себя для Бога и достичь полноты самоотречения. «Долго я ломал себя, все не удавалось. Ну наконец сломил!» – говорил батюшка впоследствии. К сожалению, осталось неизвестным, что же именно он «сломил» внутри своего сердца, после чего как бы пала крепость душевной самости, и исчезли все внутренние препятствия к любви Божией. Пути духовного преуспе-

*Схиархимандрит Гавриил (Зырянов)
и Великая Княгиня Елизавета Феодоровна.
Спасо-Елеазаров монастырь. 1910 г.*

вания в живительных лучах этой творческой любви сделались для него как бы гладкими, спокойными и вполне ясными. Для духовного взора батюшки и вся жизнь стала простой: не было никаких сомнений, колебаний, запутанности. Окрыляла вера в Бога, надежда окрыляла предвкушением будущих благ.

Он почил от дел своих праведных, умолкли уста его, произносившие слова любви и утешения, и закрылись очи его, с лаской и прозорливостью глядевшие в сердца людей. Но присно пламенеет святой дух его любовью к Богу, и дерзновенно он молится, как

и обещал, за всех, возлюбивших и поверивших ему по Богу в простоте и не лукавosti. И эти возлюбившие уже испытывают на себе силу молитвенной его помощи с неба и познают, что он жив духом своим в Боге, и что все тот же он: любящий, ласковый, готовый утешить и помочь во всяком горе. И сердца их все более проникаются верой в силу слов его и святость наставлений его. Поэтому, к утешению и назиданию всех боголюбцев, мы закончим повествование наше словами «Завещания» самого батюшки, дабы благословение и молитва его были с теми, кто пожелали стать заочными учениками его и следовать заветам его. Архимандрит Симеон.

Завещание старца схиархимандрита Гавриила своим духовным детям

Скоро, может быть, я умру. Оставляю вам в наследство великое богатство, для всех неоскудеваемое. Его всем хватит, только пусть пользуются и не сомневаются, все будут жить безбедно, кто сумеет его себе присвоить.

1. Когда кто почувствует себя грешником и не находит выхода себе, пусть затворится в кельи один, читает «Сладчайшему Иисусу Христу» канон с акафистом и утешится, плачем уврачеваемый...

2. Когда кто находится в напастях, каких бы то ни было, пусть читает молебный канон Божией Матери «Многими содержим напастями», и пройдут у него все напасти бесследно, к стыду нападающих на него.

3. Когда нуждается кто во внутреннем души освещении, пусть читает со вниманием семнадцатую кафизму, и откроются у него внутренние очи, и последует потребность осуществить то, что в ней написано, возникнет потребность чаще очищать свою совесть исповедью и причащаться Святых Таин Тела и Крови Христовой. Явится добродетель милосердия к другим, чтобы не задирать их, а страдать за них и молиться, и тогда явится внутренний страх Божий, в котором проявятся для внутреннего ока души все заслуги Спасителя: как Он страдал за нас, любя нас, явится и любовь к Спасителю благодатная с силою Святого Духа, Который поставляет нас на все подвиги, научит совершать их и терпеть. В терпении нашем мы увидим и восчувствуем в себе пришествие Царства Божия в силе Его, и воцаримся во едино с Господом, и обожимся... Тогда для нас покажется сей мир совсем не тем, каким он нам рисуется теперь. Впрочем, мы его не станем судить, так как судить его будет Иисус Христос, но мы увидим мирскую ложь и грех в нем. Мы увидим и правду, но только в Спасителе, и будем ее начертать только в Нем одном. Ложь! – Мы ее видим и не видим... Ложь – это сей век со всеми прелестями скоропреходящими, ибо все минует и не возвратится. Правда же Христова пребудет во все века. Аминь. Схиархимандрит Гавриил.

+ + +

Будущий старец схиархимандрит Гавриил (Гавриил Феодорович Зырянов) родился 14 марта 1844 года в благочестивой семье крестьян Пермской губернии Ирбитского уезда Феодора и Евдокии Зыряновых. С юных лет Гавриил мечтал стать иноком, 13 августа 1864 года его мечта сбылась: он поступил послушником в Оптину пустынь. Оптинские старцы св. Амвросий, о. Иларион, о. Исаакий помогли будущему подвижнику стяжать дух кротости. Через десять лет оптинского послушания Гавриил был принят в Московский Высоко-Петровский монастырь, через год получил постриг с именем Тихон в честь свт. Тихона Задонского. В июне 1882 года был переведен в Раифскую пустынь, где в том же году был рукоположен во иеромонаха и назначен братским духовником. В 1883 году иеромонах Тихон приезжает в Седмиозерную пустынь, где вскоре становится братским духовником, а затем благочинным. После несчастного случая подвижник тяжело заболел, он не мог долгое время принимать пищу. Несколько лет о. Тихон мужественно переносил страдания, терпел болезнь как средство к очищению от грехов. Пятого октября 1892 года состоялось пострижение иеромонаха Тихона в схиму, при постриге

Прмц. вел. кнг. Елисавета и прп. Гавриил Седмиезерный. Икона. Кон. XX в.

старца были будущие преподобномученицы великая княгиня Елисавета с инокиней Варварой, почти ежегодно посещавшие пустынь. Почитание и известность старца настроили против него нескольких насельников из числа братии. Много пришлось пережить незаслуженных обид старцу. На этом фоне так трогательно участие в судьбе старца его духовных чад. Один из них, будущий священномученик Иувеналий (Масловский), бывший тогда игуменом Псковской Спасо-Елеазаровой пустыни, выхлопотал перевод схиархимандрита Гавриила к себе. Обитель очень нуждалась в опытном духовном наставнике, и братия телеграммой просила преподобного Гавриила не отказывать ей в духовном окормлении. В конце июня 1908 года схиархимандрит Гавриил приехал в Псков. Когда старец Гавриил подъехал к пустыни, то не смог удержаться от слез: у святых ворот монастыря его встречала вся братия с чудотворным образом Всемилоственного Спаса на руках. В Спасо-Елеазаровой пустыни старец Гавриил занялся усиленно Иисусовой молитвой, положив себе вычитывать ее двенадцать тысяч раз, кроме того вычитывая положенные по Уставу службы. Старец и здесь прославился как великий утешитель и помощник в скорбях.

он получил прежнее имя Гавриил в честь Архангела Гавриила. Умирающий схимник ушел от внешнего мира в свой внутренний, обретая там Бога.

После нескольких лет страданий пришло облегчение. Старец стал принимать верующих. В борьбе с телесными скорбями он снискал особую благодать Божию, получив к прежним своим дарам дар врачевания по молитве душевных и телесных недугов.

В феврале 1902 года иеросхимонах Гавриил был утвержден Св. Синодом в должности наместника Седмиезерной пустыни, а вскоре возведен в сан схиархимандрита. Среди высоких покровительниц, почитательниц, а позже и духовных чад

Великая княгиня Елисавета не покидала своего духовного наставника, часто посещала пустынь, старец же, в свою очередь, приезжал в Марфо-Мариинскую обитель милосердия для наставления сестер обители. Когда духовные чада и почитатели старца, ввиду слабости его здоровья и невозможности служить постоянно, расположились устроить ему домовую церковь, великая княгиня Елисавета дала часть необходимой на это дело суммы, пожертвовала иконы на иконостас, подсвечники, облачения на престол и жертвенник. В 1915 году старец сказал: «Поеду в Казань – и там умру!» Это было в июле, а в августе военные события и внезапно пошатнувшееся здоровье старца, действительно, побудили келейников просить прп. Гавриила переехать в иное, более спокойное место. Старец выбрал Казань: 24 августа он навсегда покинул Спасо-Елеазарову пустынь и 27 августа прибыл в Казань, где остановился у своего духовного чада инспектора Академии архимандрита Гурия (Степанова). Старец заявил, что приехал умирать; он мирно почил о Господе 7 октября / 24 сентября 1915 года.

В 1995 году комиссия по канонизации святых Казанской епархии направила в Синодальную комиссию по канонизации святых обстоятельные материалы к прославлению схиархимандрита Гавриила в лике местночтимых святых. А 25 декабря 1996 года на имя архиепископа Казанского и Татарстанского Анастасия поступило благословение Святейшего Патриарха Алексия II совершить прославление преподобного Гавриила (Зырянова) в лике местночтимых святых Казанской епархии.

БЫТЬ РУССКИМИ, БЫТЬ ПРАВОСЛАВНЫМИ, БЫТЬ ВЕРНОПОДДАННЫМИ

Годы идут, а радость жизни меня не оставляет. Отчего это? По земным меркам жизнь заканчивается, а по небесным она только начинается: смерти нет, все самое интересное впереди.

Печалюсь за людей, которые не веруют в вечную жизнь. Можно об этом долго дискутировать, приводить различные аргументы, но даже наука в этом споре не поможет. Это вопрос не научный, это вопрос веры. Христос, «смертию смерть поправ», даровал нам жизнь вечную. Пересекая границу земного бытия, мы покидаем мир, где для не верующих во Христа, не живущих со Христом и во Христе властвует смерть, и приходим в мир, в котором смерти нет. Воистину «смертию смерть поправ»: чтобы жить вечно, нужно умереть для мира. Для разума это парадокс, для нас – реальность.

Но если за пределами земного бытия жизнь продолжается, то надо этой жизни учиться заранее, чтобы стать в ином мире, как любят говорить современные люди, успешным. Под успешностью обычно подразумеваются только земные достижения. А разве наши святые чудотворцы, такие как преподобные Сергий Радонежский или Серафим Саровский, Василий Блаженный или Ксения Петербургская, не выше самых успешных земных деятелей? Как меркнет понятие «успешный» по сравнению со святостью!

Мы учимся всегда ради будущего. Семья готовит детей к школе, школа – для профессионального образования. Осваивая профессию, мы готовимся к самостоятельной жизни, к работе или служению. Так и в рамках земного бытия необходимо готовиться к будущему – уже неземному. Святитель Василий Великий говорил, что прошел две школы: античного университета и Церкви Христовой – школу земную и школу небесную. Великий русский педагог Константин Ушинский писал о том, что если школа не приводит ребенка к вратам Церкви, она не исполняет своей главной обязанности.

Говорю об очевидных для верующего человека вещах и при этом риску быть для «просвещенных» светских людей мракобесом. Жизнь ставит перед нами не так уж и много вопросов, которые определяют наше

Архимандрит Георгий (Шестун) – доктор педагогических наук, профессор, академик РАЕН, заведующий межвузовской кафедрой православной педагогики и психологии Самарской Православной Духовной семинарии, настоятель Заволжского монастыря в честь Честного и Животворящего Креста Господня.

бытие. Один из таких вопросов – происхождение человека. Наука здесь не помощница, и даже столь популярная у нас теория Дарвина не получила доказательств при всех титанических усилиях атеистов. Рано или поздно в конечном итоге каждый человек сам отвечает на этот вопрос. Если ты – творение Божие, то тебе открыт Божий мир, мир святых и ангелов. Если ты – наследник обезьяны, то для тебя современный мир – это джунгли, в которых идет борьба за выживание.

Дискуссии в этой сфере уже не дают никаких результатов. Да и можно разве спорить с людьми, которые не отличают светское от атеистического и как заклинание твердят об отделении Церкви от государства, зная, что ни в одном современном законе нашей страны этого нет?! Если отделить от государства миллионы верующих людей, а Церковь и есть народ Божий, что от государства останется?

Пока идут споры, православные люди уже более тридцати лет деятельно возрождают свой мир – Святую Русь, понимая, что мы не Европа и не Евразия, мы – особая Православная цивилизация, миссия которой – хранить истинную веру и сберегать все разнообразие культурно-исторических человеческих сообществ, в том числе, с особым тщанием, малые народы.

Христианину тяжело в апостасийном мире, ему хорошо быть среди своих, родных по духу. Поэтому мы любим церковные службы и приходскую жизнь, монастыри, крестные ходы и паломничества к святыням. Но этого уже недостаточно: подрастают наши дети, идут в школы, в вузы, а там – совершенно чуждый им мир.

На протяжении последних тридцати лет Россию усиленно втягивают в европейскую жизнь. Одно дело люди во власти, у которых сбережения, дети и имущество за границами нашей цивилизации, поэтому они больше любят Европу, чем Россию. Но каждый образованный человек должен понимать, что две цивилизации слиться не могут: одна обязательно уничтожит другую, подменив ее ценности и религиозную основу. Слава Богу, в настоящее время западный мир перестарался и показал свое истинное лицо, чем и насторожил Россию.

Мы продолжаем строить Русский мир – мир нашей Православной цивилизации. Святейший Патриарх Кирилл благословляет на этот трудный подвиг. Об успехах в целом по всей России говорить не стану, могу сказать о том, что вижу и знаю лично – о нашей родной самарской земле. Мы шутим, что нельзя въехать в Самару и не перекреститься – так много куполов встречается на улицах и вдоль берега Волги. Все больше родителей выбирает в школах для своих детей предмет «Основы православной культуры». Много лет работает межвузовская кафедра православной теологии. Практически во всех ведущих вузах города читаются православные курсы. В Тольятти строится Поволжский православный институт имени свт. Алек-

сия Московского, и уже двадцать лет существует одна из лучших православных гимназий в России. Создана особая система дополнительного образования – «Самарский епархиальный образовательный центр», который открыл более семидесяти филиалов по всей губернии. Более пятнадцати тысяч детей занимаются в кружках, творческих коллективах и секциях этого центра. Издаются журналы и газеты, проводятся всероссийские и международные форумы и конференции.

Если есть жизнь в православном ее понимании, то она выводит на свою орбиту власти и школу, педагогов и студентов, родителей и детей. Когда мы – среди своих, оказывается, что мы есть – и нас много! *Вера без дел мертва* (Иак. 2, 26). Какое счастье быть причастным к делу сохранения Божиего мира на земле, к делу возрождения Святой Руси, к сохранению нашей русской Православной цивилизации!

Чтобы сохранить Православную цивилизацию, нам самим надо стать русскими. Кто же такой русский? Отвечая на этот вопрос, мы должны иметь в виду ментальные особенности русского народа.

Первая из них – это наша вера, наша церковность, наше православное благочестие. Когда мы в храме причащаемся Плоти и Крови Господней, то, едва отойдя от Чаши, уже почитаем друг друга братьями и сестрами. Откуда у русских взялось такое обращение к ближнему? Не «господин», «пан», «товарищ», а «брат» и «сестра»? Это пошло от того, что мы – христиане, являемся причастниками одной Плоти и Крови – Христовой. Это есть сакральный, мистический момент в жизни русского народа: он начал свое бытие с храма, с таинств Церкви. Причащаясь Святых Христовых Таин, мы все становимся одной Плоти и Крови, становимся братьями и сестрами. Но мы одной Плоти и Крови и со Христом. И в этом суть понятия «народ-богоносец».

Однажды сербский подвижник преподобный Иустин (Попович) спросил у полицейского, арестовавшего его за веру: «Почему ты серб? Ты ходишь в храм? Папа и мама у тебя православные? Ты Богу молишься?» Страж порядка ответил: «Нет, я – коммунист, родители мои – коммунисты. Я серб, потому что родился на этой земле». Преподобный тогда сказал: «Видишь того быка? Он тоже родился на этой земле, и предки его рождены здесь, но он не серб». Так же и про нас можно сказать: если ты родился на этой земле, еще не значит, что ты русский. Русским надо стать. Ты мог родиться славянином, но это рождение лишь по плоти и крови. Ты должен родиться по духу – в святом крещении. Все, кто рожден в крещении, крещеные люди – это и есть Церковь. Вот тогда нас можно назвать по-настоящему русскими, а не лишь за присущий нам славянский тип внешности. И дар русскости заключается в простых словах прп. Сергия: «Любовию и единением спасемся».

Насколько жива и действенна традиция, ведущая свое начало от прп. Сергия, мы можем видеть по дальнейшим явлениям русской истории. И мосты появились с тех времен, и дороги в какой-то мере начали приводиться в порядок, и «сорок сороков» церквей в Москве ежедневно благовестили к заутрене. Иностранцы, посещавшие нашу страну, писали, что у русского мужика синяк на лбу – так ревностно он крестится. Почему так много храмов было на Руси? Потому что люди, жившие на нашей земле, каждое утро начинали с Литургии. Весь народ жил как один монастырь.

Современные люди часто говорят: традиция сдерживает личность, мешает человеку быть свободным. Однако традиция – это создание совокупности условий, в которых растет человек. По телевизору показывают хорошие фильмы, по радио передают хорошую музыку, государство и общество старается, чтобы у детей были хорошие родители, и чтобы дети относились к родителям, как и положено, – с почитанием. Разве можно назвать все это сдерживающим моментом в развитии человека? Напротив, это условия, в которых вырастет нормальный человек. Подобные условия для жизни своих подданных и граждан создает любая цивилизация. Традиция есть условия, в которых формируется определенный тип личности.

Чтобы подорвать общество, нужно разрушить существующую в нем традицию. Причем, главный удар нанести по ее нравственной составляющей. Если общество перестает воспитывать людей, ориентированных на добро, то разрушение государственного и иных начал цивилизации становится делом времени.

Вот почему в Ветхом Завете за нарушение традиций предписывалось побивать камнями. Не почитает сын или дочь отца с матерью – побивали камнями, изменила жена мужу – поступить с ней по заповеди. Люди издревле понимали, что если нравственная ржавчина войдет в жизнь народа, то она уничтожит этот народ. Сейчас мы видим, что на Западе уже не столько пушки и танки применяются против других народов и сообществ, а оказывается своего рода духовное, идеологическое воздействие. В большинстве случаев представители мирового глобализма разлагают своих противников нравственно. И когда уничтожаются традиции, то есть духовные, нравственные, исторические условия жизни человека, то рано или поздно начнет деградировать и сам, лишенный своих смысловых корней, народ. На примере нашей страны мы видим, что когда разрушилась традиция, то и нравственность упала, и экономика зашаталась, и все жизненные сферы общества оказались поражены. Поэтому каждая цивилизация стремится к тому, чтобы хранить свои традиции.

В свое время директор школы, в которой я, будучи студентом, проходил педагогическую практику, сказал: «Воспитывать детей очень легко. Это как огурцы солить: ученика сразу же, как огурец в банку с рассолом,

бросаешь в созданную атмосферу воспитания и обучения. Хочет не хочет, однако, рано или поздно, он “просолится”. Традиции – это тот рассол, напиваясь которым, человек становится лучше, качественнее, “вкуснее”. Если нет подобного “рассола” или вместо него сомнительного качества раствор, то огурец потом выкинешь, так как он сгниет, станет несъедобным». Цивилизационные традиции – это охранительное явление в жизни народа, когда с юных лет человек становится нормальным, нравственно полноценным – учится жизни, а не смерти.

Но мы можем воспитать духовного, нравственного человека, молитвенника, который также будет интеллектуально и творчески развит, однако он возьмет и уедет в Америку, Канаду, Германию – куда-то в «страну далече». И будет жить он там достойно, и даже как православный посещать храм (за рубежом практически везде можно найти православные храмы). Кажется, остается только радоваться, глядя как замечательно устроилась эта духовно-нравственная личность. Однако России-то что от этого? Сколько мы потрудились, сколько скорбей претерпели, воспитывая человека, а его нет – уехал! Потому что мы незаметно упустили его как личность.

Верноподданство – вторая ментальная особенность русского человека. В царской России не было граждан в современном понимании – были верноподданные. Все, кто жил в России, давали клятву верности монарху. Поэтому верноподданными являлись не только этнические славяне, но и инородцы. Христиане присягали на Евангелии, магометане – на Коране, язычники – на огне ли, на сабле, однако тоже клялись служить Белому Царю верою и правдою. И вот эта семья верноподданных, состоящая из множества наций, становилась единым народом, называемым, по имени государствообразующего этноса, – русским.

Русский народ являлся державным народом, состоявшим из православных христиан, создавших в XIV – XVII вв. великую державу. Однако существует еще одно понятие – «имперский народ»; оно обнимает собой не только этнических русских, в него входят и инородцы, представители разных конфессий, – все, кто, как было сказано выше, давал клятву верности Царю – Помазаннику Божию. И через служение православному императору, который давал клятву Христу и служил Ему и России, весь народ служил Христу. Верность Христу через служение монарху – это сакральная, мистическая основа нашего единения как народа. Идея почитания Небесного и земного Отечества была особенностью монархического мирозерцания в России.

Русский народ в большинстве своем в 1917 году отрекся от клятвы, стал клятвopреступником, и Царь уже не мог управлять неверными людьми. Не может быть Царя без верноподданных и верноподданных – без Царя. И сейчас мы живем в обществе, в котором никто никакой клятвы

верности не дает – живем так, как хотим. Атомизированное общество, распавшееся на отдельные самодвижущиеся частицы. Однако есть то, по отношению к чему можно быть верноподданным: у нас есть Христос, есть Россия, есть наша история, есть наш народ. Как говорят многие исследователи, монархия не отменялась – от нее отказался сам народ. Однако если народ вернется к понятию верноподданства, то Господь, может быть, даст нам Царя, и мы опять будем жить как одна семья, без распрей и раздоров.

Целью воспитания и образования является воспитание верноподданного. Пусть он не блистает ученостью, но будет хорошим человеком, преданным России, готовым за нее живот свой положить. Именно такими людьми, а не гордецами индивидуалистами, веками строилась наша держава, наша империя.

Есть и третья ментальная особенность, тесно связанная с двумя предыдущими: *русский человек отличается от остальных тем, что он может превзойти возможности своей природы*. Это и есть русское чудо! Человек может сделать то, что непосильно его природе, с Божией помощью, с помощью благодати. История России наполнена проявлением этого чуда. То Мамай идет, то Наполеон, то Гитлер... «Россия, – думают они, – это колосс на глиняных ногах. В этой стране ничего крепкого, надежного, жизненного нет, и мы за три месяца поработим русских». Но вдруг появляется некая творческая сила в нашем народе, и он делается способным на такие подвиги, такие свершения – и в экономике, и в науке, и в военном деле, что все поражаются: «Как это возможно?»

Русский человек способен преуспеть и в искусствах. Так, с Божией помощью, у нас появилась великая культура: литература, живопись, музыка. И сами смиренные создатели ее недоумевали: «Как это у меня получилось? Неужели я такое смог?»

Русский человек претерпевал такие лишения, которые не под силу вынести больше никому. Немцы после Второй мировой войны недаром говорили, что войну выиграли русские женщины. В минуты грозной опасности или лишений у нас выстраивается особый – самоотверженный – образ жизни. И русский человек всегда воспринимает такие испытания как нечто, ниспосланное Господом для его пользы и спасения.

Хранимый Богом русский народ иногда проигрывал битвы, но не проиграл ни одной войны – ни духовной, ни материальной. Потому и не исчез за многие века с исторической арены, несмотря на многочисленные попытки супостатов добиться этого. И не оценим вклад наших святых в крепость русского духа, святых, оставивших нам свой завет: «Быть русскими, быть православными, быть верноподданными».

В ПОИСКАХ НОВОГО ГУМАНИЗМА:

УЧЕНИЕ О СОБОРНОМ СОЗНАНИИ КН. С. Н. ТРУБЕЦКОГО КАК ОСНОВАНИЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Говоря о кризисе современного образования в России, не будем впадать в критику властей – ее и так звучит немало, особенно со стороны интеллигенции. Необходимо, однако, обозначить причины и существо кризиса. Дело в том, что власть, в лице Министерства образования, действительно проводит с упорством, достойным лучшего применения, проект реформы образовательной системы, который можно охарактеризовать как неолиберальный или как постмодернистский. Стратегия этих преобразований почти в точности совпадает с описанной Ж. Ф. Лиотаром¹ перспективой общества и образования в эпоху постмодерна. Цель постмодернистского образования выражена в печально известном высказывании г-на Фурсенко о необходимости воспитывать «не творцов, а грамотных потребителей». Такие цели реформаторов совершенно неприемлемы для духовно здоровой части педагогического и академического сообщества. Однако проблема в том, что, несмотря на обилие критики, до сих пор не выработано сколько-нибудь позитивной альтернативы конкурирующей модели образования. Иными словами, недовольство реформами есть, есть неудовлетворенность текущим положением дел, но предложить целостную стратегию, которую можно было бы противопоставить неолиберальной реформе и которую устроила бы общество, пока никто не смог.

Всем понятно, что учить и воспитывать надо больше и лучше. Но чего именно больше и что будет лучше – в этом согласия нет, и что хуже – не выдвинуто даже некой общей, приемлемой для всех, платформы. Почему так произошло? Не в последнюю очередь причина в том, что реформам образования в нашей стране уже более тридцати лет! Только этого фактора достаточно, чтобы ввергнуть в кризис любой социальный институт, тем более такой консервативный по определению,

Андрей Владимирович Поповкин – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии института истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения РАН. Постоянные читатели «ДС» уже знакомы с А. В. Поповкиным по публикациям в «ДС» № 3 (65) за 2013 год и «ДС» № 1 (69) за 2014 год.

¹ Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна. М.: Алетейя, 1998.

как система образования. В итоге бесконечного переопределения целей, методов и средств образования, идущих «сверху», сформировалось несколько поколений (!) учеников и, как минимум, одно поколение преподавателей и учителей (что гораздо важнее), не имеющих ясного представления об образовательной нормативности, о целях и смысле образования, иными словами – не видящих логоса образования.

Но дело не только в затянувшихся реформах. Проблема еще глубже. Ведь образование суть придание образа человеку. И вот здесь-то и лежит камень преткновения для русского общества: какой образ надлежит придавать человеку? За последние сто лет наше общество как минимум дважды меняло свои взгляды. Кризис начала XX века, окончившийся революцией, породил небывалый в истории проект построения нового человека. От «старорежимного», неправильного в человеке избавлялись разными методами: от красного террора Л.Троцкого до брежневской психиатрии. Но советская система не только разрушала старое – она создавала и новое. Трудовое воспитание и «перековка личности» применялись не только в лагерях ГУЛАГа, но и в трудовой колонии А. С. Макаренко. Советская школа и советская педагогика не без успеха справлялись с поставленной задачей: было воспитано несколько поколений людей, для которых коммунистические ценности и идеалы были не пустым звуком. К счастью для нас, многие из этих идеалов мы вполне можем назвать общечеловеческими и даже христианскими, а значит – собственно человеческими. И это не случайно, ведь система ценностей советской идеологии – «Моральный кодекс строителя коммунизма» – создавалась с оглядкой на Евангелие.

События конца XX века – перестройка и распад СССР – вновь поставили перед нами вопрос о том, кто мы? Куда и зачем идем? Каковы наши цели и ценности? Ответы, предложенные либералами-рыночниками (Е. Гайдаром, А. Чубайсом и др.), очевидным образом ввергли общество в хаос, причем не только экономический, но и нравственный. Общество, резко отвернувшись от советской максимы «общественное выше личного», впало, в лице своих членов, в безудержное удовлетворение частных интересов, что, естественно, поставило под вопрос самое существование общества. Ведь его более ничто не связывало в единое целое.

Но где границы дозволенного в стремлении людей к реализации частных интересов? Должны ли эти границы носить чисто внешний характер (например, юридических норм) или они имеют внутреннюю природу? И если внутреннюю, то на каких принципах они должны строиться? Эти вопросы в последние годы все острее встают перед российским обществом. Именно эти вопросы разделяют нас на либе-

ралов и патриотов, «болотных» и «путиноидов» и т. п. Вопросы эти гораздо глубже уровня политического – они касаются самой сущности человека. И, напомним, вопрос о человеке встает как следствие разрыва с традицией: в начале XX века это был разрыв с традицией Российской империи, а в конце – с советской традицией (прежде всего, воспитательной).

Строго говоря, в настоящее время, несмотря на очевидное восстановление России в качестве весьма влиятельного субъекта международных отношений, вопрос о восстановлении нации, об обретении ею собственного пути в истории все еще далек от своего решения. В сфере духа, по сути, идет настоящая гражданская война. Враждующие стороны достаточно условно (как и во всякой гражданской войне) можно обозначить как сторонников левого либерализма и патриотического консерватизма. Первые, как явствует из названия, стоят на позициях либерализма или, шире, позициях постмодерна. Применительно к вопросу о человеке это, прежде всего, означает отрицание человеческой сущности как таковой. Это буквально означает, что нет ничего собственно человеческого, никакой общей основы, да что там, – человека – и того нет! Достаточно вспомнить постмодернистские концепции «смерти автора», «смерти субъекта» и замену человеческого «я» хаотическим множеством «сингулярностей» – здесь-и-теперь состояний. Например, «я-ем-мороженое» и «я-рисую-картину» – это разные сингулярности и они вовсе обязательно должны иметь какую-либо смысловую связь (очень удобно для наших оппозиционных СМИ: «я-получаю-бюджетные-деньги» и «я-ненавижу-Россию» – прекрасно сочетаются!). Иными словами, нет никакой личной истории или, тем более, исторической традиции народа – все это ложь, наследие, как выразился философ-постмодернист Ж. Ф. Лиотар, «эпохи метанарратива»¹. Реальна только точка здесь-и-теперь бытия, только здесь и теперь возникшие желания и устремления. Слоган «бери от жизни все» не просто реклама, но девиз постмодернизма и левого либерализма, его жизненный принцип, поскольку лишь в непрерывном потреблении личность, рассыпавшаяся на ризомное множество сингулярностей, может «не дать себе засохнуть».

Патриотический консерватизм, как легко догадаться, стоит на противоположных позициях. Он не только признает реальность общечеловеческого, человеческой сущности, но и полагает ее укорененной в

¹ Метанарратив – универсальная система понятий, знаков, символов, метафор и т. д., направленная на создание единого типа описания. С помощью метанарратива соединяются различные языки, а также культурные и смысловые дискурсы. Состоит из наиболее общих понятий и создается преимущественно в процессе философского осмысления.

исторической памяти народа. Однако советское идеологическое и историческое наследие препятствует принятию консервативных идей в среде российской интеллигенции. Проблема в том, что коммунистическая идеология действительно подавляла личную духовную свободу человека. Это прямо вытекало из марксистского определения личности как продукта общественных отношений. С христианской точки зрения это глубоко ошибочное отрицание уникальности конкретного человека, его несводимости к комбинации общественных, экономических и каких угодно других отношений. И, возможно, именно оно стало ахиллесовой пятой пятой советской системы.

Казалось бы, сторонники консервативного мировоззрения легко могли бы найти решение в христианской традиции, в русском Православии – и оно там, безусловно, есть! Однако в практическом плане Русская Православная Церковь в силу ряда исторических причин оказалась не свободна от обозначенной выше проблемы соотношения общественного и личного. Эта болевая точка нашей Церкви проявляется, в частности, в недостаточности культуры богословской дискуссии. А ведь сам характер интеллигенции требует осмысления исторической ситуации, вызовов времени, а значит, нужно обсуждение, свобода мнений и дискуссий. Но важны и границы дискуссии, без которых она скатывается в свару. Православие имеет опыт такого рода, особенно если обратиться к византийскому наследию, однако он все еще не актуализирован в современной русской православной культуре.

К сожалению, у нас нет способа сделать все российское общество христианским. И даже если наша Церковь получит, как это было до революции, административный ресурс, то не стоит забывать, что «невольник – не богомольник». А значит, нам все же нужно искать некую общую платформу, на которой наше общество могло бы объединиться. Таким «общим знаменателем», приемлемым для всех точек зрения на образование, является утверждение о том, что в образовании речь идет о человеке: здесь сходятся и христианская трактовка образования как реализация в человеке образа Божия и неолиберальная трактовка образования как формы производства «человеческого капитала»¹. Иными словами логос образования суть гуманизм. И в определенном смысле кризис образования – это отражение современной борьбы гуманистических парадигм.

Мы можем выделить три таких парадигмы. Во-первых, это, конечно, теоцентрический гуманизм христианства, суть которого состоит в

¹ Напомним, капитал, по определению Маркса, есть средство извлечения прибыли.

понимании человека как образа Божьего. Однако этот образ в человеческой природе был поврежден актом грехопадения и восстановлен Христом, а потому от человека требуется личное усилие для восстановления его в себе. И это усилие во всех случаях требует верного научения: от школьной скамьи до монашеской аскезы. Вторая парадигма – это гуманизм человекоцентрический, появившийся в эпоху Возрождения и разбившийся на множество вариаций, одной из которых был советский марксизм. Ну и наконец, детище середины XX века – постгуманизм, воззрение на человека, сформированное в философии и искусстве постмодерна. Человек здесь не имеет своей собственной сущности, а потому открывается «захватывающий дух» простор всевозможных трансформаций, культ «наслаждения моментом» и проч. Но здесь же и небывалая в своей бесчеловечности возможность утилизации человека, извлечения из него всевозможной «пользы». Так, расхожие у нас выражения «человеческий капитал», «материнский капитал» – суть антихристианские по своей природе понятия, отражающие взгляд на человека как на источник дохода (главным образом, для государства). Образование тоже можно рассматривать как форму извлечения прибыли из человека: с одной стороны, можно учить за деньги (и это делается давно, со времен древнегреческих софистов), но с другой – можно рассматривать саму учебу как инвестицию, то есть, человек учится, чтобы потом больше зарабатывать. Очевидно, что такой взгляд на образование попросту исключает вопрос о человеческой сущности, об ученике, душа которого должна получить верный образ.

И все же вопрос о человеке – центральный для любой системы образования. Проблема поиска общего основания для позитивной альтернативы современной политике Минобра проистекает из одной из ключевых дилемм гуманизма, которая состоит в следующем: о каком человеке идет речь? И здесь возможны два принципиально разных ответа. О них замечательно сказал Б. Паскаль: «Человеческую натуру можно рассматривать двояко: исходя из конечной цели [существования человека], и тогда он возвышен и ни с чем не сравним, или исходя из обычных присущих ему свойств, как мы судим о лошади или собаке по обычным присущим им свойствам – резвости бега et animum arcendi¹, – и тогда человек низок и отвратителен»². В этом смысле проект, реализуемый неолибералами, исходит из второго взгляда, то есть за реального человека принимается человек в его случайной фактичности, а, сле-

¹ Стремление отогнать.

² Паскаль Б. Из «Мыслей» // Размышления и афоризмы французских моралистов XVII – XVIII вв. Л., 1987.

довательно, не ставится вопрос о главном в человеке. В итоге это главное упускается и не получает должного развития в процессе образования и воспитания. Однако и первый тип гуманизма (когда, по словам исследователя античной системы воспитания В. Йегера¹, «выше человека – стадного животного и человека – мнимо автономного Я, стоит человек как Идея...») содержит большой риск подмены реального живого человека некоей абстрактной идеализацией. Недавний исторический пример такой подмены: попытки советской школы воспитать человека для коммунистического общества. Суть проблемы состоит в том, что, если у каждого человека есть своя индивидуальная природа (например, в форме замысла Бога о нем), то мы, делая акцент только на общечеловеческом, опять же, упускаем главное. Таким образом, оба указанных типа гуманизма (неолиберальный и консервативный), равно как и обе построенные на них системы воспитания имеют один недостаток: они не видят реального человека, только делают это каждый по-своему.

Итак, подлинный гуманизм должен увидеть реального человека, увидеть в нем главное за покровом случайного и второстепенного, не впадая при этом в абстрактную идеализацию. Что же мы можем сделать для построения образовательного процесса на этом реальном гуманизме? Задачу образования в подлинно гуманистическом духе можно сформулировать как поиск меры универсального, общечеловеческого и индивидуально-личностного. Философское обоснование решения этой задачи обнаруживается в идеях С. Н. Трубецкого о соборной природе человеческого сознания и о связи этой соборности с исторической памятью народа.

Вокруг понятия соборности существует довольно много ненужных спекуляций и более или менее возвышенных мечтаний. Однако С. Н. Трубецкой не вкладывает в понятие соборности никакой мистической подоплеки. Соборность человека означает, что он, с одной стороны, никогда и ни в какой форме не является атомарным индивидом, «монадой, не имеющей окон», что человек всегда связан с миром и другими людьми, начиная со своей физической связи с матерью в утробе и заканчивая связью с обществом, например, в виде общего с другими людьми языка, общих понятий и т. п. Но с другой стороны, соборность человека означает неустранимость его субъектности, его авторства собственных мыслей, поступков и решений, несводимость человека к совокупности общественных отношений или иных факторов. Соборность человеческого сознания по С. Н. Трубецкому означает, что, пользуясь общим

¹ Йегер В. Раннее христианство и греческая пайдейя. М., 2014.

языком и общими понятиями, человек, тем не менее, выражает именно свои мысли, принимает свои решения.

Но соборность человеческого сознания выражается не только в языковом содержании. Еще более она проявляется в нашем понимании истины, нравственных норм или, шире, всякой нормативности. «Фактически я по поводу всего держу внутри себя собор со всеми. И только то для меня истинно, достоверно всеобщим и безусловным образом, что должно быть таковым для всех», – пишет С. Н. Трубецкой.

Концепция соборной природы сознания, предложенная Трубецким, помимо прочего, отвечает на один из важнейших вопросов педагогики, а именно: *как возможно воспитание?* К сожалению, в наше время мы не можем оставить этот вопрос непроясненным – у нас практически утрачена здоровая образовательная среда, здоровое педагогическое сообщество рассыпалось на отдельных подвижников – в итоге мы не можем обойтись простой отсылкой на некий общепонятный образец и вынуждены решать вопрос «с нуля», с самых основ.

Заметим, что в господствующей ныне либеральной модели человек, в лучшем случае, предстает своего рода атомом. И тогда, вообще говоря, непонятно не только как возможно воспитание, но также и то, кто и по какому праву может браться за формирование духовного порядка (*ordo amoris*)¹ личности ребенка. В итоге мы слышим голоса о «засилье авторитаризма в школах», о том, что ребенок должен сам брать из образовательного процесса то, что ему нужно, и вообще сводим процесс образования к разновидности сферы услуг.

Однако в том-то и дело, что человек не является таким атомом! Его духовный мир, его человеческая природа принципиально соборна. Это значит, что ребенок, чтобы стать полноценным человеком, должен получить из родной культуры понятия и образы (то есть, образование!), в которых будет выражаться и развиваться его собственная духовная и душевная жизнь.

Еще один принципиально важный аспект кризиса образования в России – это кризис его как социального института: катастрофическое «поражение в правах» учителя, преподавателя и ученого. Все педагогическое сообщество оказывается между молотом администрации и накопальной «потребителей образовательных услуг» (учеников, студентов, родителей).

И вновь мы можем обратиться к наследию С. Н. Трубецкого за помощью в осмыслении данной ситуации. Он застал российское обра-

¹ Порядок любви (*лат.*).

зование в период одного из его тяжелейших кризисов. В небольшой статье «Быть или не быть университету?» С. Н. Трубецкой формулирует ключевое условие нормального существования университета – это академическая автономия: «Восстановление правильного автономного академического строя есть первое условие восстановления правильного течения академической жизни». Эта автономия отнюдь не является самоцелью, она лишь необходимое условие и средство: «Самостоятельность университета, университет для университета, – вот что нужно нам, что должно заключаться в самом строе университета, если мы хотим, чтобы питомцы его жизненно понимали его действительное назначение и чтобы учащая коллегия в сознании своего служения самостоятельной и самоценной цели университета имела на будущее время силу и право свободно осуществлять эту цель и властно требовать ее признания от общества и учащейся молодежи».

Однако эта властность в реализации логоса образования, согласно мысли С. Н. Трубецкого, зиждется отнюдь не на внешнем принуждении и, конечно же, не на произволе академического сообщества. Нормативность, выступающая основанием власти, необходимо должна иметь соборную природу, то есть, быть укоренена в истории народа и его текущей социальной жизни, а через это и в каждом человеке этого общества. Только такая нормативность может выступить искомым логосом образования.

Разрушение или искажение соборной нормативности, через которые российское общество проходило как в революционных событиях начала XX века, так и в эпоху «бурных 90-х», и порождает в качестве одного из своих феноменов «педократию» [от *греч. παιδος* – ребенок и *κρatos* – власть]. Этот аспект революционных процессов (а перестройка, по сути, в 90-е уже была антикоммунистической революцией) был подмечен И. Роднянской в статье «Педократия как отрицательная духовная величина (в прошлом и настоящем)». Против университетской «педократии» начала XX века боролся С. Н. Трубецкой. Сегодня мы сталкиваемся с новой педократией в лице «молодых эффективных менеджеров», без устали «оптимизирующих» наше образование и науку. И как во времена С. Н. Трубецкого, так и в наши времена за молодыми педократами прослеживаются фигуры настоящих выгодоприобретателей (однако это тема для другого разговора).

Для нас важно, что педократия в образовании неизбежно обречена на провал, причем независимо от уровня образования самих «эффективных менеджеров». Ведь именно в силу их возрастных особенностей

«педократия» внеисторична и, в этом смысле, выпадает из исторического соборного сознания и памяти народа.

Однако наиболее серьезной проблемой российского образования является, пожалуй, более-менее ясное формулирование той самой соборной исторической памяти народа, на которой должен строиться логос образования. Но и здесь мы можем обратиться к идеям С. Н. Трубецкого: русский философ с гениальной простотой разрешает пресловутую «проблему личности в истории». Признавая действие объективных исторических сил и обстоятельств, наличие исторических закономерностей, С. Н. Трубецкой, тем не менее, утверждает: «В известном смысле все совершается в истории личностью и через личность: только в ней воплощается идея»¹. Однако это действие истории через личность может быть двояким. Личность может действовать сознательно, исходя из ясного ощущения исторического момента – и именно такая личность называется у С. Н. Трубецкого исторической: «...Историческая личность есть продукт своего общества; она образуется им, проникается его общими интересами. Она представляет его органически, воплощает, сосредоточивает в себе известные его стремления, а постольку может и сознать их лучше, чем другие, и найти путь к разрешению назревших исторических задач»².

Но личность, будучи нерелевантной [несоответствующей] своему положению в обществе или историческому моменту, может действовать и помимо своей сознательной воли: «Ибо когда известные исторические задачи назрели, когда общественные потребности, частью сознаваемые, частью еще не сознанные отдельными умами, достигают известной интенсивности, когда общественная воля с прогрессивно возрастающею силою тяготеет в определенном направлении, – она, естественно, ищет наиболее приспособленный орган как для своего выражения, так и для своего осуществления. И она, естественно, стремится к органическому средоточию общества, к представителям его власти, дабы внушить им известную задачу, если не определенное решение»³.

Таким образом, мы получаем подсказку, как и где нам найти ту нормативность, которая может и должна, с одной стороны, выступить основанием логоса образования в России, а с другой – стать духовной основой содержания образовательного процесса. Это мысли, планы и свершения великих исторических личностей России, тех, чьи идеи не толь-

¹ Трубецкой С. Н., кн. О природе человеческого сознания // Вопросы философии и психологии. 1891. № 2. С. 149 – 155.

² Там же.

³ Там же.

ко стали судьбоносными, но принесли или действительно могли принести добрый плод. Этот поиск, безусловно, требует не только и не столько работы философов, сколько трудов историков. Однако он должен быть произведен, иначе мы обречены на бесконечное сочинение списков «базовых национальных ценностей российской культуры» в различных циркулярах Минобра России.

В православной по своим истокам концепции соборного сознания С. Н. Трубецкого¹ нам представит такое понимание человека, которое ясно устанавливает меру универсального, общечеловеческого и индивидуально-личностного, показывает, как личностное начало укоренено и произрастает из соборности родовой исторической памяти. Здесь лежит ключ к примирению здоровых гражданских сил России, а также к решению стратегических задач образования. Одно из первейших мест в этом образовании по праву должно принадлежать изучению истории, выстроенному не как набор сведений, но на основе внутреннего логоса, выявляющего для ученика дух и предназначение России в истории, устремляющего его к осмыслению места России в Промысле Божиим.

Сергей Николаевич Трубецкой

¹ Князь Сергей Николаевич Трубецкой (1862 – 1905) – профессор философии Московского университета, редактор журнала «Вопросы философии и психологии», первый выборный ректор Московского университета. Наиболее значительным его трудом является докторская диссертация «Учение о Логосе в его истории».

«Я ДЕЙСТВОВАЛ ИСКРЕННЕ И ЧЕСТНО»

Тихомиров Лев Александрович (1852 – 1923), общественный деятель, философ, писатель. Родился в семье военного врача. С 1864 г. учился в Александровской гимназии в Керчи, где увлекся революционными идеями. В 1870 поступил на юридический факультет Московского университета, откуда в 1871 г. перевелся на медицинский факультет. Осенью 1871 года вошел в кружок «чайковцев». Летом 1873 года переехал в Петербург, где продолжил революционную деятельность. В ноябре 1873 года арестован. Более четырех лет провел в Петропавловской крепости и Доме предварительного заключения. В 1877 году проходил по

«процессу 193-х» народников-пропагандистов. Освобожден в 1878, так как годы тюрьмы компенсировали срок наказания, и отдан под административный надзор полиции с определением обязательного места проживания. Выслан на родину, в Новороссийск. Перешел на нелегальное положение. После раскола «Земли и воли» на «Черный передел» и «Народную волю» примкнул к последней, став членом Исполнительного комитета, Распорядительной комиссии и редакции «Народной воли». После убийства Александра II народовольцами и разгрома партии, в 1882 году уехал за границу. Перед этим направил Александру III открытое письмо от имени Исполнительного комитета «Народной воли». Вместе с П. Л. Лавровым редактировал «Вестник Народной воли» в Париже.

Решников Александр Витальевич – доктор исторических наук, главный специалист «Центра по разработке и реализации межархивных программ документальных публикаций федеральных архивов» Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и профессор Российской академии театрального искусства (ГИТИС). Живет и работает в Москве.

В эмиграции во взглядах Тихомирова произошел серьезный перелом, и в 1888 он выпустил в Париже брошюру «Почему я перестал быть революционером?». Двенадцатого сентября того же года он подал Александру III прошение с просьбой о помиловании. Тихомиров был амнистирован и смог вернуться на родину, но должен был в течение пяти лет состоять под гласным надзором. Министр внутренних дел Дурново в июне 1890 ходатайствовал перед Александром III об «облегчении участи Тихомирова». Правительство приняло решение освободить его от гласного надзора и разрешить «повсеместное в империи жительство». В 1890 он перебрался в Москву. С сентября 1890 – штатный сотрудник, а с 1909 по 1913 – редактор «Московских ведомостей».

В эмиграции, ближе познакомившись с «соратниками», Тихомиров пришел к выводу, что «человек нашей интеллигенции формирует свой ум преимущественно по иностранным книгам. Он, таким образом, создает себе мировоззрение чисто дедуктивное, построение чисто логическое, где все очень стройно, кроме основания – совершенно слабого». В оторванности от народа он видел источник стремления интеллигенции к поучительству: «... Указывать на чтение книг как на средство выработки миросозерцания вообще можно, лишь не имея понятия о том, что такое есть живое человеческое миросозерцание, которое складывается прежде всего под влиянием личной жизни, а никак не книжек». Тихомиров писал об узком классовом духе интеллигенции, о ее замкнутости и изолированности. Вместе с тем, он отнюдь не был противником образования: «России был и остается нужен образованный человек, – писал он, – нужен был, нужен и теперь подвижник правды. Но это ничуть не значит, чтобы ей нужен был “интеллигент”, со всеми его претензиями на господство в дезорганизованной им же стране»¹.

Вслед за другими консерваторами Тихомиров критиковал «справа» либеральную политическую систему и революционное движение, отмечая, что «партийные вожаки получают значение каких-то своеобразных владетельных князьков или, точнее, олигархов. Главное, официальное, правительство страны ничто в сравнении с этими негласными владыками, создающими и ниспровергающими правительства официальные». Однако при всем кажущемся могуществе, демократия, по мнению Тихомирова, порождает крайне неавторитетный слой управленцев: «... Патрициев, дворян, служилых массы иногда ненавидели, но уважали и боялись. Современных политиканов – просто презирают повсюду, где демократический строй сколько-нибудь укрепился», поскольку правящий

¹ Тихомиров Л. А. К вопросу об интеллигенции // Русское обозрение. Февраль. 1896.

класс «вечно занят борьбой за власть, постоянно принужден думать о том, как захватить народ, сорвать его голоса, правдами-неправдами притащить его к себе, а не самому прийти к нему... Нет класса, живущего более вне народа, чем нынешние политиканы». Апофеозом обмана, с точки зрения Тихомирова, являются выборы: «...По части искусства одурачивать толпу, льстить ей, угрожать, увлекать ее – по части этого губельного, ядовитого искусства агитации люди дела всегда будут побиты теми, кто специально посвятил себя политиканству». Парламентаризм будет существовать до тех пор, «пока наконец не исчезнет под напором не общего презрения, давно уже достигшего полной степени зрелости, а движения, до сих пор оказывающегося невозможным по отсутствию личности, около которой могло бы оно сомкнуться». Под этим движением Тихомиров понимал социализм. В работе «Социальные миражи современности», прогнозируя возможность практического воплощения в жизнь социалистической идеи, он стремился доказать, что новое социалистическое общество обязательно будет построено на подавлении личности во имя государственных интересов: «Власть нового государства над личностью будет по необходимости огромна. Водворяется новый строй (если это случится) путем железной классовой диктатуры. Социал-демократы сами говорят, что придется пережить период диктатуры рабочего класса». Тихомиров указывал, что именно социал-демократическая партия имеет все шансы на установление в России такого строя.

Вместе с тем, Тихомиров пытался показать наличие в социализме положительных сторон, признавая благородное стремление утопического социализма к устройству более развитого общества: «Мы видим в рядах первых социалистов множество людей действительно высокой нравственности... В утопическом же социализме родилось первое стремление к уяснению внутренних законов общественности». В качестве заслуг социалистического учения Тихомиров выделял следующие: усиление коллективного начала, усиление общественной помощи личности, а также более справедливое и равномерное распределение этих двух сил. С точки зрения Тихомирова, именно усиленная эксплуатация человека в капиталистическом обществе «своими недостатками и злоупотреблениями создала социализм, который выдвинул много справедливого, как протест против буржуазного общества...». Тихомиров признавал закономерность возникновения социализма как протеста против эксплуатации, отмечая, что, прикрываясь на словах рассуждениями о свободе и равенстве, буржуазное общество на практике привело к господству капиталиста над пролетарием, лишенным элементарных прав, а «на почве крайней бедности и – слишком часто – прямого притеснения неизбежно должны были

возникать революционные движения народных масс, в теории объявленных владыками государства, а на практике сплошь и рядом чувствовавших себя рабами». В социалистическом учении Тихомиров видел не только чисто экономическую подоплеку, но и стихийный протест масс против обнищания, законное желание людей улучшить свою жизнь. Не случайно он утверждал, что государство обязано проявлять заботу о своих гражданах, задаваясь вопросом: «...Каково положение человека, которого заработок если и позволяет жить кое-как, однако не дает никакого обеспечения? Потерял работу – и сразу очутился в положении бродячей уличной собаки, если не в худшем», и считал, что социализм «...совершенно прав, взывая в этом случае не к простой филантропии, а утверждая, что общество обязано принять меры к изменению такого положения».

Фундаментальной работой, написанной Тихомировым в этот период, стало исследование «Монархическая государственность» (1905), в котором он смог дать целостную картину истории монархической власти не только в общероссийском, но и в мировом масштабе. Первая часть исследования была посвящена теоретическому обоснованию монархической власти. Исходное положение о стремлении к организации в обществе и живой природе («принцип кооперации или корпоративизма») имеет много общего с органической теорией, излагаемой К. Н. Леонтьевым. Власть и принуждение для Тихомирова были неотделимы от сущности человеческого общества. По его мнению, в государстве с разной степенью власти сосуществуют три формы государственности: монархия, олигархия и демократия. Ни одна из них не может возобладать, и создается идеальное равновесие, когда государство стабильно и прочно. Идеально, когда монарх опирается на олигархию, а в низовом звене, на уровне низшего самоуправления, действуют демократические принципы. Тихомиров пытался синтезировать славянофильский либерализм и идею сильной государственной власти. Рассмотрев во второй части своего труда Византию как историческую аналогию российской государственности, он перешел непосредственно к истории России. Здесь особое внимание было уделено построению «правильных» отношений государства и Церкви, когда обе эти константы дополняют друг друга, вера не противопоставляется политике, а идеологическим принципом для монархической системы объявляется моральный принцип, основанный на Православии. Тихомиров выдвигал на первый план наличие надгосударственной нравственно-религиозной идеи. Как и другие верующие монархисты, он считал, что власть ответственна перед высшим судьей – Богом, но в отличие от других консерваторов, Тихомиров обращал внимание не только на духовное, но и на правовое оформление монархическо-

го принципа. «Все условия *политической сознательности* были в России за все 1000-летие ее существования крайне слабы и, по своей спутанности и противоречивости, едва ли не хуже, чем где бы то ни было». Главную опасность для монархии он видел в том, что до Петра I не существовало законодательных определений царской власти, а после него все государственное право испытывало влияние европейской правовой системы, базировавшейся на обязательной эволюции монархии в сторону республиканской формы правления. Тихомиров пытался выработать такое правовое оформление монархической системы, которое доказало бы возможность эволюции монархии. Тезису о неизбежности смены монархической формы правления республиканской в ходе идущих модернизационных процессов, противопоставлялся тезис о неантагонистичности происходящих изменений и монархической системы. Доказывалось, что монархия не только может вписаться в происходящие изменения, но и сделать их плавными, облегчив болезненность трансформации. Оригинальность Тихомирова как мыслителя в том, что он попытался синтезировать религиозное и юридически-правовое обоснование «монархической государственности», не стремясь при этом к чисто механическому повторению идей консервативных идеологов и привлекая для подтверждения своих мыслей примеры из различных работ, начиная от трудов Платона и Аристотеля и заканчивая разработками славянофилов, К. Н. Леонтьева, М. Н. Каткова, Б. Н. Чичерина, С. Ф. Шарапова и др.

Помимо «Монархической государственности» к числу наиболее значимых работ Тихомирова относятся: «Начала и концы. Либералы и террористы» (1890), «Социальные миражи современности» (1891), «Борьба века» (1895), «Знамение времени – носитель идеала» (1895), «Единоличная власть как принцип государственного строения» (1897) и др.

Тихомиров выпустил ряд брошюр по рабочему вопросу: «Рабочий вопрос и русские идеалы» (М., 1902), «Рабочий вопрос (практические способы его решения)» (М., 1909) и др. В них подспудно обосновывалось зубатовское направление¹ в рабочем движении; доказывалось, что затягивание решения рабочего вопроса породило «две одинаково неправильные тенденции» – анархическую и социал-демократическую. По его мнению, эти идеи были «вложены» в рабочий мир извне революционной интеллигенцией, которая поддерживала самые радикальные требования рабочих, а на самом деле русский рабочий – это не пролетарий, а гражданин, то есть член всего общества, а не только группы людей, принадлежащих

¹ Политика «полицейского социализма», внедрявшаяся начальником Московского охранного отделения Зубатовым С. В. и заключавшаяся в создании проправительственных легальных рабочих организаций, действовавших под тайным надзором полиции.

к одной профессии. Следовательно, он должен думать об интересах всего общества в целом.

Публикации по рабочему вопросу создали Тихомирову в консервативном лагере славу знатока данной проблемы. П. А. Столыпин пригласил его из Москвы в Петербург в качестве консультанта. Он написал премьеру ряд записок по рабочему вопросу, подготовил «Доклад относительно заявления о запросе по поводу преследования профессиональных союзов рабочих», в котором доказывал, что рабочие организации – это естественное явление и их нужно не преследовать, а использовать на благо государства и самодержавия. После убийства Столыпина Тихомиров в своих публикациях намекал, что корни этого события нужно искать в неужности премьера для высших сфер Санкт-Петербурга. В 1913 году Тихомиров оставил пост редактора «Московских ведомостей», отошел от публицистической деятельности и переехал в Сергиев Посад.

Падение самодержавия было воспринято Тихомировым относительно спокойно. В своем дневнике от 10 марта он сделал следующую запись: «В газетах началось мое поругание. Какую страшную гору несправедливости взваливают на меня революционеры. Ведь я действовал искренне и честно, и притом – всегда думал о благе народа и рабочих. Зачем ругать меня служителем реакции, когда я им никогда не был? Не я ли всегда работал на дело организации рабочих, не я ли *первый* выдвинул идею созыва Собора, не я ли *первый* обличил Распутина... Дубровин в своем “Русском знамени” называл меня революционером. Глинка в “Земщине” писал, что я как был, так и остался *радикалом*. Вот как ко мне относились реакционные силы. Да и Правительство – сколько я вынес борьбы с ним, и оно же меня придушило. И вот меня же поносят, с прибавкой ругатель[ной], реакционером. Эта несправедливая ненависть меня давит, как камень».

Фиксируя в своих записях отсутствие в России каких-либо демократических традиций, Тихомиров приходил к выводу о неизбежности установления диктатуры если не одного пролетариата, то малоимущих классов в целом, что неизбежно приведет к болезненным потрясениям. Надежды вскоре сменились разочарованием, апатией и ожиданием «второго акта смуты». Шестнадцатого октября 1917 года Тихомиров делает последнюю запись в дневнике, связанную с недолгим пребыванием дома его сына Николая, прибывшего на побывку из Петрограда: «Вообще он утешил меня, да и всех. Благослови Господь его путь. Благодарю за него Господа, и славлю Его попечение. Думаю, что он будет добрым братом и сыном. С этой мыслью мне и умирать легче, если судит это Бог. Спаси его Господь!»

К тому времени Тихомиров уже целиком погрузился в проблемы религиозного характера, работая над исследованием «Религиозно-философские основы истории» («Борьба за царство Божие») и повестью «В последние дни», которую посвятил своей супруге. По своей направленности она перекликается с работой Тихомирова «Религиозно-философские основы истории», однако не является чисто философским произведением, поскольку в ней действуют выдуманные Тихомировым герои. Социализм и связанный с ним материализм были, по мнению Тихомирова, только «пассивным» отступлением от Бога, но еще не означали воцарение Антихриста, как это казалось многим современникам событий. Тихомиров считал, что «для перехода к активному отступлению нужно, чтобы материализм сменился какой-либо формой нового мистицизма, при котором только и возможно появление “нового бога”, “ино-го бога”». А поскольку этого еще не произошло, то, следовательно, «последние времена» еще впереди. К моменту появления Антихриста общество, по мнению Тихомирова, уже пережило испытание социализмом и материализмом. Об этом он писал в своей повести: «Последние десятилетия перед началом нашего повествования представляли, в социально-политическом отношении, господство социализма, стремившегося отлиться в рамки строгого коммунизма. Но удержаться на этой почве нигде не могли прочно, потому что в строгом коммунизме нет места свободе. Стремления к свободе постоянно прорывались в виде анархического беспорядка, который разрушал все построения коммунизма. Производительные экономические силы, таким образом, подрывались со всех сторон. Коммунизм подавлял свободную инициативу, анархизм разрушал обязательный труд. Народы погружались в бедность и необеспеченность, непрерывно переходя от полукрепостного состояния к состоянию дикого произвола...».

На почве социальной нестабильности, в атмосфере ожидания «вождя», выдвигается некий Антиох, умевший подчинять себе людей. Он становится Председателем Союза Народов, который был организован из десяти держав, разделивших между собой мир. Получив власть, Антиох – Антихрист – восстанавливает утраченный в результате революционных потрясений порядок: «В экономическом отношении он повсеместно сразу ввел новый строй, который, сохраняя *принудительно* государственный коммунизм и право безграничного государственного вмешательства, восстановил, на правах срочного и бессрочного владения, частную собственность, частное производство и вольную торговлю. Это быстро оживило производство, обеспечило частные интересы и личную инициативу и привело к такому процветанию, которое, по сравнению

со вчерашней нищетой, казалось волшебным». Таким образом, Тихомиров считал, что именно Антихрист восстановит государственность, разрушенную в результате социалистического переворота и войн, и люди, истомленные бедствиями, порожденными этим переворотом, будут радостно приветствовать произведенное Антихристом восстановление порядка и говорить: «кто подобен зверю сему». После воцарения Антиоха начинаются публичные казни: «Все храмы были конфискованы и обращены в театры, музеи, цирки, отданы под клубы и т.п. Иконы и все принадлежности богослужения сжигались целыми кострами, священные сосуды и драгоценные ризы отдавались на Монетный двор». После ряда событий начинается подготовка к последней битве. Верные Антиоха войска собираются в Армагеддон. Далее все в повести происходит в полном соответствии с последними главами Откровения Иоанна Богослова. Борьба добра и зла заканчивается Вторым пришествием Иисуса Христа. «Так замыкается круг мировой эволюции. Царство мира соделяется Царством Господа. Все созданное приходит к той гармонии, в которой было создано, после продолжительного периода, в течение которого гармония была нарушена восстанием дьявола и грехопадением человека... само человечество становится преображенным, получая новые силы для жизни с Богом и исполнения Его предназначений в мире...».

Литература: Лавров П. Л. Письмо товарищам в России по поводу брошюры Л. А. Тихомирова. Женева, 1888; Серебряков Э. А. Открытое письмо Л. Тихомирову. Женева, 1888; Плеханов Г. В. Новый защитник самодержавия, или Горе г. Л. Тихомирова // Соч. в 3 т. М.; Л., 1928; Булычев Ю. Своясь с Россией: О жизни и творчестве рус. философа Л. А. Тихомирова // Москва. 1992. № 2/4; Костылев В. Н. Выбор Л. Тихомирова // Вопросы истории. 1992. № 6 – 7; Неволин С. Б. Тихомиров Л. А. // Рус. философы (кон. XIX – сер. XX в.): Антология. М., 1994. Вып. 2; Бурин С. Н. Судьбы неизвестные: С. Нечаев, Л. Тихомиров, В. Засулич М., 1996; Кан Г. С. «Народная воля»: идеология и лидеры. М., 1997; Ремнев А. В. Крестный путь Л. Тихомирова. Исторический ежегодник. Спец. выпуск. Обществ. движение в Сибири в начале XX в. Омск, 1997; Репников А. В. Л. Тихомиров – от революции к апокалипсису // Россия и современный мир. 1998. № 3; Ермашов Д. В., Пролубников А. В., Шириняиц А. А. Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: Л. А. Тихомиров / Под ред. Е. Н. Мошелкова. М., 1999; Шерстюк М. В. Одиночество Л. Тихомирова // Россия XXI. 2002. № 2; Репников А. В. Л. А. Тихомиров, «схимник от самодержавия» // Россия и современный мир. 2002. № 3; Tidmarsh Kyril. Lev Tikhomirov and a Crisis in Russian Radicalism // Russian Review. 1961. № 1, January. Vol. 20; Wada H. Lev Tikhomirov: His Thought in his years, 1913 – 1923. Tokyo, 1987.

ХРИСТИАНСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Несмотря на то, что государство встретило христианство с первого момента его появления крайне отрицательно и скоро начало против него жестокие гонения, продолжавшиеся почти триста лет, в христианстве никогда не было отрицания государственности, всегда проводился взгляд, что государственная власть есть Божеское установление, и враждебное отношение государства рассматривалось как проявление личного нечестия власти или недоразумение с ее стороны. Уже апологеты считали возможным требовать у императоров не только прав для христиан, но даже обращали их внимание на обязанность заботиться о распространении истины между подданными, яркие места подобного содержания есть у свв. Иустина Мученика и Мелитона Сардийского. Это говорилось еще в те времена, когда христиан травили дикими зверями, а цезари большею частию относились к истине со скептицизмом своего достойного представителя – Пилата.

По мере усиления христианства его руководители все более думали о государственном признании, и знаменитому епископу Осии Кордовскому приписывают даже отыскание приспособленного к римскому праву термина, который давал возможность определить совокупность христиан как юридическую личность, способную получить вероисповедные и гражданские права, – *Corpus Christianorum*. Этот термин и был употреблен в Миланском эдикте¹.

Вскоре же после признания прав Церкви государство Константина Великого² вступило с нею в окончательный союз, признав обязанностью государства осуществлять в своем законодательстве идеи христианской справедливости и общечеловеческого права. Это было нравственным подчинением государства Церкви, но также влекло за собою появление ряда обязанностей Церкви по отношению к государству.

Идея христианской государственности ныне возбуждает множество возражений вплоть до полного отрицания. Это, с одной стороны, происходит от желания вывести христианство из-под защиты государства. Однако отрицание проявляется и со стороны людей, от христианства не отрекающихся, но искренне думающих, будто бы союз с государством не приличествует Церкви. Ошибочная идея, подсказывающая такие взгляды, состоит в том, что идейная борьба и распространение истины долж-

Печатается по: Тихомиров Л. А. Религиозно-философские основы истории. М., 1997.

ны идти только путем словесного убеждения противников или людей не знающих истины, тогда как всякая помощь со стороны социально-государственного строя привносит с собою элемент чего-то если не насильственного, то принудительного.

Такая точка зрения, при кажущейся высоте, в действительности показывает непонимание значения и силы убеждения и, в частности, верования. Убеждения и верования вовсе не есть предмет только академического рассуждения, а основа жизни человеческой. Согласно убеждениям и верованиям устраивается вся жизнь, со всеми ее сложностями. Отыскание истины может идти только свободным избранием. Но, найдя истину, люди действительно убежденные устраивают сообразно с нею всю свою жизнь, и в том числе такие ее стороны, в которых действует элемент принудительный. Никогда не было – и быть не может – ни одного верования и убеждения, которые бы не приводили к этому согласованию, если только люди действительно верят в истину. Да и не должно быть иначе, ибо люди естественно должны стремиться, чтобы их жизнь была устроена по правде, то есть хорошо и правильно, а следовательно, соответственно верованию и убеждению. Только люди, имеющие очень слабые убеждения, могут не понимать всеохватывающей силы их. Убеждения и верования были бы чем-то слишком ничтожным, если бы они служили людям только для словесных турниров и диспутов. В действительности же убеждения служат для всецелого построения, согласно им, всей жизни.

Христианская истина точно так же неизбежно должна была служить для устроения жизни, а не для одних разговоров. Как только люди стали верить во Христа, они начали устраивать свою жизнь согласно этой вере. Они создавали прочную обстановку для своей христианской жизни как могли, насколько хватало силы, начиная с апостольской общины. Ту же цель – создание прочной обстановки для христианской жизни – имела и Церковь. Все ее догматы, вся ее иерархия, все учреждения были нужны только для того, чтобы можно было жить согласно своей вере. С этим связано и отношение Церкви к государственной власти, и требования, предъявляемые ею к государственной власти: имеется в виду достижение той прочности обстановки жизни, при которой можно было бы спокойно, без постоянной борьбы с окружающим насилием, вести христианское существование.

Идея Н. М. Коркунова о том, что государство есть «монополия насилия», вполне совпадает с христианским отношением к государству. Полное изъятие насилия из права частного и сосредоточение его исключительно в руках государства имеет тот смысл, что насилие в частных интересах безусловно устраняется и воспрещается. Допускается же оно лишь там, где принципиально нет частного интереса, а есть лишь интерес спра-

ведливости. С монополизацией насилия в руках государства оно пускается в ход только для поддержания справедливости.

Если бы эта идея могла быть осуществлена в полной мере, то есть если бы государственная власть была действительно освобождена от всякой примеси частного интереса, эта идея создавала бы максимум благополучия, доступного на земле. Но, к сожалению, эту идею применяют все-таки люди, и частный интерес, неразрывно с ними связанный, в той или иной степени искажает действие данного принципа. Тем не менее, даже в несовершенных формах применения этот принцип в течение веков давал людям возможность тихого христианского существования. Таким образом, Церковь была вполне права, входя в союз с государством и стараясь в этом союзе нравственно влиять на государство. Это было также единственной возможностью сохранить религиозную свободу.

Горький опыт Римского государства показал, какое значение имеет власть государства над религиями. В Риме в значительной степени признавалась равноправность верований, но государство удерживало за собою право регулирования в этой области, на основании чего религии разделялись на дозволенные и недозволенные (*licita* и *illicita*). Христианство имело несчастье быть в числе последних. Но если бы даже оно получило права *religionis licitae*, то и это давало бы положение очень непрочное и свободу весьма проблематичную. Новейшее время, когда прекращается союз Церкви с государством, дает подтверждение тех соображений, которые в четвертом веке побуждали христианство получить нравственное влияние на государство путем союза с ним.

Если государство, как закон и власть, выводится из связи с определенным исповеданием, то есть выходит из-под влияния религиозного исповедания на свою религиозную политику, то оно становится общим судьей всех исповеданий и подчиняет себе религию. Отношения между различными исповеданиями и их права государство, поставленное вне их, должно, очевидно, решать, руководясь исключительно своими собственными соображениями о справедливости и общественной и государственной пользе. При этом оно, очевидно, имеет полное право и возможность репрессии во всех случаях, когда, по его мнению, интересы исповедания противоречат интересам гражданским и политическим. Таким образом, складывается положение, при котором государство может влиять на исповедания, но обратного влияния с их стороны не может и не должно испытывать. Такое государство уже не может руководствоваться в отношении исповеданий какими-либо религиозными соображениями, ибо ни одно из исповеданий не составляет для него законного авторитета, тогда как мнения финансистов, экономистов, медиков, администраторов, пол-

ководцев и т. д. составляют его законную опору, так что во всех сферах устройства народной жизни государство будет руководствоваться соображениями, почерпнутыми именно из этих источников.

При таком порядке религиозной свободы не может быть ни для кого. Может существовать, да и то очень сомнительно, равноправность исповеданий. Но свобода и равноправность нимало не тождественны. Равноправность может заключаться и в общем бесправии. Государство на основании культурных и медицинских соображений может принять меры против обрезания, воспретить посты; во избежание беспорядка или на основании санитарных соображений может воспретить богомолье к святым местам или к чтимым реликвиям; на основании требований военных может воспретить монашество всех видов для христиан, буддистов, магометан. Само богослужение может быть найдено вредной гипнотизацией народа не только в публичной, но и в личной молитве. Вообще, нет пределов запретительным мерам государства в отношении религий, если оно поставлено вне их и является общим их судьей.

О свободе тут не может быть и речи, и понятно, почему христианство искало свободы не иначе, как путем постановки государственной власти под свое религиозное влияние посредством союза с ним.

Впрочем, нет на свете ни одной не только религии, но даже политической философии, которая не стремилась бы сделать государство орудием осуществления своей идеи. Точно так же и все антирелигиозные философии в борьбе против христианства и религий никогда не ограничивались одним словесным состязанием и проповедью, но стремились взять в свои руки государство, чтобы направить его законы и политику в помощь ведущейся ими борьбы, стараясь не только вытеснить религиозные влияния из жизни, но и отнять у религии любую свободу. Таким образом, Церковь показала лишь понимание всей сложности человеческого общежития, когда, видя благоприятные для того условия, заключила союз с государством. Тихое христианское существование, которое этим союзом было обеспечено, давало возможность созревания этических свойств личности, воспитания ума и характера человека в этической обстановке. Так сложилось то, что называется духом христианского человечества, были выработаны признанные обществом добродетели, и сообразно с получившимся таким образом христианским складом личности развивалась христианская культура, благотворным влиянием которой доселе живет мир.

Но если Церковь была права, заключая союз с государством, то установка их взаимных отношений оставалась очень непростой и осуществлялась с различной степенью успеха и неизбежных ошибок. Главная трудность заключалась в том, что правильность этих отношений состоит

не в каком-либо «конкордате», не в юридическом определении взаимных прав и обязанностей этих двух учреждений, по природе совершенно различных и, в то же время, каждое в своей области, независимых. Такой договор как бы между двумя независимыми державами, если и возможен, то нимало не способствует тому главному, что необходимо для государства и Церкви – добровольной солидарности действия.

По природе своей Церковь есть союз духовный, однако имеет существование коллективное. Поэтому она не может быть удовлетворена дарованием со стороны государства личной свободы совести только для каждого гражданина. Церкви необходима еще свобода деятельности для всего ее союза, всей ее коллективности, которая связана со множеством социальных интересов. А эти интересы входят также в область ведения государства, и даже в гораздо большей степени, так как требуют на каждом шагу установки обязательных норм, принудительно поддерживаемых. Церковь по природе своей не имеет принудительной власти и не может взять на себя функций государственных. Она должна спокойно и искренне подчиниться государству, лишь бы оно не посягало на ее духовную самостоятельность, а следовательно, и на ее право нравственно влиять на общество и общественные отношения. Для государства нет никаких причин отвергать нравственное влияние Церкви, высоту и благотворность которого оно не может не видеть. Таким образом, в идее, союзные отношения между обоими учреждениями вполне возможны. Они, думается, вполне легко могут размежеваться: власть принадлежит государству, которому Церковь подчиняется, нравственное же влияние принадлежит Церкви, которой в этом отношении подчиняется государство. Но на практике осуществление этих взаимоотношений гораздо труднее.

Государство заботится об общественных интересах, исходя из таких позиций, которые очень часто чужды Церкви и к которым чисто нравственные мерки неприменимы или трудно применимы. Церковь же не может отказаться от распространения своих нравственных забот всюду, где только являются какие-либо отношения между людьми. Поэтому между церковной и государственной точками зрения легко возникают столкновения. Предусмотреть их договором невозможно, а решать на практике можно лишь соглашением на каждый данный случай, со взаимными уступками. Такая практика соглашения порождает церковное право и государственные законы о Церкви, но и с помощью этих юридических оснований все-таки нельзя исчерпать всех случаев столкновений. В конце концов солидарность действий государства и Церкви зависит прежде всего от искренности обеих сторон в признании компетенции другой стороны, от искреннего желания государства дать место нравственному влия-

нию Церкви и такого же искреннего признания Церкви, что обязательное требование государства должно быть исполнено без противодействия.

В исторической практике вследствие этих сложностей возникло несколько форм взаимоотношений Церкви и государства. В римском католицизме возобладала идея подчинения государства церковной власти. В крайнем развитии этой идеи предполагается, что папы имеют верховную власть над всем миром. Императоры и короли получают от папы свои владения как вассалы апостольского престола, так что подчинены папе не только в церковных, но и в светских делах. Светская же власть не имеет права вмешательства ни в какие духовные дела. Законы, издаваемые государственной властью, если они противоречат требованиям Церкви (то есть папы), могут быть кассированы папою. Светская власть, в случае неисполнения требований папы, может быть смещена с передачей ее другому лицу.

В протестантизме явилась обратная идея государственно-церковных отношений. Возникла она вследствие того, что, по учению Лютера, Церковь состоит из совершенно равных членов, без иерархического различия благодатных даров. Власть епископская является коллективной, священническая благодать принадлежит каждому христианину. Церковная власть принадлежит тому же обществу, которому принадлежит и государственная власть, так что если оно вручает эту власть Государю, то переносит на него и епископские права. Государь становится обладателем как политической, так и церковной власти. «В протестантском государстве, – говорит проф. Н. С. Суворов, – власть церковная, как и государственная, должна принадлежать князю, хозяину территории (*landsherr*), который вместе с тем должен быть и хозяином религии. – «*Cujus est regio – ejus religio*»⁴ (*лат.* «чья власть, того и вера». – *Прим. ред.*).

Это два типа, которые получили название «папоцезаризма» и «цезарепапизма», то есть выражают или перенесение на папу власти цезаря, или, наоборот, – власти папы на цезаря. Идея папоцезаризма почти не имела реального существования, осуществляясь лишь моментами и скорее посредством ловкой внешней политики пап, чем вследствие ее признания государями. Но идея цезарепапизма получила полное осуществление в протестантизме вследствие того, что церковная иерархия, основа церковной власти, была в существе своем совершенно уничтожена. Свой цезарепапизм протестанты любят защищать ссылками на византийских канонистов (больше всего на Вальсамона)⁵, которые иногда были склонны к преувеличению власти императора в церковных делах. Однако же в действительности в Византии государственно-церковные отношения были построены на идее, не имеющей ничего общего с протестантскою, а именно на союзе Церкви и государства.

Константин смотрел на себя не как на главу Церкви, а как на Божия служителя, действующего рука об руку с Церковью. Ему принадлежит высказывание, что он есть епископ по внешним делам (*episcopus laicus*). Это означало, объясняет проф. Ф. А. Курганов⁶, что император считал себя обязанным заботиться о мире святых Божиих Церквей, наблюдать за точным исполнением церковных постановлений между своими подданными мирянами и самим духовенством и заботиться о распространении христианства между язычниками. Постепенно в Византии было оформлено твердое учение об отношениях между властями Церкви и государства.

Император Юстиниан⁷ в предисловии к 6-й Новелле – памятнике византийской юридической мысли – посвященной рассуждению о симфонии церковной и государственной власти, говорит: «Всевышняя благодать сообщила человечеству два величайших дара – священство и царство (царскую власть). Первое заботится об угождении Богу, второе – о прочих предметах человеческих». Святой Феодор Студит⁸ также утверждает, что: «Бог даровал христианам два высших дара – священство и царство, посредством которых земные дела управляются подобно небесным». Иоанн Комнен⁹ писал папе Гонорию: «Во всем моем управлении я признавал две вещи как существенно отличные друг от друга: первая есть духовная власть, которую Верховный Первосвященник и Царь мира Христос даровал Своим ученикам и апостолам как ненарушимое благо, посредством которого они по божественному праву обладают властью вязать и разрешать всех людей. Вторая же есть светская власть, заведующая делами временными и обладающая по божественному установлению одинаковым правом в своей сфере. Обе эти власти, господствующие над жизнью человека, отдельны и отличны друг от друга!»

Но, будучи различны по существу своему, обе эти власти для благосостояния человеческого должны быть в полном между собой единении. Епанагога¹⁰ (сборник Византийского права) уподобляет обе власти телу и душе в организме и говорит, что как в организме необходимо согласие души и тела, так и в государстве – полное согласие священства и императорства.

Это согласие достигается полным единодушием закона и канона. Халкидонский собор¹¹ объявил, что законы, противоречащие канону, не имеют силы. Император Юстиниан постановил, что все, воспрещаемое или дозволяемое канонами, тем самым дозволено или воспрещено законом. Но зато все канонические постановления подписывались и санкционировались императором, так что в каноне не могло явиться ничего, не приемлемого государственной властью.

Та же точка зрения была усвоена и в России, и хотя у нас не было самостоятельной разработки учения о государственно-церковных отношениях, но в общем сознании жила идея союзности их.

Это и есть единственно правильная идея. Но фактическое ее осуществление более всего зависит от степени искренности взаимоотношений, а это, в свою очередь, определяется глубиной и искренностью веры в народе и в представителях власти церковной и гражданской. Фактически независимость Церкви в ее бесспорнейших правах нарушалась всюду, а церковные власти, в свою очередь, вмешивались в не касающиеся их государственные дела, так что столкновения между обоими учреждениями наполняют всю историю.

Борьба Церкви и государства как явление постоянное характеризует по преимуществу страны римского католицизма. В протестантских странах иерархическая церковная власть была настолько уничтожена, что о какой-либо борьбе с ее стороны не могло быть и речи. В странах же православных проявлялась не столько борьба Церкви и государства, сколько борьба отдельных их представителей. Она множество раз имела место в Византии, сопровождаясь и насилиями над Церковью, и государственными переворотами. Но в общем Византия прожила свой век с соблюдением идеи государственно-церковного союза. То же можно сказать и о России допетровских времен. Россия императорская, не отвергая идеи союза, как известно, очень обессилила церковную власть, подчинив ее государственной обер-прокуратуре. Глухая борьба против государственной власти поэтому все более развивалась в ней, и положение Церкви даже характеризовалось как «пленение вавилонское». В настоящий момент [20-е годы XX века. – *Прим. ред.*] церковно-государственные отношения не поддаются еще никакому учету.

Но как бы ни складывались в истории теоретические и практические отношения между Церковью и государством, самый факт христианизации государства был великим шагом для проникновения христианских начал в человеческое общество. Государство в своей деятельности усваивало христианскую точку зрения на этику человеческих отношений, соглашаясь ее со своим законодательством. В Германии выработалась даже юридическая философия, которая поставила закон в прямую зависимость от религии. Это воззрение исходит из того чисто христианского положения, что преступление тождественно с грехом и что этика, требуемая законом, вытекает из требований христианского вероучения. Но этика христианская так высока, что государство не может сделать ее обязательною для всех граждан и принимает в качестве обязательного лишь тот минимум, который уже доступен каждому существу, заслуживающему названия че-

ловека. Этот минимум, как возможный для исполнения всеми людьми, государство объявляет обязательным законом и нарушение его признает преступлением, законно наказуемым. Такое отождествление греха и преступления представляло и в России общее верование, отражавшееся в законе помимо всяких философских формулировок. Эта точка зрения была оставлена лишь в последнюю половину XIX века, когда явилось в законе понятие о ненаказуемости многих деяний, в высшей степени греховных с точки зрения христианства.

Как бы то ни было, христианизация государства, явившаяся вследствие союза Церкви с государством, дисциплинировала умы народов в христианском духе всей силой того воспитательного влияния, которое способен оказывать закон. Сама же по себе Церковь – своим учением, наставлением, богослужением, обрядами, влиянием на бытовой строй – получала возможность проникать в самую глубь народной жизни.

Вообще, единение деятельности Церкви и государства принесло в религиозном отношении богатые плоды для всей массы народов христианского мира, всюду зарождая и развивая то высокое нравственное состояние, которое создало почву для христианской культуры. Высота этого духа, уважение к человеку, высота личности составили типическую особенность христианского мира, который не могли не уважать и народы нехристианские.

Но, наряду с благодетельными последствиями, союз Церкви с государством не мог не иметь и отрицательных. Основу действий государства составляет элемент обязательности и принудительности. Церковные деятели часто заражались соблазнительным примером – действовать принуждением, когда не помогали убеждения и увещания, тем более, что государственная власть очень рано стала пользоваться властями церковными даже для нужд административных. В Византии Юстиниан обязал епископов иметь надзор за администрацией и докладывать ему о замеченных злоупотреблениях архонтов по взиманию казенных пошлин. Епископ постепенно был облечен обязанностями какого-то трибуна. Он мог кассировать судебный приговор начальника области, надзирал за тюрьмами, за выдачей хлеба солдатам, защищал интересы населения, участвовал в выборах по городскому управлению. Между тем каноническое правило святых апостолов 81-е прямо установило: «не подобает епископу вдаваться в народные управления», а по 6-му правилу епископ, сказано, «да не приемлет на себя мирских попечений».

Возможно, считает проф. Ф. А. Курганов, что «Юстиниан хотел внести дух христианской справедливости в среду своих подданных лучше всего через епископов»¹². Но если облечение епископа правом наблюдения

за ходом гражданских дел и представлений по этому поводу императору, вполне соответствуя такой цели, не противоречило бы прямым обязанностям духовного служения епископов, то превращение епископа в официальную судебную власть, погружение его в выборную борьбу партий, из которых ни одна никогда не представляет голоса справедливости, а выражает лишь интересы своей группы, – все это, конечно, лишь извращало суть епископского служения и приучало епископа к использованию принудительных средств.

Подавление государственной властью разного рода еретиков, считавшихся опасными в социальном и политическом отношении (а иногда и бывших таковыми), делало и Церковь солидарною со страшными свирепостями своего союзника. Вообще, религиозные преследования исторически выходили, главным образом, из государственной сферы и имели причины не прямо религиозные, а политические и социальные. Церковь нередко против них протестовала. Даже папы римские иногда старались сдерживать усердие властей. Но привычка к насилию передавалась и церковным деятелям. Достаточно вспомнить костры из еретиков и предполагаемых колдунов. Хотя такие казни совершались по приговору и закону государства, на Церковь не могло не падать осуждение уже за то, что она не воспротивилась развитию подобной практики. Но церковные власти не только не противились, а одобряли эти расправы. Не говоря об этих крайних случаях жестокости, даже и гораздо более умеренные проявления насилия, производимые непосредственно властью церковной иерархии, конечно, показались бы для апостолов чудовищными. Так, например, по распоряжению римских пап евреи в Средние века были обязаны дважды в год являться перед церковными проповедниками и выслушивать увещания христианской миссии. Эти своеобразные уроки «Закона Божия» для иноверцев были не только возмутительным насилием над совестью, но еще и обременительны в житейском смысле, так как продолжались каждый раз довольно долго – около двух недель.

В странах римского католицизма союзничество с государством приводило к тому, что церковные прелаты соединяли в своих руках светскую и духовную власть. Короли пользовались этим для того, чтобы управлять епископами: они отдавали в их распоряжение целые области, делая своими вассалами. При этом власть короля скоро распространялась и на духовные дела, ибо, передавая епископам инвеституру посредством вручения перстня и пастырского жезла, король получал право смещать непокорного вассала и даже лишать его священного сана¹³.

Такие захваты церковной власти со стороны королей и князей отчасти и побуждали пап к присвоению себе власти государственной... В резуль-

тате этого развивались и дальнейшие отклонения от правильного положения церковной власти, как, например: ведение епископами войн, причём они могли лично командовать войсками и принимать участие в боях.

В восточно-православных Церквях подобное проявлялось значительно реже, в виде совершенного исключения, – у черногорцев, у которых сан князя и епископа соединялся в одном лице и передавался по наследству, то есть епископ становился обязательно женатым и семейным. Другой случай на Востоке имел место у еретиков – сирийских несториан, у которых митрополит получил статус главы народа вообще, и это звание также было наследственным.

Совместное с государством действие представляло для Церкви много трудных испытаний и искушений. Но такое союзническое существование было и логически неизбежно, когда один и тот же народ, с одной стороны, составляет Церковь, а с другой – государство, да и практически необходимо для того, чтобы осуществлять христианское воспитание всего народа. Множество печальных явлений происходило не прямо вследствие союза Церкви с государством, а в результате измены людей заветам веры. Во всяком случае, в течение полутора тысяч лет этот союз был одним из крупнейших явлений в жизни христианских народов.

В настоящее время союз государства с Церковью уже почти отжил свой век. Религиозные настроения народов ослабевают, и государства отвергают обязанность руководствоваться в своей деятельности принципами христианства. При таком положении вещей Церкви нет надобности оставаться в подобии союза, который только связывает ее, но ничего не дает для ее сознательной деятельности.

Трудно сказать, насколько близко полное отделение Церкви от государства, но, конечно, оно будет сопровождаться и отпадением от Церкви большинства ее членов, так как пока этого не произойдет, государству невыгодно совершенно прекращать свои отношения с Церковью. Но в общей сложности все идет к этому концу, и целостная картина пребывания Церкви в мире начинает вполне выясняться.

В начале Церковь входила в мир, глубоко и широко охватывая его и взаимодействуя с ним. Продолжалось это до тех пор, пока мир поддавался ее влиянию. Но постепенно это влияние стало ослабевать, как и вера в народах. Противобожные настроения будут все сильнее охватывать человечество, пропитывая собою и массу фиктивных членов Церкви. Тогда должно начаться обратное сжимание Церкви, ее выделение из мира и его учреждений, сосредоточивание в суживающемся круге истинных христиан, пока наконец не явится положение, напоминающее жизнь первенствующей Церкви при начале христианства в языческом государстве, в от-

дельности от него и во внутренней изолированности, без сомнения, при таких же и, вероятно, гораздо более тяжелых гонениях. Эту картину нетрудно себе представить по эсхатологическим указаниям Писания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Миланский эдикт 313 года о веротерпимости, давший свободу христианству.

² Константин Великий (ок. 285 – 337) – император римский с 306 года. Даровал свободу христианству Миланским эдиктом. Основал новую столицу Константинополь.

³ Коркунов Николай Михайлович (1853 – 1904) – юрист, доктор русского государственного права, профессор С. - Петербургского университета. Автор книги «Русское государственное право». Т. 1 – 2. СПб., 1899 – 1901. Изд. 3-е.

⁴ *Суворов Н. С.* Курс церковного права. Ярославль, 1890. Т. 2. С. 469. Суворов Николай Семенович (1848 – 1909) – канонист, профессор церковного права Императорского Московского университета.

⁵ Вальсамон Феодор – с 1193 г. антиохийский патриарх. Канонист Православной Церкви. Наиболее известным из его трудов является толкование на Номоканон патриарха Фотия.

⁶ Курганов Федор Афанасьевич (1844 – 1920) – историк, профессор Казанской Духовной академии. Автор книги «Отношения между церковной и гражданской властью в Византийской империи». Казань, 1880.

⁷ Юстиниан (482 или 483 – 565) – византийский император с 527 г. Расширил границы империи. Провел кодификацию Римского права.

⁸ Феодор Студит, св. (759 – 826) – знаменитый подвижник и духовный писатель. Был главным борцом с иконоборцами. Автор Большого и Малого Катехизисов.

⁹ Иоанн II Комнен (1087 – 1143) – византийский император с 1118 года. Вел удачные войны с врагами Византийской империи.

¹⁰ Епанагога (Эпанагога) – руководство для судий в Византии, составленное после 879 г.

¹¹ Халкидонский собор – IV Вселенский Собор 451 года, установивший 30 правил канонических.

¹² *Курганов Ф. А.* Отношения между церковною и гражданскою властью в Византийской империи. Казань, 1880.

¹³ *Суворов Н. С.* Курс церковного права. Ярославль, 1890. Т. 2. С. 469. Заозерский Николай Александрович (1851–1919) – профессор канонического права Московской Духовной академии.

«КОГДА ЗДРАВОВОГО УЧЕНИЯ ПРИНИМАТЬ НЕ БУДУТ»*

Рече безумен в сердце своем: несть Бог (Пс. 52, 1).

Беседа главного редактора «ДС» архимандрита Георгия (Шестуна) с кандидатом философских наук, руководителем научно-образовательного центра Института истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения РАН, Андреем Владимировичем Поповкиным.

– К нам в Самару приехал долгожданный гость – Андрей Владимирович Поповкин. Во время нашей прошлой встречи мы говорили о восточных единоборствах: возможно ли совместить практики восточных духовных традиций с христианством. Сегодня разговор пойдет об образовании. Андрей Владимирович почему-то полюбил слово «реформобразование» и сейчас расскажет нам, что он под этим термином понимает, а также что такое образование и каким оно должно быть.

– Честно говоря, я чувствую себя немного не в своей тарелке, потому что рассказывать доктору педагогических наук свое видение того, каким должно быть образование, – значит, рисковать сесть в лужу, но, тем не менее, я дерзну. Дело в том, что, если я не ошибаюсь, уже чуть больше года прошло после того, как началась реформа Российской академии наук. И эта реформа есть логическое продолжение реформ образования, которые затеяло Министерство образования еще при господине Фурсенко и продолжает при господине Ливанове. И меня как ученого и философа эта реформа, конечно же, задела за живое.

Однако было и еще одно событие, позволившее мне увидеть духовную составляющую этого «реформобразования». Дело в том, что по долгу службы я преподаю и, соответственно, изучаю философию науки. Это раздел философии, в котором исследуется вопрос о том, что такое наука, в чем ее сущность, чем она отличается от других видов познания, каковы общие законы развития научного знания. И вот однажды мне совершенно случайно залетело в почту приглашение на конференцию по технонауке в Сибири. Я удивился, какое отношение может иметь философ к технонауке? И что такое вообще технонаука? Если несведущий человек услышит слово «технонаука», то у него сразу возникает представ-

* 2 Тим. 4, 3.

*Архимандрит Георгий (Шестун) (справа) и Андрей Поповкин (слева)
с «Бурлаками на Волге» Н. Куклева. Набережная р. Волги. Самара. 2015 г.*

ление о чем-то техническом, о некоей «технической науке». Но оказалось, что это вообще не имеет отношения к технике в привычном смысле.

Я начал разбираться, поднял литературу. Оказалось, что технонаука – это постмодернистское представление о том, какой должна быть наука. Дело в том, что та наука, с которой мы сталкивались в школе и в вузе – это наука, берущая свое начало в трудах Галилея, в эпоху Нового времени или как его еще называют – модерна. Эта эпоха заканчивается в искусстве и философии в начале XX века. Лебединой песней модерна был русский Серебряный век. Настоящее время объявлено эпохой постмодерна. Основными «глашатаями» новой эпохи, наряду с представителями искусства, стали такие философы как Лиотар¹, Деррида², Делез³, Гваттари⁴. Кстати, не все они называют себя философами, гораздо чаще можно услышать наименование «интеллектуалы». И это не случайно, ведь философия, наука и религия – все это основные действующие лица интеллектуальной жизни эпохи модерна, а она закончилась. Следовательно, заканчиваются и наука, и образование эпохи модерна, потому что

¹ Лиотар Жан Франсуа (1924 – 1998). Французский философ-постмодернист и теоретик литературы.

² Деррида Жак (1930 – 2004). Французский философ и теоретик литературы, создатель концепции деконструкции.

³ Делез Жиль (1925 – 1995). Французский философ, классик философии постмодерна.

⁴ Гваттари Феликс (1930 – 1992). Французский психоаналитик, философ и политический активист.

они должны уступить место совершенно новому явлению постмодернистского университета и постмодернистской науки. Собственно, это уже будет не наука, а технонаука.

– **Откуда произошел сам термин «технонаука»?**

– Это любопытная история, но коротко объяснить не получится. Сперва нужно понять, что такое философия постмодерна, особенно в духовном аспекте. Дело в том, что, на мой взгляд, постмодернизм – это осовремененная версия софизма. На чем стоял софизм? – На том, что истины нет, что у каждого человека – своя правда, своя истина. Как говорил Протагор: «Человек есть мера всех вещей, существующих, что они существуют, не существующих – что они не существуют».

Почему иногда Сократа и вообще греческую философию, особенно платоновскую, называют детоводителем греков ко Христу?¹ Потому что греческие философы первыми ясно заговорили о том, что все-таки истина есть, причем эта истина едина, и она выше человека. Представьте, греческие философы сами додумались, что Бог – един! Правда, вместе с этим они разработали и диалектику, которая в те века означала одновременно искусство разговора, исследования истины в понятиях и искусство убеждения собеседника. Возник большой соблазн использовать это искусство в политике (а у греков была демократия), чтобы навязывать выгодное для себя видение всем. Спрос родил предложение, и появились такие «учителя мудрости» – софисты – которые учили «за малую мзду» убеждать кого угодно в чем угодно. Они даже мировоззренческое основание под это подвели, – наверное, чтоб совесть не мучила. Мол, каждый видит мир по-своему, у всех своя правда, а разница лишь в том, кто искуснее свою правду доказывает.

Понимаете, для меня как христианина софизм плох не тем, что ошибочно выдает за истину что-то ложное, а тем, что отрицает вообще существование общезначимой истины! И если бы не Сократ – еще не известно, смогли ли бы греки принять христианство. Потому что именно Сократ защитил в греческой культуре идею о том, что есть единый логос, единый закон, в том числе и в нравственной сфере.

Постмодерн же стоит на радикально противоположной идее того, что единого логоса нет. Более того, нет единого логоса и в человеческой душе! Ведь что такое личность? Вот в моей душе бывают разные помыслы, стремления, желания. Но я одни принимаю, другие сдерживаю, третьи – отвергаю. И все это в соответствии с неким внутренним законом, совестью, логосом. Такая деятельность души требует усилия, требует ав-

¹ Гал. 3, 24: закон был для нас детоводителем ко Христу.

тора этого усилия, то есть личности. Но вот личности-то, с точки зрения постмодернистов, по-настоящему и не существует, а есть множество «сингулярностей» – всех этих помыслов, страстей и прочих случайных (случившихся под влиянием обстоятельств) состояний души. Иными словами, под термином «сингулярность» постмодерн понимает состояние «здесь-и-теперь», отрицая реальность личности, духовного усилия, нравственного выбора. В этом смысле постмодерн доводит софизм до предела. Теперь уже не человек мера всех вещей, но нет вовсе никакой меры – только случайное событие, ситуация. Вот, например, я выйду на улицу и забуду, о чем мы с вами только что разговаривали, потому что это буду уже «другой я», который совсем не обязан отвечать за то, что «я здесь сейчас» наговорю.

– **Давайте разберемся с понятием: что такое модерн?**

– Мне кажется, к этому вопросу лучше подойти через рассмотрение истории развития института образования. Как начиналось образование? Не домашнее, а в высоком смысле слова «школьное»? Спрос на образование возник в свое время у греков, и первоначально обучением занимались софисты.

– **Софизм – это тоже способ мышления.**

– Да, это культура аргументированного мышления. Другое дело, что софизм стоял на позициях, что единой истины нет, поэтому каждый может аргументировать все, что хочет, все, что ему выгодно.

– **Или что можно при помощи аргументов и логических построений объяснить все в этом мире?**

– Да, верно. А идея философии, особенно сократовской, в отличие от софизма, состояла в том, что есть некое единое правильное объяснение, единый логос, который философ стремился прозреть. Кроме того, задачей философа было научить видеть этот логос своих учеников. Еще Платон выводит определенные правила того, как надо заниматься философией: приступать к этой науке должны были люди определенных интеллектуальных способностей и, – что самое интересное, – определенных нравственных убеждений. Для этого он предполагал ввести философское жительство, чтобы будущие философы жили в окружении единомышленников, создать такую протомонастырскую среду.

– **Я бы не сказал, что это была монастырская среда. Скорее, можно провести следующую аналогию: у нас в Самаре сейчас активно развивается тема создания духовно-обогащенной образовательной среды.**

– Да, наверное, это ближе.

– **Духовно-обогащенная образовательная среда – это создание таких условий, в которых наиболее вероятно возможность не только развития природных сил человека, но и его духовного становления.**

– Вы правы, Платон считал, что подлинное образование возможно только в такой духовно-обогащенной среде. Он даже попытался в своем знаменитом (в том числе и тем, что многие исследователи спорили о его подлинности) Седьмом письме вкратце описать правила, по которым эту среду надо обустроить. Таким образом, возникли две конкурирующие образовательные модели: одна – софистическая, где образование было оторвано от духовного стержня, нацелено на выгоду, а другая – философская, где образование имело некое духовное основание.

– **Скорее, нравственные ориентиры, которые современный мир стремительно теряет, на что часто обращает внимание наш Патриарх. Даже власти уже заговорили о том, что у образования должен быть какой-то ценностный фундамент. В чем проявлялась духовность в античной философии? Предполагалось, что существует мир идей, который трансцендентен человеческому бытию, некий иной мир, к которому мы стремимся. Мир духовный.**

– Другое дело, что античные философы представляли его себе в ряде важных аспектов довольно смутно, а порой и вовсе неверно.

– **Считалось, что этот мир могут постичь только мудрецы.**

– Да, здесь позиция Платона не совпадает с принципами евангельского откровения. В свете Евангелия становится понятным, что платонизм – это все-таки попытка ограниченной человеческой мысли проникнуть в духовный мир, но, в то же время, бесспорно и величие философии Платона.

– **Однако логос у него больше абстрактная идея, чем живой Бог.**

– Да, потому что понятия о Живой Истине у него еще нет. Строго говоря, его и не могло быть. Максим Исповедник в «Амбигвах к Иоанну» замечательно сказал, что, изучая мир своим (естественным) разумом, мы можем увидеть его как книгу, написанную божественном Словом, но это изучение есть только «...подающее нам понятие... о том, что Оно есть, и совершенно никакого о том, что именно Оно есть». Вот Платон, я думаю, это Слово и увидел, но смутно, точнее, даже просто догадался о том, что Оно существует.

– **Хотя есть почти повторяющая ветхозаветную теория восхождения.**

– Да. И еще у Платона есть очень важная особенность применительно к понятию об образовании: мы четко видим у него некий логос образования, заключающийся в том, что нужно воспитать человека нрав-

ственного, что в этом благо и для человека и для общества. В каком-то смысле это совпадает с ветхозаветным вочеловечиванием человека.

Затем с приходом христианства происходят перемены. Появляется идея Университета: христианское образование в идеале должно было готовить богослова, то есть человека не просто образованного, но способного проповедовать истину Божественного Откровения, понимать его, истолковывать людям, высказывать компетентные суждения касательно богословских вопросов.

К сожалению, у нас гуляет довольно много мифов о Средневековье, рожденных еще в эпоху Просвещения и с удовольствием использовавшихся марксистами в борьбе с Церковью. Один из мифов – о схоластике как о чем-то совершенно заскорузлом и догматичном, не терпящем живой мысли. Но вот интересный пример. В эпоху Высокого Средневековья произошел такой показательный случай: Сигер Брабантский¹ впал, по сути, в ересь, он стал исповедовать почти чистый аристотелизм, утверждая, что Бог не творил мир и что душа человека смертна. Что же делает Церковь? Ему запрещают преподавать – и все! В то время действовало мудрое правило: хочешь рассуждать на богословские темы – будь добр, получи степень доктора богословия, – и тогда можешь высказывать свои суждения. Если же ты, образованный богослов, высказываешься неправильно, тебя просто лишат публичности, но отнюдь не будут сжигать на кострах или подвергать каким-либо истязаниям. Но если простой обыватель начнет судачить о высоком, то с ним могли обойтись довольно сурово.

Таким образом, на мой взгляд, очень хорошо прослеживается логос средневекового образования. Здесь важна та идея, что образование служит для духовного становления человека, приуготовления его к богообщению. Потому философия, опирающаяся на естественный разум, только – служанка богословия. И в этом высказывании вовсе не принижение философии, а напротив – подчеркивание ее высокого служения. Образование тогда не было самоценностью: ценность его определялась тем, в какой мере оно способствовало достижению человеком определенного духовного уровня.

– Вы говорите о богословском образовании, но в университетах был не только богословский факультет, но и медицинский, юридический...

– Но главенствовал богословский. И это очень четко всеми понималось.

¹ Сигер Брабантский (около 1240 – 1248), французский философ, магистр, профессор факультета искусств Парижского университета.

– Просто смыслового разрыва между богословским и другими видами образования не существовало. Все основывалось на единых ценностях, началах, связанных с христианством.

– Да, верно.

– Существовало единое основание.

– Единое смысловое основание. Поэтому мы и можем говорить о «едином логосе» средневекового образования. А в эпоху Возрождения происходит очень интересная вещь: духовный и интеллектуальный климат во многом определяют люди, которые не окончили университет, но прошли первоначальные, то есть философские курсы. Эти люди прекрасно владели языками, имели изощренный ум, поскольку тогда образование давалось очень хорошее, но недоучились в силу разных причин. Кто-то придерживался взглядов, которые не приветствовались традиционным богословием; у кого-то, как у Галилея, например, просто не было средств, и они не смогли завершить свое обучение. Так появилась целая плеяда людей, говоря по-современному, полуобразованных.

– Вы сейчас вызываете огонь на себя, говоря, что Галилей был полуобразованный.

– Полуобразованный он был только по части богословия, но был прекрасно образован в обычном для нас понимании этого слова. Хотя это моя гипотеза, и здесь еще довольно большое поле для исследований.

– Галилео Галилея мы воспринимаем как основателя современной науки.

– Современного естествознания.

– Да, он провел первый эксперимент, бросив с Пизанской башни два шарика, связанных нитью. Так и появилась современная наука, в основе которой лежит мысль, проверенная на опыте, т.е. экспериментально. Все, что экспериментально не доказано, – это некая «подвешенная» мысль. Но в то время, как и в античном мире, существовала как раз такая умозрительная наука, суть которой заключалась в получении знаний через откровения, – никому и в голову не приходило проверять все на опыте. А потом возникла европейская современная наука, которая могла спокойно обойтись без богословия, без интуиции и без откровений.

– Но во времена Галилея она еще не могла обойтись совсем без богословия. Все-таки и Коперник, и Галилей, и Ньютон были христианами. Но дело в том, что в эпоху Возрождения возникает идея, что человек может стать некой «третьей силой» в мире: есть Бог с Его Произволением и Заветом, есть мир с его законами и силами, а есть человек, который может попробовать стать третьей силой.

– **То есть обойтись без первых двух?**

– Да. Один из героев Петрарки¹ говорит: «Не терпеть нужды и не иметь излишка, не повелевать другими и не быть в подчинении – вот моя цель». А собеседник ему отвечает: «Для того, чтобы ни в чем не нуждаться, ты должен был бы стряхнуть с себя человеческое естество и стать Богом...». Здесь перед нами разворачивается та же драма, что и в раю: человек возжаждал стать, как Бог. Но с помощью чего?

И как раз наука становится таким плодом познания. Френсису Бэкону принадлежит замечательная фраза, на русский ее часто переводят: «Знание – сила». А в оригинале, на английском, она звучит так: «Knowledge itself is power». «Itself» – возвратная частица, поэтому вернее перевести: «Знание само по себе – сила» или «само знание – это сила». То есть с помощью знания можно стать Богом. Адама с Евой в раю соблазнили одним яблоком, а теперь появилось новое.

– **Ведь было древо именно познания добра и зла...**

– Совершенно верно, а теперь – научное знание, которое может стать для человека источником сил. Дать ему вожделенную независимость от мира, а может и от Бога.

– **И это продолжение бесовского искушения.**

– В известной степени. Только здесь опасно слишком упрощать. В основе науки лежат два весьма различных устремления. Одно – чистое стремление к познанию мира как чуда, как творения Божьего, а другое – стремление этим миром овладеть себе на потребу, самому стать богом, хотя бы и только в этом тварном мире.

– **Плода от древа познания добра и зла не трогай, – а то потом будешь считать себя равным Богу. И произошло это примерно в XVII веке?**

– Да. Ведущей метафорой познания становится идея двух книг: книги Бытия и книги природы.

– **У нас эту идею развивал Ломоносов.**

– Она появилась еще раньше, на самом деле. Еще прп. Максим Исповедник говорил о том, что мы можем «читать» природу, потому что в ней есть Логос. Однако глядя на природу, познавая ее, мы можем узнать, что Бог есть, но не можем узнать, что Он есть. То есть можем дойти до мысли о существовании Творца, но постичь самого Творца через природу невозможно.

¹ Франческо Петрарка (1304 – 1374) – итальянский поэт, один из видных деятелей итальянского Проторенессанса.

Идею двух книг высказывали многие ученые – и Ломоносов, и Галилей. Причем, что интересно, Галилей прямо пишет в своих дневниках, что хочет мыслить природу, как Бог (вот пафос науки!), искренно предполагая, что Бог мыслит на языке математики: «Когда я мыслю природу математически, я мыслю ее, как Бог». Как бы говоря этим: «Я не могу стать Богом вообще, в принципе не могу, но вот здесь и сейчас я могу мыслить полет этого шарика точно так же, как Бог».

– **То есть он путает Творца с творением.**

– Не до конца путает, но основу такой путаницы закладывает.

– **В творческом акте он себя ассоциирует так: Бог творил мир, и я нечто творю.**

– Даже не то чтобы творит, но, по крайней мере, думает, что может, совершенно как Бог, помыслить. Здесь, конечно, есть большая опасность интеллектуальной гордыни. И в итоге мы получаем совершенно новый тип образования и университета, который оторван от богословия. Задача университета Нового времени – воспитать универсального человека, способного создать любое мировоззрение и аргументированно его отстаивать, не просто нечто выдумать, а быть в состоянии доказать и обосновать свои умозаключения. Люди эти были достаточно интересные и вполне достойные, хотя далеко не всегда мы бы сочли их стоящими на правильном духовном пути.

– **Но ведь в старых университетах и по сей день остались теологические факультеты.**

– Остались, но лишь наряду с другими. Они уже выступают не как основные, а как рядоположенные.

– **А в первых университетах изучали теологию на всех факультетах? Сейчас есть общие кафедры обязательных для всех наук, например, истории, философии, на какой бы специальности ты ни учился. Теология была такой общеуниверситетской?**

– Насколько я знаю, были разные факультеты, и не все они давали теологическое образование.

– **Значит только наряду?**

– Нет, существовала четкая мировоззренческая установка, что теология – это высшая дисциплина, теологический факультет, безусловно, главенствовал. И в системе ценностей, в которой жил выпускник средневекового университета, высшей была теология. А выпускник университета нового времени в качестве высшей ценности для себя мог положить что угодно: хоть математику, хоть физику, хоть философию. По

этой причине философия снова вышла на первый план – именно она лучше всего позволяла человеку сочинять себе собственное мировоззрение. Киреевский¹, кстати, пережив увлечение немецкой классической философией и обратившись к Православию, так говорит о своем бывшем философском кумире – Шеллинге: «Жалкое зрелище – человек, сочиняющий себе веру». Так вся мощь университета нового времени, которая была унаследована от схоластиков и средневековой философии, была направлена на то, что люди стали сочинять себе Бога. Но понятие о том, что есть нечто, что выше человека, еще сохранялось, признавалась необходимость иметь ответственную и разумную позицию. Иными словами, человек эпохи модерна не отрицает логос, но пытается сделать его выразителем и средством оправдания своей жизненной позиции.

– Но это, может быть, не только атмосфера университетской среды, а общая тенденция...

– В этом проявляется дух эпохи модерна. Особенно это хорошо видно на примере поэзии Серебряного века...

– Что же такое «модерн»?

– «Модерн» – это «новое время». Это философия Канта, Гегеля, Шеллинга, Ницше...

– А само понятие что значит?

– «Современность». Понятие «модерн» возникло примерно в XIX веке, тогда идея прогресса была центральной в культуре.

– Стремление к развитию бывает неким прорывом.

– Тогда и был прорыв.

– Но связь с традицией остается? Модерн разрушает традиции или наоборот развивает, совершенствует?

– Мне эта ситуация представляется двойственной. С одной стороны, модерн наследует средневековой традиции в плане культуры мышления, так как университет эпохи модерна не отрицает ни логику, ни саму идею мирового логоса, осмысленности жизни. Но в то же время он отвергает традицию, потому что в его основании лежит идея возможности человека стать, как Бог, а в духовном плане это означает, что человек теперь решает для себя сам, что есть добро, а что – зло.

Кстати, я недавно встретил интересное толкование истории о Древе познания добра и зла. Можем ли мы говорить, что Адам до грехопадения вовсе не знал зла? Это непростой вопрос, потому что Денница к

¹ Киреевский И. В. (1806 – 1856) – русский религиозный философ, литературный критик и публицист.

тому времени уже пал, – значит, зло существовало в мире, и Адам вполне мог об этом знать. Другое дело, что Адам не определял самостоятельно, что есть добро, и что зло, а находился в послушании у Бога. Существует богословская идея: вкушение плода с дерева познания добра и зла означало, что Адам и Ева покусились на то, чтобы самим решать, что есть добро, а что зло.

В этом смысле создание университета эпохи модерна – это как бы вторичное вкушение запретного плода. Человек отвергает традиции христианства, Евангельское Откровение, объясняющие ему, что есть добро, а что зло, и судит теперь обо всем сам. В итоге у Ницше смысл и закон жизни – это воля к власти, а у Гегеля – диалектическое движение Абсолютного духа и так далее.

– **Такое автономное мировоззрение.**

– Духовная автономия. Но интеллектуальную культуру прошлого модернизм наследует.

– **В России же все это дошло до того, что у пролетариата была одна истина и нравственность, а у буржуазии – другая...**

– В этом смысле марксизм – типичный модерн. Вспомните страшный лозунг: «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи». Это же прямое покушение не только на политическую, но именно на духовную власть над людьми, попытка узурпировать Богом данную свободу воли.

– **Понятно, путь модерна – это путь постепенной мировоззренческой апостасии, создания новых альтернативных мировоззренческих и нравственных основ, оторванных от традиционных – религиозных.**

– Но опять же нельзя сказать, что совершенно оторванных, поскольку модерн признает некий логос, а Логос – это Христос. Логос – всегда структура, четкая иерархия. Она может быть неправильной в том или ином учении эпохи модерна, но она обязательно есть.

Полностью отрывается от духа и традиций лишь постмодерн, который говорит, что логос – всего лишь одна из точек зрения, и противопоставляет ему «ризому». Ризома (от фр. «корневище») – термин, заимствованный из биологии, но в отличие от обычного корня, который имеет центральную часть и периферию, ризома, идеальным примером которой служит грибница, центра не имеет вообще.

– **Логос – это Христос. Какая же здесь структура, иерархия?**

– О, мне кажется, в наследии отцов Церкви этот вопрос рассмотрен достаточно ясно. Христос ведь не только Слово Бога, но это Слово творящее. И мы видим, каково это творение, как разумно оно устроено, все

имеет свой порядок, свой смысл. А вот сатана, как известно, ничего не творит, он только извращает.

– **Логос можно воспринимать как идею?**

– Можно сказать, что идея – это выражение логоса. Всякая идея предполагает или устанавливает некий порядок, определяет ценность, придает смысл. Ризома же – в противоположность логосу – не имеет никакой структуры, в ней, в отличие от обычного корня, никакая часть не определяет другую, или наоборот, любая совокупность частей сможет рассматриваться как определяющая другую совокупность. Эдакий смысловой калейдоскоп – чуть тряхнул, и уже другое мировоззрение.

– **Раньше в науке был структурный подход, а теперь сетевой начинается?**

– Нет, сеть имеет хоть какой-то порядок, а ризома не имеет никакого. И постмодернисты, следуя этой логике, начинают отрицать даже существование человека. Они говорят, что наше «я», наша личность – это всего лишь конструктор. Мы просто привыкли так говорить – «я», но на самом деле никакого «я» нет, а есть только мое сиюминутное состояние, так называемая сингулярность. Мы привыкли соединять наши сиюминутные состояния в определенной последовательности, устанавливая причинно-следственные связи, но в принципе можно их и не связывать.

– **Сумасшествие какое-то.**

– Надо сказать, что многие философы-постмодернисты кончают плохо. Например, Сартр, его семья и даже просто люди, близко с ними знакомые, либо впадали в тяжелую депрессию, либо вообще доходили до суицида. Делез покончил с собой. Один Лиотар более-менее пожил и то скоропостижно скончался от неизлечимой болезни.

– **Но разве постмодернизм является основой образования и науки?**

– Постмодернизм как таковой не может являться основой чего-либо. Но он является смысловым основанием реформ образования науки. Когда я познакомился с идеями постмодерна и глубже вник в реформы образования и науки в России, у меня возникло впечатление, что настольная книга в Министерстве образования – это работа Лиотара «Состояние постмодерна». Настолько все, что делают с нашим образованием и наукой, укладывается в идеи постмодернизма, что порой становится страшно. В одном из университетов, где я выступал с докладом по этой теме, меня спросили: «Неужели вы думаете, что Фурсенко или Ливанов читали этого Лиотара?» Нет, но ужас постмодерна вот в чем: чтобы быть кантианцем, надо знать Канта; чтобы быть ницшеанцем, надо изучить Ницше,

а чтобы быть постмодернистом – не надо читать ничего, достаточно просто признать, что в мире нет логоса! Признать, что весь мир – это просто «следы следов», как говорил Деррида. Что есть только мои сингулярности, или даже не мои – ведь и меня-то нет – просто поток сингулярностей.

– **Еще раз о том, что такое сингулярность, пожалуйста.**

– Сингулярность – это некая точка, событие, происходящее «здесь и теперь» бытие. В некотором смысле наша жизнь может рассматриваться как поток таких случайных (по отношению к нам) событий. Из них мы, в соответствии с нашим ценностями, целями и мировоззренческими установками, сознательно или не очень, отбираем главное. Но если отбросить все мерки, включая совесть и разум, то наша личность просто растворится в потоке этих случайных душевных состояний.

– **Когда нет никакой связи вчера – сегодня – завтра?**

– Никакой связи. То есть мы, конечно, можем, если захотим, устанавливать эти связи, но совершенно произвольно: я могу устанавливать их так, а вы – по-другому.

Взять хотя бы постмодернистское искусство: ни вам, и никому из здесь присутствующих не придет в голову в картинной галерее выставить, например, унитаз, потому что мы так не связываем смыслы, – а постмодернисты могут.

На мой взгляд, постмодерн существует в культуре наподобие рака в организме. Чем отличается раковая клетка от обычной? И та и другая «кушает», но здоровая клетка работает не только на себя, но и на весь организм. Так клетка сердца, например, участвует в работе сердца, которое гонит кровь по всему телу и питает таким образом легкие, мышцы и весь организм в целом. А раковая клетка питается и размножается за счет организма, образуя токсины, но никакой пользы ему не приносит.

– **Рак – это некое отсутствие послушания. В организме все связано между собой: от каждой клетки в мозг поступают сигналы, и каждый орган знает, в какое время и как работать. Но вот появляется клетка, которая не хочет слушаться никаких сигналов и подчиняться работе организма, а знает только себя. Эта непослушная организму клетка живет своей жизнью и начинает размножаться. Но если послушная клетка питается от организма и сама питает его, то эта только постепенно съедает все вокруг.**

С духовной точки зрения, когда в любой организации появляются непослушные категории людей, которые начинают внутри нее жить своей жизнью, они постепенно начинают разрушать эту организацию, подчинять ее себе, и в конце концов, уничтожают все вокруг.

– Тут следует только добавить один нюанс. Можно быть непослушным ради следования какой-то другой цели: например, я не подчиняюсь руководству этой организации потому, что у меня есть другая идея. Но я могу не подчиняться просто потому, что я не подчиняюсь. Как Порто: «Я дерусь просто потому, что я дерусь». Так и я не подчиняюсь просто потому, что не хочу подчиняться. Первый случай, когда я не подчиняюсь ради своей какой-то идеи, – это будет модерн, а вот если я просто не хочу подчиняться и все – это уже будет постмодерн.

Чтобы это понять, посмотрим на постмодернистское искусство, его еще называют современным. Оно не создает новых смыслов, а лишь использует (разрушая) уже существующие. Ведь как возникла культура? Любая культурная форма работает на какую-то идею. Как появился гений Микеланджело? Тогда в Европе наступила контрреформация, попытка восстановить католическую идею – так появились великие художественные образцы, которые вдохновлялись католицизмом и, в свою очередь, питали католическую культуру. В основе русской классической литературы лежит православная традиция. Вся классическая культура работает на какую-то идею, развивая и поддерживая ее. А постмодернизм ни на какую идею не работает, его цель – только деструкция (разрушение) существующих идей. Например, берем унитаз и втаскиваем его в художественную галерею – всеобщий шок! Но, обратите внимание, шок эстетический. Вот это и есть продукт постмодернистского искусства – вызвать сиюминутную вспышку чувств, острое переживание, а чего и каким образом – неважно. Вопрос только в том, что будет делать постмодерн в культуре, где уже ничто никого не шокирует, где все ценности ничтожны и все истины относительны?

– А теперь вернемся к теме технонауки и образования.

– Хорошо. До этого было развернутое объяснение сути постмодернизма, подводящее нас к понятию о технонауке. Дело в том, что постмодернисты – это необычные люди. Они люди «со звездочкой», как говорит один мой знакомый. Потому что все, что говорят постмодернисты, – всегда «со звездочкой». Если ты слышишь одно слово, надо сразу понимать, что значит оно нечто другое, а не то, что ты думаешь. Например, у того же Лиотара есть работа, интересная в том смысле, что в ней он кратко излагает идею постмодернизма. Называется она «Постмодерн в изложении для детей». Но там ничего для детей нет, я вас уверяю.

– Говоря, «для детей», – вероятно, он имел в виду: «для нормальных людей».

– Возможно, трудно понять, что автор имел в виду, если речь идет о постмодернисте. Но вернемся к постмодернистскому пониманию науки. Оно оказывается теснейшим образом связано с принятым в этом учении представлением о человеке. Дело в том, что для нас с вами «человек» и «не человек» – это разные понятия: мы различаем людей, животных и неодушевленные предметы. С вещью я могу поступать практически как угодно, с животным уже не совсем как попало можно обращаться – все-таки душа живая, а с человеком – тем более. Но все это логос, замечаете? Четкая структура, которая, строго говоря, чтобы быть до конца осмысленной, требует еще и своего логического завершения – Бога. Но в постмодерне – ризома: здесь нет иерархии людей, животных и вещей, а все это – явления одного порядка.

В итоге что получается? Постмодернисты говорят, что науку создают «хьюманс» и «нон-хьюманс», т.е. «люди» и «не-люди». Например, некий ученый хочет написать статью – он пришел в кабинет и садится за стол. Стол участвует в написании статьи? Да! Ведь если бы не было стола, человек не написал бы статью, – значит, стол записываем в соучастники. А компьютер? Если компьютер исправляет орфографию или даже просто начнет «глючить», – участвует он в написании статьи? Конечно, участвует, – и его записываем. Ученый хочет просто так статью написать, чтобы какую-нибудь истину нам поведать, или он еще хочет и денег на этом подзаработать, и известность получить? Хочет? – Хочет! Кроме того, у заведующего его лабораторией тоже есть какие-то свои интересы – и их тоже нужно учитывать.

Таким образом, идея технонауки состоит в том, что нет науки как поиска истины, как чтения книги Бытия, то есть науки в том виде, как ее мыслила эпоха модерна или Средневековье. В эпоху постмодерна наука превращается в технонауку, которая является синтезом людей, идей, интересов и вещей. Причем нельзя сказать, кто тут главный. Постмодернисту все равно, стремится ли ученый открыть закон природы или просто делает карьеру. Неважно, в том числе и потому, что, как говорит Лиотар, в эпоху постмодерна новое знание больше не нужно – оно может нарушить сложившееся в обществе статус-кво.

Общество стало очень сложным, ему больше не нужны прорывные идеи. И обратите внимание, кстати говоря, давно и нет таких прорывных открытий, какие были, например, в начале XX века. Сейчас все открытия, за которые «нобелевки» дают, – «вторичный продукт», обществу нужны только компетентные люди, которые могут поддерживать стабильное функционирование «социальной машины». Слышите зна-

комые слова: «компетентные люди», «компетентностный подход»? Больше не нужны специалисты, исследователи, – нужны компетентные люди, которые смогут поддерживать статус-кво науки, статус-кво образования, статус-кво административного аппарата. Статус-кво – это текущее положение дел, существующее равновесие. Ни вверх – ни вниз, устойчиво, на одном уровне.

Для этого нужны «лаборатории», генерирующие информацию. Если мы посмотрим, чего сейчас требует от ученых Федеральное агентство научных организаций (ФАНО), – окажется, что это публикации. Причем, никого не интересует их содержание – имеет значение только объем публикаций и количество цитирований, то есть все та же ризома: как моя публикация встраивается во множество других.

– Но раз есть цитирование, значит, кто-то все же заинтересован в поиске?

– Самый лучший способ набрать большое количество цитирований – написать какую-нибудь невероятную чушь, которую все кинутся критиковать, – и тебя, таким образом, процитируют несчетное количество раз. Недавно у нас обожглись на этой гонке за публикациями, когда был скандал с математиком Перельманом: не публиковался, злодей! Ну и что, что он доказал теорему, над которой лучшие умы мира напрасно бились сотню лет, – он не публиковался, как какой-нибудь бездельник, и ему пришлось уволиться из института. А потом ему дали высочайшую премию (у математиков есть свой аналог Нобелевской), а он отказался ее брать. В общем, был большой конфуз, – очень странный, по современным меркам, человек. Но показательна болезнь системы: на протяжении многих лет никого не интересовало содержание его работы, потому что он не генерировал поток информации, то есть не публиковался и никто поэтому его не цитировал.

Еще в начале 2000-х мы слышали от Фурсенко: «Нам не нужны творцы, нам нужны квалифицированные потребители». И все, что сейчас делается с образовательной системой, по большому счету, – есть генерация квалифицированных потребителей. Потому что система тестов ЕГЭ учит человека лишь встраиваться в информационные потоки. Послал запрос в Google, вбил ответ в тест, – аккуратненько, правильно вбил, – и все! Мне рассказывала знакомая, преподаватель английского языка, что у них есть студентка-отличница, такая передовичка, которая тесты по языку решает изумительно, на одни пятерки. А вот разговаривать на языке и переводить не то чтобы совсем не может, но делает это очень плохо. Она умудряется, не зная живого язы-

ка, решать при этом на «отлично» все тесты и задачки. Вот это и есть компетентный специалист в современном смысле слова.

– В этом и состоит болезнь современной системы образования. Оно должно базироваться на едином мировоззренческом основании.

– На каком-то логосе.

– Да, а у нас сейчас абсолютно непонятный социум – «каждой твари по паре»: и атеисты, и просто безбожники, и верующие православные люди, и софисты, и всякие-всякие. Как их учить-то на едином основании? Что брать за основу? Образовательная система, про которую Вы рассказываете, казалось бы, наиболее адекватно реагирует на современное культурное состояние Европы и мира.

– Она как бы «консервирует» текущее положение.

– И при этом не дает возможности прийти к какому-то единому основанию, в первую очередь, религиозному, потому что все традиционные ценности – религиозные. Я говорю не только о Православии, но и о других мировых религиях. За влияние в сфере образования идет настоящая борьба, любой сомнительный предмет может быть введен с легкой руки Министерства образования, но если же речь заходит даже о маленьком курсе православной культуры – сразу последует отказ! Изучение религии и православной культуры, являющейся для нашей страны цивилизационной основой, у нас до сих пор практически невозможно. Хотя в Европе религиозные предметы распространены, потому что у них никогда не существовало такого разрыва между светским и духовным образованием.

– В Германии даже налог на церковь берут.

– Почему же наши власти от образования ухватились за эти пост-модернистские идеи? Потому что они дают возможность бесконфликтного сосуществования различных культур без всякой основы в мировоззренческом плане. Чтобы жить в потоке информации, не нужно никакого мировоззренческого основания.

Есть истина, есть знание, а есть информация. Адам и Ева, нарушив заповедь послушания, отпали от Бога и от истины. С тех пор идет деградация человечества. Если истина может содержать в себе информацию и знания, то в одних знаниях, утративших духовное основание, уже нет истины, и даже сама идея поиска истины порочна. Потому что «Я есмь путь и истина и жизнь»¹, – говорит Господь. Должен быть не поиск истины, а принятие этой истины в жизни личности: как человеку жить в этой истине, с этой истиной. А искать

¹ Ин. 14, 6.

ее не надо: истина есть Бог, а Бог есть любовь. В научном плане главное – это истина, в духовно-нравственном – любовь. Поэтому, вместо бесполезных поисков какой-то очередной своей «правды», надо искать свое вхождение в истину и жизнь в Логосе. Вот этого больше всего и бояться сейчас в нашем образовании. В данном случае любая борьба в области мировоззрения, нравственности, научного познания – это всегда борьба сатаны с Богом за сердце человека.

– Думаю, как раз постмодернизм – это одно из самых сильных орудий сатаны, потому что даже обычные сатанисты, которые «без звездочки», хоть они и выступают против Бога, но все-таки имеют некий порядок мысли. Поэтому их можно обратить от этих заблуждений. Постмодерн же упраздняет любой порядок...

– Суть современного сатанизма наглядно отражает понятие об «инь» и «янь»: ложное представление о том, что Бог якобы сотворил как добро, так и зло. Но Господь не творил зла, а наделил человека свободой, и когда Адам ослушался Бога, он сотворил зло. Если же человек не противоречит Богу, то он не творит и зла. Поэтому зла как сущностного явления в мире нет, оно появляется в результате конкретного поступка человека. Сатанизм же признает этот «инь-янь» как наличие двух сущностных явлений – добра и зла. На самом деле лишь добро есть истинная сущность, потому что Господь творил добро.

Сатанизм бывает и такой – «мягкий». Его последователи рассуждают примерно так: «Есть добро и есть зло, они равносущностные и равноправные. Вы служите добру, а мы служим другому». Ну не говорят так прямо, что злу. Какая разница, чему служить, – если все равнозначно? Как инь и янь, порождающие одно другое.

– Я смотрел некоторые выдержки из «Сатанинской библии», которую написал один из самых известных современных сатанистов – Лавей. Так там есть хоть какая-то логика, какой-то смысл. Пусть извращенный, перевернутый, но все-таки есть. А что делает постмодерн? Он вообще убирает смысл. Поэтому сатанистов еще можно обратиться к Богу, перевернуть обратно с головы на ноги их извращенное сознание – и все.

– Сатана же «обезьяна Бога». В истории известны такие случаи, например, святой Киприан Антиохийский до своего обращения в христианство был служителем сатаны – языческим жрецом, колдуном.

– А вот постмодерниста – настоящего, закоренелого, обратиться к Богу нельзя, потому что он уничтожает в себе то, чем можно обратиться к Богу: само понятие логоса, иерархии в своей душе, саму жи-

вую душу. У меня был случай в Казани, где мне довелось общаться с молодым философом-постмодернистом. Я и сам был тогда довольно молод. До самолета время коротали, сидели, разговаривали. Вечер, темнеет, а передо мной человек, который доказывает, что субъекта личности не существует. На полном серьезе в этом убежден и отстаивает свое убеждение, а ведь в Евангелие сказано: *от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься*¹. А этот молодой человек говорит, что его нет. Даже не то, что Бога, – его самого нет! Мне как-то страшно стало, – с кем же я говорю, кто передо мной? Не к кому обращаться...

Если постмодерн победит, то это будет полный крах нашей культуры. Мне кажется, эта одна из разрушительнейших за всю историю человечества мировоззренческих систем, хотя и системой его нельзя назвать, потому что он не система. В постмодерне все «со звездочкой».

– Нам постоянно навязывают новые идеи в различных областях, не только в религиозных, вообще в нравственных. Например, что семья не нужна...

– Нравится тебе жить вот так – живи так. Ты сам себе мерило правды.

– Есть некая «абсолютная свобода». Сейчас человеку можно все что угодно, нравится быть мужчиной – считай себя мужчиной, хочется стать женщиной – стань женщиной...

– Даже хуже того – ты можешь менять пол неоднократно. В Европе всюду идут эксперименты, когда детей от рождения называют не «he» – «он» или «she» – «она», а «хе» – «оно».

– А определиться ребенок должен будет когда-нибудь сам?

– Да, ребенку так и говорят, что он может выбрать себе один пол, а может и другой, а захочет – может снова его поменять.

– Гендерный подход...

– Пол в постмодернизме – это социальный конструкт².

– То есть ни врожденные качества, ни физиология к полу как бы никакого отношения не имеют.

– Причем теперь игнорируют даже чисто научные факты, потому что мальчик или девочка различаются же не только физиологически! Например, проводились исследования: девочки-младенцы с первых

¹ Мф. 12, 37.

² Социальный конструкт – порождение конкретной культуры или общества, существующее исключительно в силу того, что люди соглашаются следовать тем или иным определенным условным правилам.

дней жизни чаще и лучше устанавливают контакт глаза в глаза, чем мальчики. Значит, уже в таком возрасте, когда еще практически никакие гормоны не работают, мальчик и девочка уже отличаются друг от друга. Вероятно, описанное свойство понадобится девочкам в дальнейшем, когда они сами станут матерями, и только по взгляду своего младенца, не умеющего еще разговаривать, смогут определять его нужды. Возможно, женский и мужской мозг отличаются в принципе, – но почему? Не знаю, я сторонник идеи, что отличаются, в первую очередь, их души.

На Западе уже можно создать «семью» с каким-нибудь предметом. Известен прецедент, когда кто-то заключил «брак» с телевизором. Заключил или заключила, – не помню. Или вообще «заключило».

– **Рассказывали мне, пожар был недавно, – горел дом под Москвой. Двухэтажный, – снизу каменный, сверху деревянный, вот дерево и вспыхнуло. А хозяин в одном белье, как был, выскочил из дома, и в руках у него – телевизор. Держит его и кричит: «Вызовите пожарных!» Он вынес самую дорогую для себя вещь. Хотя, конечно, был в состоянии шока. Бегал, кричал, но телевизор из рук не выпускал.**

Где сокровище ваше, там и сердце ваше...¹ А для постмодернистов есть что-то дорогое, какие-то ценности?

– Нет. Ценности-то все относительны. Какие же они после этого ценности?

– Ну «сам я», наверное?

– У них нет никакого «сам я». Точнее, их «я» относительно – сейчас одно, потом другое. Точнее, даже не так: сейчас – одно множество или конфигурация помыслов и желаний, потом – другое.

– **Существует похожее направление философии, где признается только чувственное восприятие окружающего мира, только чувственное основание в познании.**

– Сенсуализм.

– Да. И если я не чувствую чего-то – значит, этого нет.

– Дело в том, что в сенсуализме есть хотя бы субъект, – тот, кто чувствует и воспринимает, а в постмодерне – просто сериация² состояний.

– **В «Бесах» Достоевского есть персонаж – Кириллов, который в конце романа покончил жизнь самоубийством. Он считал, что его**

¹ Лк. 12, 34.

² Набор различных элементов, следующих в определенной последовательности и обладающих какой-то связью.

как бы нет, потому что он бог, и обосновывал теорию самоубийства как непреложную необходимость для мыслящего человека. Но когда он захотел покончить с собой, то не мог этого сделать очень долгое время: он сталкивался с самим собой, со своим «я», с тем, что он все-таки человек. Так что в XIX веке уже были такие «высшие проявления революционного сознания».

– Вот я сейчас вам зачитаю. Это Жиль Делез и Феликс Гваттари: «“Анти-Эдип” мы написали вдвоем. И, так как каждый из нас был одновременно несколькими, получалось уже много народа. Здесь мы использовали все, что нас сближало, самое близкое и самое далекое. Мы умело раздали псевдонимы, чтобы сделаться неузнаваемыми. Почему же в таком случае мы сохранили наши имена? По привычке, исключительно по привычке. Чтобы и нас не узнали. Чтобы сделать незаметным не нас самих, а то, что заставляет нас действовать, чувствовать, думать. Ну и потому, что приятно разговаривать как все и говорить, что солнце встает, тогда как каждый понимает, что это всего лишь манера говорить. Не для того, чтобы достичь той точки, где не говорится больше “Я”, а той, где уже больше не имеет значения, говорить или не говорить “Я”. Мы больше не мы сами. Каждый сам узнает своих. Нам уже помогли, нас восприняли, нас размножили». По-моему, это просто сатанизм.

– **Одержимость.** «Имя мне легион...»¹.

– Верно. Дело в том, что, поскольку современная наука возникла в эпоху модерна, у нее, наряду со вполне христианским устремлением к познанию истины, была некая порчинка, гнильца: человек захотел быть, как Бог, и это вошло в пафос науки. Кроме того, новоевропейская наука изменила само понятие природы. Если мы читаем отцов Церкви, то что такое природа в их представлении? – Это некий Божественный замысел о каждом существе, о каждом явлении в мире. Проще говоря, человеческая природа – быть разумным, кошачья природа – мяукать по весне, лошадиная – копытом бить. В эпоху нового времени появляется болезненный разлом между человеком и природой. Из природы изымается дух, она как бы насильно препарируется, и в итоге под словом «природа» начинают понимать лишь нечто бездуховное. И наука сосредотачивается на этой бездуховной природе.

Почему наука сейчас так бьется над созданием искусственного интеллекта? Потому что она полностью исключила дух из природы, ко-

¹ См. Мк. 5. 9.

торую изучает, вынесла его за скобки. Причем это было сделано еще при Галилее. Например, о пятнах на Солнце он говорил примерно так: «Я не знаю природы этих пятен, их сущности, но я и не буду пытаться это узнать. Буду изучать их размер, количество, регулярность появления, а о смысле их существования я даже думать не буду как ученый». И наука наследовала эти идеи.

Получается, что наука – это результат профессиональной договоренности ученых о принятии определенного взгляда на мир, определенной точки зрения. И постмодернисты их на этом ловко поймали: действительно, наука – это продукт социальной практики, продукт договоренности, и научные истины при таком подходе выглядят тоже как результат договоренности! А в этом случае, становится не очень понятно, почему мы должны уважать мнение ученого больше, чем свое собственное? Хотя, на мой взгляд, лучше уж наука нового времени, чем то, к чему нас толкают сейчас.

– **Как от этого защититься, как обезопасить наших деток?**

– Думаю, только возвращением к своим духовным корням. Сама по себе наука, особенно материалистическая, противостоять заразе постмодернизма и релятивизма¹, утверждающих относительность всех истин и ценностей, бессильна.

– **Если государственная система образования становится постмодернистской, то возможно ли защититься, обучаясь в ней?**

– Это очень хороший, злободневный вопрос. Я сейчас наблюдаю это на своем младшем сыне. Пришла новая генерация преподавателей, и далеко не все они стремятся научить детей, не говоря уж о воспитании. Школа превращается в такое же место для карьеры, как какой-нибудь офис. Хотя во многом наше общество само виновато: нельзя было так предавать, бросать учителей, как это сделали в 90-х – начале 2000-х годов. Армию тогда тоже бросили, но сейчас общество наконец-то повернулось к ней лицом: заметно выросло уважение к офицеру, в том числе финансовое. А вопрос об уважении к учительству до сих пор даже не поставлен. Да, им сейчас стали платить чуть больше, но я говорю об уважении к учительскому служению, а не просто к труду, потому что настаиваю, что это именно служение. Думаю, вы со мной согласитесь, батюшка.

– **Конечно.**

¹ Релятивизм (от лат. relatives – относительный) – философская точка зрения, методологический принцип, согласно которому все знания, этические и эстетические, а также религиозные ценности рассматриваются как относительные.

– Вопрос о статусе учителя даже не обсуждается, он не продуман. И в этой двусмысленности, недоговоренности – гнильца, которая появилась, когда в 90-х к учителям стали относиться как к неудачникам. Такое отношение оказывает разрушительное действие на учительскую среду. Например, попадаются педагоги, которые говорят: мне, мол, нравится работать в школе, – только дети мешают. Дело в том, что сейчас у учителей появилось огромное количество всевозможных конкурсов – на звание того, на звание сего. И учителя, особенно молодые, включились в эту гонку за регалиями, грамотами: они делают свою карьерку, получают с этого какие-то дивиденды в виде славы, финансов, пусть и небольших. В итоге дети становятся для таких учителей не субъектами, а в каком-то смысле даже объектами, с помощью которых они реализуют свои карьерные интересы. Потому что сейчас в нашем обществе карьера, успешность выдвигается как одна из главных ценностей. Таким образом, дети становятся инструментом достижения учительского успеха, и это, конечно, действует крайне разрушительно не только на самих учителей, но, в том числе, и на души детей, которых они учат. Например, мой младший сын очень страдает от того, что у него учительница как раз этой новой формации – очень успешная, высшей категории, владеет электронными досками и прочими «премудростями»... Вот только детей она не любит.

– **Она за них не переживает...**

– Не переживает. Было очень показательно, когда я ей как-то позвонил часов в шесть вечера, у сына какие-то сложности в классе были, и она мне заявила: «Знаете, у меня рабочий день закончился». Это так удивительно!

– **То есть она – педагог только в течение определенного времени: от этого часа до этого?**

– Да.

– **Значит, она не служит, а работает.**

– Она работает... Все больше учителей не служат, а работают. Или того хуже – оказывают образовательные услуги.

– **Когда человек всего лишь работает, то дело, которым он занимается, практически не влияет на образ его жизни. Настоящий же педагог круглосуточно живет в этом состоянии.**

– Совершенно верно. Стоит вспомнить старые советские фильмы, где учителя даже по ночам беспокоятся за своих учеников и по домам их ходят во внеурочное время.

– Да, с родителями общаются. Это я еще сам застал, когда был учителем. Все так и было. Педагог должен был знать, особенно если ребенок трудный, в каких условиях он живет, кто у него родители.

А сейчас никого не интересует человеческая личность. Учащимся преподают лишь некоторые знания или просто информацию, не заботясь о том, к кому она попадет. Потому что образование через получение знаний – это образование плоти. Тогда как религиозное мировоззрение формирует атмосферу понимания того, что для Бога главное – личность человека, какой человек сам по себе, а не количество знаний, в него вложенных.

– Сейчас в образовании практически нет места воспитанию.

– Просто систему образования не интересует, что за человек перед ней, какова его личность, в чьи руки попадают эти знания, кому дается та или иная профессия. В религиозном же мировоззрении – это основа всего. В Патерике мы читаем, как встретились богослов и философ. «Покажи мне твоего Бога», – говорит философ. А богослов ему отвечает: «Покажи сначала твоего человека, а потом я покажу тебе своего Бога». То есть Бога можно показать только человеку: вот покажи, действительно ли это – человек, тогда я покажу ему Бога.

Сейчас уничтожается само понятие человека как творения Божия, Его образа и подобия. Понятие, что каждая личность есть вселенская глубина, космическая красота и гармония, что в ней должны соединяться широта души и высота жизни.

– Некоторые думают, что можно все это компенсировать в семье, но мне кажется, сделать это в полной мере – невозможно.

– Это Апокалипсис: наступает время, когда уменьшится любовь. «Если бы ты был холоден, или горяч! Но как ты тепл..., то извергну тебя из уст Моих¹». – Для Бога важен именно человек – конкретный, деятельный, живой. И пусть он пока делает глупости, но он – живой, а значит, его еще можно преобразить. Но если ты теплохладный – ты уже не живешь, тебя нет. Ни зло, ни добро тебя не тревожат, ты – ничто. Ты не Божий человек и вообще не человек. Постмодернизм добивается того, чтобы Господь всех людей «извергнул из уст Своих». И когда снова к нам придет Христос, то найдет ли веру на земле²? Постмодернизм – это тот каток, который разрушает все до основания.

– Именно так.

– Господь придет тогда, когда ни одного праведника на земле не останется. И Он будет разделять души, сажая их слева и справа от Себя...

¹ Откр. 3, 15.

² Лк. 18, 8.

Есть новый термин – «трансгуманизм», слышали такой?

– Да, кое-что читал.

Это постмодернистская идея о том, как бы «улучшить» человека с помощью научных технологий, избавив его от несовершенств – страданий, болезней, старения и даже смерти. Опять же, бредовая попытка построить рай на земле...

Вернусь к разговору о защите детей от современных опасных влияний. Есть идея, что в семье можно все компенсировать... Но мне кажется, семья здесь не спасет. И вот почему. Недавно я был на учительской конференции, где рефреном звучала идея о том, что основы воспитания закладываются в семье, а школа здесь только «на подхвате». И при этом они еще повторяли – жалко, что у нас родительство в школе не учат, – родительство, мол, надо людей учить. Тут меня осенило – как это не учат?

Известен психологический факт: все люди воспроизводят в своих семьях модель той семьи, в которой выросли сами. Это я узнал на деле. Раньше я считал себя каким-то особенным: у меня жена на мою мать не похожа совершенно – они и по росту разные, и по фигуре. И я думал, что я не как все, и выбрал жену, не похожую на маму. А как-то раз услышал, как они за стеной разговаривают – и не смог отличить! Видимо, какие-то тембры, интонации в их голосах были схожи, но я даже не отдавал себе в этом отчета.

Так вот, родительство на самом деле ребенок учится – в своей семье. Поэтому, кстати, детдомовские с таким трудом создают собственные семьи: они не усваивают паттерны¹ поведенческих реакций – родительских, супружеских, – и не умеют всего этого. Чему же тогда учатся в школе? Мне кажется, в школе человек учится социальному поведению: как вести себя в обществе, с неродными тебе людьми, внешними. Наша же школа как раз этого не делает, – точнее, делает, но неосознанно, и поэтому во многом неправильно. Школа все равно воспитывает, хочет она этого или не хочет, – учитель воспитывает детей своим поведением. Вот он относится к ребенку холодно и равнодушно – и этим самым его воспитывает, задавая ребенку такой образец поведения: относись к другому человеку безразлично, бесчувственно.

Мне кажется, чтобы как-то компенсировать негативное влияние школы – такое нездоровое, постмодернистское – действительно, нужно создавать какую-то альтернативную среду. Хотя бы в форме

¹ Паттерны (*англ.* pattern, *лат.* patronus) – модель, образец для подражания, шаблон, стиль.

воскресных школ и тому подобных учреждений, где ребенок мог бы встречать живые образцы другого, правильного отношения к посторонним людям. Потому что, опять же повторюсь, в семье он усваивает отношение к родственникам: ни один нормальный человек не относится к внешним людям точно так же, как к родным, это все-таки мы четко отличаем.

– **Точно, к внешним вежливее и терпимее обычно относимся...**

– Я раньше думал, что так и надо, но теперь уже понял, что это неправильно. К родственникам надо еще вежливее относиться, чем к внешним. Потому что с родными мы постоянно и очень близко «тремся», и им некуда от нас деваться. Поэтому нужно стараться их своими «заусенцами» меньше задевать.

Ваши самарские идеи насчет создания духовной-обогащенной среды, мне кажется, – это верное направление.

– **У нас эта идея развивается в епархиальных детских центрах. Там создается среда, где дети занимаются вроде бы тем же, чем и в миру, но уже среди других людей – своих людей.**

– Но не родственников, а именно других!

– **Да. Это как раз та духовно-обогащенная среда, которой так не хватает детям для правильного становления личности.**

– Конечно, надо понимать, – это костыль, который мы приставляем к уже социально больному организму. На самом деле, такая среда должна быть внутри школы.

– **В то время, когда я учился в педагогическом институте, именно на это обращалось самое большое внимание. Ты – педагог, значит, создай нужную среду, и когда ребенок в нее попадет, – спокойно его учи, поскольку в этой среде он сам уже будет пропитываться нужным духом. Макаренко, например, так действовал.**

– Но эта среда должна быть заложена в школе и укорениться в ней.

– **Это традиция, некий костяк. Кто-то должен сперва создать эту традицию, а затем любой приходящий в школу ребенок автоматически пропитывается этой средой. К сожалению, сейчас созданием не просто духовно-обогащенной, а вообще воспитательной, образовательной среды никто не занимается.**

Но есть и положительные примеры. Педагог-подвижник Андрей Курбатов¹ со своей женой на основе молодежного центра под

¹ Курбатов Андрей Всеволодович – ведущий научный сотрудник Института управления образованием Российской академии образования, кандидат технических наук. Бывший зам. директора ЦО №1804 в подмосковном Кожухово.

Москвой организовали школу, в которой создали такую мощную воспитательную среду. Он сам из ученых. Насадил там всевозможное дополнительное образование, причем на самом высоком уровне: музыкальную, художественную, спортивную школы. Привлек всех родителей, которые желали помочь, педагогов, специалистов. Это был некий проект-договор между детьми, родителями и школой. Договор о том, как и чему учить. А район у них был самый преступный, пролетарский. И Курбатов добился там таких результатов, что их дети становились победителями международных олимпиад. К ним и японцы приезжали опыт перенимать, и немцы организовали несколько школ по такому же типу. Но в один момент ее просто закрыли.

– Творцов воспитывал, а не квалифицированных потребителей?

– Да-да. Ее закрыли без всяких объяснений. Есть, оказывается, в системе образования такое правило – специально для того, чтобы бороться с подобными выдающимися явлениями, – можно уволить человека без объяснения причин. И так в один день уволили самого директора школы и его жену. В Интернете есть о нем фильм – «Школа на заказ» называется.

– Вопрос в том, как нам таких Курбатовых побольше завести!

– Главное, что никто не даст вам их больше завести, потому что, когда начинают воспитывать детей свободными, самостоятельными, активными, творческими, нравственными, – оказывается, что никому не нужна такая школа, такой тип личности. Потому что эта личность не постмодернистская. И такую школу просто закрывают, как детище Курбатовых.

– Вы знаете, я общаюсь с учителями, и таких «курбатовых в миниатюре» еще немало на Руси. Мне кажется, нам еще вот чего очень не хватает: нужна духовно насыщенная, обогащенная среда не только для детей, но, может быть даже в первую очередь, для учителей. Умберто Эко¹ хорошо сказал: если вы хотите что-то изменить, начинать надо не с детских садов, а с вузов. Потому что именно там мы готовим педагогов, а они потом учат детей. Нужно создавать такую обогащенную среду прежде всего в педагогических вузах и учительских коллективах.

– На сегодняшний день такой духовно-обогащенной средой являются храмы и монастыри. Когда человек пытается жить по православному, ему ведь хочется быть среди своих. А где он бывает

¹ Умберто Эко (1932 – 2016) – итальянский ученый, философ, историк, литературный критик, писатель.

среди своих? – В паломничестве, в крестном ходе, на молитве в храме. И поскольку к нам в Подгорские монастыри приезжают православные люди, мы замечаем, что сейчас среди них уже становится много учителей, живущих церковной жизнью. И одни учителя потихоньку перетягивают в Православие других. Много педагогов работает в детских епархиальных центрах, и у нас в семинарии на кафедре педагогики и психологии среди соискателей много учителей. Пусть это, конечно, не такое большое количество, по сравнению со всей системой, но – не бойся, мало стадо!¹, – как сказал Спаситель.

– В Самаре эта работа налажена лучше, чем у нас на Дальнем Востоке.

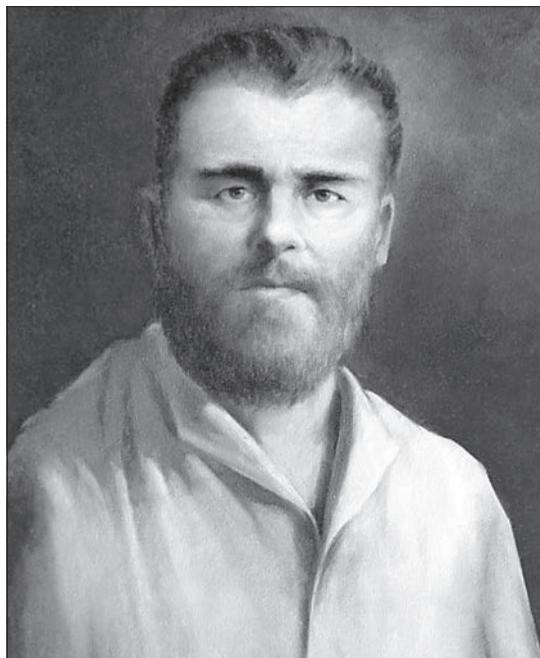
– Если в каждой школе будет хотя бы один учитель, который относится к ученикам по-человечески, к нему обязательно приведут детей. Когда родители спрашивают меня, в какую школу отдать ребенка, я всегда говорю: сперва найдите учителя, а школа – это не принципиально, особенно начальная. Где найдете – туда и ведите, а там Бог управит.

Благодарим за беседу!

¹ Лк. 12, 32.

РАДОСТНАЯ ВСТРЕЧА

К 100-летию со дня кончины Григория Журавлева

Я благодарен земляку Григорию Журавлеву, заставившему меня по-новому взглянуть в наше прошлое, приблизившему меня к моим предкам и ко всему русскому. <...> Все казалось мне, что кто-то родной из моего далекого-далека освещал мне путь добрым и теплым светом.

Александр Малиновский

Григорий Журавлев по своей профессии близок мне. <...> Художник-иконописец, преодолевая недуг, отыскивал силы, чтобы развить в себе талант, которому суждено остаться в веках. Его иконы воистину нерукотворные. <...> Я чувствовал, что мне повезло прикоснуться к чему-то большому и вечному.

Николай Колесник

Портрет Григория Журавлева. Художник Николай Колесник.

Сила Моя совершается в немощи (2 Кор. 12,9).

Взвоннице утевского храма восемь колоколов. Самый большой из них – колокол Григорий – назван в память о художнике-иконописце Григории Журавлеве.

Безруким, безногим младенцем явился он на свет Божий. Мать, страдая от тяжкого увечья сына и страшась его обездоленности в будущем, хотела на первых порах наложить на себя руки. Но смирилась со своей и сыновней участью и с крестьянским терпением выходила, вскормила младенца. Господь, укрепивший ее на подвиг любви, даровал ее сыну талант и дал силу духа осуществить его. Не саможаленье – самостоянье воспитали в отроче его близкие. Дедушка Григория со стороны матери – Петр Васильевич Трайкин – то на руках, то на салазках доставлял внука в утевскую земскую школу, где постигал Григорий грамоту. Только в обстановке добросердечия, созданной учителем Троицким (имя его, к сожалению, пока не известно, а судя по фамилии, происходил он из духовного звания) – смог укрепиться и окрылиться духом мальчик, который прославит в будущем свое село. Как тут не вспомнить о них, учителях народных, как не поклониться им всем в лице учителя Гриши Журавлева, как не привести посвященные им забытые ныне строки:

Шел вчера я мимо школы. Сколько там детей, родная!
Как рассказывал учитель, долго слушал у окна я.
Слушал я, какие земли есть за дальними морями...
Города, леса какие с злыми, страшными зверями. <...>
Рисовали тоже дети, много я глядел тетрадок:
Кто глаза, кто нос выводит, а кто домик да лошадок.
А как кончилось ученье, стали хором петь.
В окошко и меня втащил учитель, говорит: «Пой с нами, крошка!»
Да проси, чтоб присылали в школу к нам тебя родные, –
Все вы скажете спасибо ей, как будете большие.

А. Н. Плещеев. Бабушка и внучек. 1878.

«Рисовали тоже дети»... Рисовал, сжав карандаш в зубах, и будущий художник. Когда дар его определился, еще один человек, самарский живописец Травкин, принял участие в его судьбе, приютил у себя, познакомил с основами живописи. Вернувшись домой, пятнадцатилетний подросток принялся трудиться; через пять лет упорного труда он настолько усовершенствовался, что смог писать иконы на заказ. Помогала ему, пока была жива, бабушка: усаживала, мыла кисти. И до самой кончины опекал его брат Афанасий. С единственного сохранившегося снимка, где Григорий рядом с братом, смотрит на нас не убогий калека, – былинная статя, богатырский дух чувствуются в человеке, который твореньями своими проповедовал Евангелие в красках, богословствовал своими иконами. И в конце жизни своей, отмеченной царской милостью, мог и он, вслед за апостолом, сказать: «Подвигом добрым подвизался я»¹.

¹ См. 2 Тим. 4, 7.

Григорий Николаевич Журавлев ушел из жизни накануне тех лет, когда кровавое безумие захлестнет русскую землю, запыхают костры из икон и святых книг, осиротеют храмы. Как бы в предчувствии тех лет беспамятства и вероломства, преподаватель Самарской Духовной семинарии К. Казанский писал: «Первая азбука – печатная книга, вторая азбука – память народная. Соединить предков с потомками, полюбить прошлое, полюбить забытых отцов и дедов горячей любовью ... это великая патриотическая задача ..., гораздо большая, чем сообщение знаний»¹. Этой великой задачей озаботилось сердце земляка утевского иконописца Александра Станиславовича Малиновского. В течение многих лет собирал он по крупицам сведения о Григории Журавлеве и его творчестве. Результатом его трудов стала книга об утевском подвижнике «Радостная встреча».

Эта книга – еще одна свеча в храме народной памяти, возгоревшаяся благодаря неотступным трудам А. С. Малиновского. Именно о таких людях, как Григорий Журавлев и автор книги о нем, писал великий русский поэт:

*Знай работай да не трусь...
Вот за что тебя глубоко я люблю, родная Русь.
Не бездарна та природа, не погиб еще тот край,
Что выводит из народа столько славных то-и-знай, –
Столько добрых, благородных, сильных любящей душой...*

Благодаря им, «сильным любящей душой», воздвигаются храмы, собираются русские соборы, жизнь жительствоует, – и живет, вопреки всему, Православная Русь.

ЖИВОТВОРЯЩАЯ СВЯТЫНЯ!²

В сентябре 1989 года в селе Утевка Самарской губернии на Воздвижение Животворящего Креста был открыт после восстановления храм Святой Троицы. Событие, может быть, на фоне всплеска интереса к религии и неприметное. Но есть у этого храма одна особенность. Его история и связанная с ним судьба крестьянского художника-иконописца Григория Николаевича Журавлева так слились между собой, что стали неотделимы.

Григорий Журавлев родился без рук и ног, и свои иконы писал, зажав кисть зубами. Признаюсь, когда в начале 60-х годов я впервые узнал об этом, то пришел в сильное волнение. Мне захотелось собрать материал о художнике.

...Мои намерения были просты: заново обойти утевцев, которые знают или помнят что-либо о Григории Журавлеве, побывать в школьном музее, в самой церкви. Поговорить с прихожанами, и собрав материал, постараться закрепить в своих записках конкретные имена, события, факты.

¹ СЕВ. 1902. № 14 – 15. С. 788.

² Главы из книги А. С. Малиновского «Радостная встреча». Печатается с разрешения автора.

Очень многое уходит бесследно. Но случай с Григорием Журавлевым – уникальный. Он достоин того, чтобы сохранить эту страницу истории села Утевка как одну из интереснейших и поучительных...

В ГОСТЯХ У СТАРИКА КОРНЕВА

Это второй после моего деда Ивана Дмитриевича Рябцева человек, который общался с Григорием Журавлевым, и с которым мне довелось не спеша поговорить.

Завораживает голос не утомленного жизнью девяностолетнего старика. Кстати, он не заметил и не понял, что я включил магнитофон. Потом мы вместе прослушали запись. Она ему понравилась.

У меня была с собой фотография обоих Журавлевых: Григория и его брата Афанасия. Афанасий сидит на стуле, Григорий стоит рядом на своих култышках-ногах. Темная его рубашка свисает почти до пола. Сидящему своему брату Григорий, стоя, достает головой едва до переносицы. От фигуры художника, его взгляда исходит такое ощущение физической мощи и воли, что сразу вспоминаешь богатырский облик храма Святой Троицы и удивляешься их похожести. Я молча показал фотографию Николаю Федоровичу. Он с ходу назвал обоих по имени-отчеству.

– Он в последние годы жизни легонький был, маленький. Его принесут мужики в церковь, он сидит и зорко на всех посматривает.

– А сколько вам было лет, когда Григорий помер?

– Я с тысяча девятьсот первого года. Вот считай: умер он в тысяча девятьсот шестнадцатом; похоронили его около церкви в ограде. Там уже были похоронены двое: церковный староста Ион Тимофеевич Богомолов и священник Владимир Дмитриевич Люстрицкий. Могилу разрыли и установили третий гроб.

– Большой гроб был?

– Нет, короткий гробик, но широкий и высокий.

– Николай Федорович, а вы сами видели, как Григорий рисовал?

Григорий Журавлев с братом Афанасием.
Фото

*Храм в честь Святой Троицы, построенный в с. Утевка по проекту Григория Журавлева.
Фото 70-х гг. XX в.*

Старик опускается на колени перед стулом и поясняет:

– А вот так и рисовал. Держа кисть в зубах, стоял на полу перед маленьким особым столиком.

– Как же он обучался?

– Вначале учитель земской школы Троицкий помогал. В Самаре – художник Травкин. Мало ли добрых людей. Потом сам.

– Он рисовал красками?

– И красками, и углем. Писал всякие письма, прошения по просьбе сельчан. У него часто в избе кто-нибудь да бывал. Приветливый был человек!

– Ну а как вот с бытом его, кто за ним ухаживал?

– Да ведь вначале матушка его, дед, а потом, до самой смерти – брат Афанасий. Он был искусный чеканщик. В столярной мастерской, которая от отца им досталась, он, брательник-то, мастерил деревянные заготовки для икон, готовил краски, мало ль чего еще?.. Он вместе с Григорием обучался в Самаре. И в церковь, и на базар, и в баню, и на рыбалку, все он, брательник, его доставлял.

– А на чем возил его брательник?

Сохранившаяся роспись утевского храма. Григорий Журавлев

– Были у него лошадь-бегунок и тарантас. Ему дал их самарский губернатор¹ после того, как Григорий был у царя.

– Он был у царя?! Точно?

– Так говорили, и я слышал. Утверждать не буду. Народ лучше знает. Дали упряжь, тарантас, лошадь и пожизненную пенсию. За что дали? Говорят, что рисовал портрет всей царской семьи. Каково! Хороший был мужик, Григорий. Его все любили.

– А за что любили?

– Веселый был, шутить умел. Мужики, особенно певчие, рады были его брать с собой. Часто его уносили и приносили на руках. Раза два мы, ребятня, на Рождество ходили к нему славить. Интересный. Взяв в зубы пастуший кнут, размахивался и хлопал им с оглушительным свистом. Умел красиво, мастерски расписываться.

– Николай Федорович, как хоронили художника? С почестями либо кое-как?

– Что ты, мил человек, с уважением, с попами. Его все почитали. Я сам не видел, но говорили тогда, что он помогал строить церковь, расписывал ее. Уважаемый человек. <...>

¹ Александр Дмитриевич Свербеев (1835 – 1917) – государственный деятель, тайный советник. С 1878 по 1891 год был на посту самарского губернатора.

Утевская мадонна. Портрет неизвестной работы Григория Журавлева

* * *

...Конечно, можно предположить, что вокруг имени Григория Журавлева сложилось много легенд, и здесь надо все внимательно отбирать. Но не могу не привести выдержки из документа, подписанного К. Е. Даниловым в июле 1975 года. Оставляю, впрочем, и за собой право на поиск более убедительных подтверждений изложенных ниже фактов.

«О необыкновенном художнике стало известно царствующей фамилии дома Романовых. В этой связи Григорий Николаевич был приглашен Николаем II во дворец...

Николай II пожизненно назначил ему пенсию в размере двадцати

пяти рублей в месяц и приказал Самарскому генерал-губернатору выдать Журавлеву иноходца с летним и зимним выездом.

В последней четверти века (1885 – 1892) в селе Утевка по чертежам и под непосредственным руководством Журавлева была построена церковь, а также по его эскизам была произведена вся внутренняя роспись.

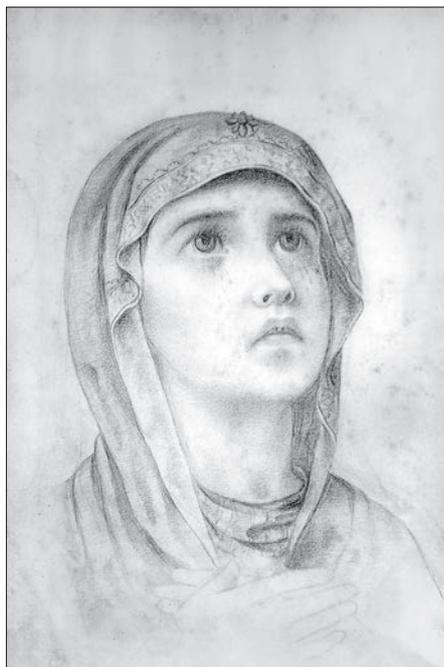
На пятьдесят восьмом году своей жизни Григорий Николаевич Журавлев скончался от скоротечной чахотки и по разрешению епископа Михаила¹ Самарской епархии похоронен в ограде церкви, которая явилась его детищем».

Думаю, что можно говорить не о «непосредственном руководстве Журавлева» при постройке церкви, а о его участии как художника.

«МНЕ ПОВЕЗЛО ПРИКОСНУТЬСЯ...»

Сразу после опубликования моих заметок «Утевские находки» о художнике в областной газете «Волжская коммуна» в сентябре 1992 года, где были помещены несколько найденных мною уникальных фотографий, я начал получать письма от знакомых и незнакомых мне людей. Люди искренне пытались помочь в поиске важных для меня сведений либо просто размышляли над нашим прошлым и будущим.

¹ Епископ Михаил Богданов управлял Самарской епархией с 1914 по 1918 год.

Карандашные эскизы. Григорий Журавлев. Конец XIX в.

Мимо судьбы Григория Журавлева нельзя пройти равнодушно. Вот выдержки из письма художника-оформителя Николая Ивановича Колесника. Это письмо интересно хотя бы уже тем, что свое мнение высказывает художник: «Григорий Журавлев по своей профессии близок мне. Я понимаю, что видеть краски, чувствовать пространство, уметь создать образ — это не все. Необходимо еще умело владеть кистью. Художник-иконописец, преодолевая недуг, отыскал силы, чтобы развить в себе талант, которому суждено остаться в веках. Эти иконы воистину нерукотворные.

Да вот беда наша в том, что мы порой проходим мимо таких человеческих судеб. Этому еще раз свидетельствует случай с сельским музеем, который, видимо, имеет свои корни в разрушительной стихии, направленной против христианских святынь еще тех, далеких послеоктябрьских лет. Я один из тех, кто видел фотографию Григория Журавлева. Первое, что идет на ум: сила духа этого человека, очевидно, была так велика, что она превозмогла все. Трудно сказать, что стояло на первом месте, — борьба за существование или потребность выразить себя. Но его иконы написаны с большим старанием и умением. Об этом же говорит его картина «Утевская мадонна». Я решил сделать копию ее, пользуясь фотографией. Это оказалось не так-то просто. Сразу почувствовал, что написана она

Спаситель. Икона.
Иконописец Григорий Журавлев.
Храм в честь Святой Троицы, с. Утевка

Равноап. Кирилл и Мефодий, учителя
Словенские. Икона. Епархиальный церковно-
исторический музей, г. Самара. Иконописец
Григорий Журавлев. Подпись внизу иконы: «Сия
икона писана зубами в Самарской губернии,
Бузулукского уезда, Утевской волости, того же
села, крестьянином Григорием Журавлевым
безруким и безногим. 1885 год. 2 сентября».

Крещение Господне. Икона.
Иконописец Григорий Журавлев.
Храм в честь Святой Троицы, с. Утевка

Св. Димитрий Солунский. Иконописец Григорий
Журавлев. СКМ им. П. В. Алабина. Нач. XX в.

Икона Божией Матери «Скоропослушница». Иконописец Григорий Журавлев. Храм в честь Святой Троицы, с. Утевка

Икона Божией Матери «Млекопитательница». Иконописец Григорий Журавлев. СКМ им. П.В. Алабина

Святитель Алексий, митрополит Московский, покровитель г. Самары. Икона. Иконописец Григорий Журавлев. Храм в честь Вознесения Господня, с. Кинель-Черкассы

мастером высокого класса. Несколько раз я принимался за эту работу и все не находил нужных оттенков. Порой ловил себя на мысли, что эта работа мне просто непосильна. И какова была моя радость, когда, не без участия коллег по работе, копия картины была вставлена в багетовую рамку и предстала на суд зрителей, которые узнали из моего рассказа, кто автор подлинника и какова его судьба. Я был счастлив. Я чувствовал, что мне повезло прикоснуться к чему-то очень большому и вечному.

Таков он – ваш земляк Григорий Журавлев.

Знаете, у меня есть свои так называемые «настольные книги». Они порой бывают в нескольких томах, а порой – небольшой книжечкой или газетной полосой.

Для меня материал Александра Малиновского о Журавлеве выполняет задачу тех больших томов, которые дают возможность черпать силы для творчества».

* * *

...Современники Журавлева тоже не были глухи к его таланту. Приведу отрывки из газеты «Самарские губернские ведомости» № 1 от 5 января 1885 года: «...Крестьянин с. Утевка Бузулукского уезда Григорий Николаевич Журавлев, имеющий в настоящее время около 25 лет от роду, в самом раннем детстве лишился употребления рук и ног (руки до плеч и ноги по колена атрофированы, и он может передвигаться только на коленках) и грозил быть бременем для своего бедного семейства...

...Лет 8-ми от роду Журавлев стал посещать сельскую школу и в два года выучился читать, а затем, познакомившись с употреблением карандаша, принялся учиться письму и рисованию, вставляя для сего карандаш между зубами...

...Но этого Журавлеву было мало: он задумал во что бы то ни стало выучиться писать масляными красками «настоящие образа». И вот 15-летний поклонник искусства, никуда доселе не выезжавший из родного села, появляется в губернском городе и обращается к проживающему здесь живописцу Травкину с просьбой показать ему, как пишутся «образы». Тот ласково принял такого необыкновенного ученика, оставил его на несколько дней в своей квартире и познакомил с первыми приемами живописи. Этого для Журавлева было достаточно. Закупив в Самаре красок, кистей и прочего, он вернулся в родную Утевку и, заказав себе стол с особыми приспособлениями, принялся учиться живописи.

Верным и постоянным спутником в этом деле явилась у него старуха-бабушка, которая стала чистить кисти, готовить краски, усаживать внучка за работу и так далее...

...Через пять лет непрерывного труда этот живописец-самоучка стал писать «образа» настолько удовлетворительно, что решил несколько экземпляров икон своей работы подарить высокопоставленным лицам города Самары. С этого времени Журавлев начал получать заказы на работу, улучшившие до некоторой степени его материальное положение, а вскоре Губернское Земское собрание, приняв во внимание бедственное положение семейства Журавлева и его личные труды по части самоусовершенствования в искусстве живописи, назначило ему ежегодную пенсию в размере 60 руб. В конце прошлого года (1884) Журавлев, изготовив икону св. Николая Чудотворца, обратился к самарскому губернатору, всегда принимавшему участие в положении калеки-живописца, с просьбою представить икону Его Императорскому Высочеству, Государю Наследнику Цесаревичу.

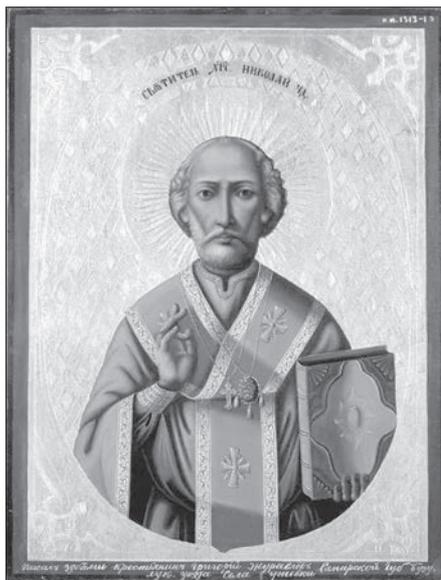
Желание его было исполнено, и в конце декабря Управляющий собственного Его Величества дворцом и Конторою Августейших Детей Их Императорских Величеств уведомил тайного советника Свербеева, что Государь Наследник Цесаревич милостиво принял икону, писанную крестьянином Журавлевым, соизволил пожаловать ему единовременное пособие сто рублей из собственной Его Императорского Величества суммы».

Талант художника был признан.

День памяти художника

Много лет назад, собирая по малым крупичам материал о Журавлеве, я был крайне удручен скудостью документальной информации о художнике. И рукопись свою тогда назвал «На пепелище». Слишком, как мне казалось, многое из совершенного Журавлевым было утеряно. И, возможно, безвозвратно... Под таким названием повесть и вышла в свет в одном из моих прозаических сборников. Но душа протестовала. Не хотелось верить в утраты.

Я и тогда, делая записи, ловил себя на мысли, что где-то когда-то появится человек, немного удачливее, чем я, и ему повезет больше, чем мне.

*Свт. Николай Чудотворец. Икона. 1884.
Государственный Эрмитаж,
г. Санкт-Петербург.
Иконописец Григорий Журавлев*

*Крест на могиле Григория Журавлева,
с. Утевка*

Позже, во всех последующих изданиях, повесть мою я стал называть «Радостная встреча». И не ошибся... Находки продолжаютя...

В конце 2005 года обнаружилась копия справки о смерти художника. Скорее всего, она из бывшего архива К. Е. Данилова. Ее передала утевскому краеведу, истинному патриоту своего края, школьному учителю Анатолию Плаксину его бывшая ученица. Мы с ним посоветовались и решили, что ее место в Нефтегорском районном детском музее. Справка с той поры хранится там.

Теперь мы точно знаем дату смерти Григория Журавлева – 15 февраля 1916 года¹. Копия «Записи акта о смерти» под номером шесть заверена заведующей бюро ЗАГСа.

Точную дату рождения Григория Николаевича Журавлева, к сожалению, пока документально мне

установить не удалось. Можно думать, что она не была документально известна и К. Е. Данилову, который пишет, что умер художник в возрасте 57 лет. Неутомимый Кузьма Емельянович Данилов активно занимался установлением фамилий, дат рождений и смерти своих земляков.

Существует интересный документ. Это записанные Кузьмой Емельяновичем воспоминания родственника Григория по материнской линии, жителя Утевки Спиридона Васильевича Трайкина о Григории Николаевиче Журавлеве. Они датированы 2 июня 1961 года. В этих воспоминаниях Спиридон Васильевич отмечает: «Григорий старше меня более чем на 20 лет».

Тут же Данилов пишет, что Спиридон Васильевич родился примерно в 1880 году. Может быть, сопоставление даты рождения (1880 год) Спиридона и его возраста (моложе Григория более чем на 20 лет) и дало возможность краеведу определить возраст Григория Журавлева. Считается, что родился художник в 1858 году.

¹ Дата смерти Григория Журавлева приводится по старому стилю. По новому стилю память его празднуется 28 февраля.

Уникальны следующие строки воспоминаний Трайкина: «...В то время, когда родился Гриша явным уродом, мать очень плакала и хотела на себя от великого горя наложить руки, вместе с собой умертвить и Гришу, но Трайкин Петр Васильевич, мой дедушка и отец матери Гриши, доказал вредность замысла своей дочери и матери Гриши. Он говорил ей, что Гришу будет растить сам и возьмет его на свое обеспечение. Так он и сделал. Когда Грише стало 9 лет, дедушка Петр устроил его в школу. До школы и из школы он возил Гришу в зимнюю пору на салазках в течение двух учебных лет, после чего дедушка Петр умер, и на этом закончилось учение в школе, так как некому было Гришу возить в школу.

Настоятель утевского храма протоиерей Анатолий Копач с автором книги об утевском иконописце Александром Малиновским

Однако Григорий Николаевич не прекратил своего образования. Он стал учиться на дому самостоятельно. Помогал ему в этом учитель земской школы, фамилию, имя, отчество этого учителя я не помню».

Итак, из этих воспоминаний ясно, что мать Григория – это дочь Петра Васильевича Трайкина. Теперь мы знаем, что мать художника носила до замужества фамилию Трайкина. Возможно, когда-нибудь узнаем и имя ее!

Знание точной даты смерти подтолкнуло земляков Журавлева провести день памяти художника. <...>

...Так мои первоначально простые, начатые в начале 60-х годов, попытки собрать воедино сведения о необычной жизни сельского художника Григория Журавлева вылились в длительные поиски и многочисленные поездки не только по Самарской области, но и по всей России, в которых я мог прикоснуться душой к живой истории государства Российского.

Таков масштаб личности утевского иконописца.

Александр Станиславович Малиновский родился в 1944 году в селе Утевка Нефтегорского района Куйбышевской области. Окончил Куйбышевский политехнический институт по специальности «инженер, химик-технолог» и прошел путь от рабочего до генерального директора крупных нефтехимических заводов. Доктор технических наук, заслуженный изобретатель России, заслуженный химик России. Автор более десяти книг прозы и трех поэтических сборников. Лауреат Всероссийских литературных премий, член СП России. Живет в г. Самаре.

«У БОЖЬЕГО ПОРОГА»

Протоиерей Сергей Ельченинов родился 26 марта 1975 года в с. Марьевка Борского района Куйбышевской области. В 1991 году окончил 11 классов Неприкской средней школы. В 1992 году окончил железнодорожное училище г. Самары. В 1997 году окончил с отличием Подбельское педагогическое училище, где и был оставлен на работу в качестве преподавателя детской литературы, выразительного чтения и старославянского языка. В 2003 году окончил с отличием СамГПУ. В том же году Архиепископом Самарским и Сызранским Сергием рукоположен в сан диакона, а затем в сан пресвитера. С 2003 г. и по настоящее время служит настоятелем храма Покрова Пресвятой Богородицы с. Беловка. Член

районной литературной гостиной «Вдохновение» и поэтического клуба «Элегия». В 2014 году вышла его первая авторская книга – сборник стихов и рассказов «Дорога». Лауреат и обладатель гран-при международного фестиваля авторской духовной песни «Ковчег» (г. Воронеж), лауреат первой степени международного фестиваля авторской духовной песни «Одигитрия» (г. Витебск, Беларусь). Номинант Самарской областной общественной акции «Народное признание – 2015». Вдовец. Воспитывает двух сыновей.

ЧУДНЫЙ КРАЙ

В чудный край доброты и печали,
Что сломить даже тьма не смогла,
И где нас в колыбели качали,
Через сердце дорога легла.

Этот край, всем нам с детства знакомый,
Красотою природной богат,
С небом синим, с травой зеленой
Дарит людям свой пышный наряд.

Озорные девчата – березки
Белизной своей радуют глаз.
И роса золотистые блески
Рассыпает так щедро у нас.

Журавли, словно старцы святые,
Тихо грустный канон свой поют.
И леса, сквозь века молодые,
Здесь сплошной стеною встают.

А черемухи цвет с чем сравнится
Или ивы извечная грусть?
И поэтому часто нам снится
Этот край – наша милая Русь!

6 мая 1997 г.

МАМЕ

Ты не плачь, моя милая мама,
Свои слезы напрасно не лей.
Ты меня никогда не дождешься
Возле старой калитки своей.

Не кручинься ты, мама, не надо, –
Все равно не вернусь к тебе я.
Для меня и помин, и отрада
Лишь святая молитва твоя.

Я в стране вечной жизни спокоен:
Ни болезней, ни горя там нет.
По молитвам твоим упокоен,
Где Господь несказанный льет свет.

В твоём сердце я жить буду вечно,
И гореть я не буду в огне,
Пока молишься ты, дорогая,
Пока память жива обо мне.

30 марта 2001 г.

Русь Православная

Белый храм. Купола голубые.
Звон малиновый над рекой.
Это значит, я снова в России!
Блудный сын возвратился домой.

Здесь березка – сестрица мне милая,
Что ни тополь – то друг или брат.
Сторона ль ты, сторонка родимая,
Я любовью твоею богат!

По морям по бескрайним ли плавал я,
Восходил на Кавказ ли седой,
Я молил Бога, Русь Православная,
За тебя – и гордился тобой!

Ты живи, моя Родина славная,
Процветая во веки веков!
Над тобою Царица Державная
Держит Свой благодатный Покров.

27 – 31 октября 2004 г.

Россия – Родина моя

На небе ярких звезд мерцанье,
А в полночь трели соловья,
Ручья веселое журчанье –
Все это – Родина моя!

Степей широкое раздолье,
Под белым пухом тополя,
Разливы рек, озер приволье –
Все это – русская земля!

Как в старой сказке, бор дремучий
И в жарком золоте поля,
И синь небес, и гром да тучи –
Все это – Родина моя!

Снегов широкие просторы
И необъятные моря,
И даль равнин, седые горы –
Все это – Родина моя!

Так многолика здесь природа
И благодатна здесь земля.
Ты гордость русского народа,
Россия – Родина моя!

11 – 12 февраля 2005 г.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Громко плачет за окном
Вьюга-повитуха.
Белый саван на мой дом
Ткет зима-старуха.

Сосны, сбившись у плетня,
Служат панихиду.
Двор накинул на себя
Снежную хламиду.

А в печи огонь трещит –
Стены лижут блики.
И лампада чуть горит,
Озаряя лики.

На лежанке серый кот
Растянулся важно.
В окна ветер ставнем бьет
И скулит протяжно.

Рядом с бабушкой стою
И дышать не смею.
Вслед за ней псалмы пою,
Хоть и не умею.

А на улице метель
Бьется с силой новой,
То в окно стучит, то в дверь
И шуршит соломой.

Но напрасно снежный ком,
Злясь, в окно бросает,
Когда Сам Господь наш дом
От всех бед спасает.

30 января 2011 г.

ДОРОГА

Погас последний луч заката,
А мне в нем чудилась заря.
Иду дорогою куда-то,
За все Творца благодаря.

Березы, клены и осины
Горят в молчаньи золотом,
И грозди алые рябины
Пылают сказочным огнем.

По той дороге дни за днями,
За годом год вперед иду.
Любуюсь сонными полями,
Стихи слагая на ходу.

Пою, молюсь, смеюсь и плачу,
И крест нелегкий свой несу,
Встречаю горе и удачу,
И счастья краткого росу.

Бежит дорога в даль, петляя, –
За поворотом поворот.
И я, судьбу благословляя,
Иду по ней который год.

Я знаю – кончится дорога,
Когда и мой закат придет.
И там, у Божьего порога,
Давно меня Спаситель ждет.

Нелегкий крест с меня Он снимет
И слезы нежно оботрет,
За плечи ласково обнимет
И в Дом Свой бережно введет.

3 октября 2011 г.

ОСЕННИЙ ВЕЧЕР

Осенний вечер тих и пьян.
Морозец в воздухе клубится.
Летят за море-океан
Знакомым с детства клином птицы.

Березы свечками горят.
Туманы лижут дно долины.
И не встречал еще мой взгляд
Грустней и сказочней картины.

19 октября 2011 г.

НЕ УМИРАЕТ ЛЮБОВЬ

Пушистой снежинкой
В ладони мои
Иль с неба дождевой
Ко мне упади.

И встреча пусть длится
Мгновенье всего.
Слезинка с ресницы –
И нет никого.

А сердце забьется
Чуть-чуть посильней.
Душа встрепенется
От встречи с твоей.

И солнце сияет,
И радуга вновь, –
Ведь не умирает
Живая любовь.

29 октября 2011 г.

ДОМИК СТАРЫХ ДРУЗЕЙ

Молодость наша кончается,
Но не грустите о ней –
В чаще лесной дожидается
Домик старинных друзей.

Прибрана светлая горница.
Русская печка в углу.
Словно Сама Богородица
С душ выгребает золу.

Стол деревянный да лавочки.
Пышет огнем самовар.
Сушки, конфетки, бараночки,
Липовый пряный отвар.

Комнатки-келии чистые:
Столик, кровать, образа –
Ласково смотрят лучистые
Добрые Божьи глаза.

Там меж камней пробивается
Чистый и звонкий ручей,
А по ночам разливается
В песнях любви соловей.

От суеты подуставшие
В домик заветный придем.
В море житейском плутавшие
В тихую гавань войдем.

Будем молиться и каяться,
Будем стихи сочинять –
Каждому здесь открывается
Божьей Любви благодать.

И под гитару неспешные
Добрые песни споем.
Вспомним мы годы ушедшие...
Может, о ком-то всплакнем.

Молодость наша кончается,
Что же грустить нам о ней?!
Новая жизнь начинается
В домике старых друзей.

1 ноября 2011 г.

Русь

О, светлый край берез,
Люблю тебя до боли!
Здесь я родился, рос,
Как колосок на поле.

Люблю твоих снегов
Широкие просторы,
Прохладный мрак лесов,
Озера, реки, горы.

Тут все живет для нас.
Создателя творенье –
Природы дивный глас,
Как будто рая пенье.

Здесь русских городов
Могучие твердыни.
Здесь дедов и отцов
Могилы и святыни.

В тебе слились в одно
Природа, люди, звуки, –
И знаю я давно,
Что нет для нас разлуки.

Я для тебя пою!
Я о тебе молюсь!
Всем сердцем я люблю
Тебя, Святая Русь!

23 ноября 1995 г.

* * *

Солнце весеннее, в небе играя,
Нежно лучами коснулось земли –
Резво ручьи побежали, сверкая,
И потянулись домой журавли.

Реки оковы свои разорвали,
Птицы поют в синеве голубой,
И на цветочном степном покрывале
Песня весенняя льется рекой.

Вмиг зашумела, проснувшись, природа.
Каждый весеннему солнышку рад.
И заполняет простор небосвода
Веющий в душу весны аромат.

29 февраля 1996 г.

СТАРЫЕ КАЧЕЛИ

Уходят все от нас когда-то
В туман, в заоблачную даль.
Там нет восхода, нет заката,
Царит там сумрак и печаль.

Придет пора, и мы покинем
Мир бренный этот навсегда,
И лишь тогда пойдем, какими
Были короткими года.

То – не смогли, а это – не успели,
Ну почему же нить так коротка?!
Качнуло ветром старые качели –
И я лечу, лечу за облака...

Не жаль мне жизнь – я жил не так, как надо,
А жалко сад – он для меня шумел,
И соловья, что средь деревьев сада
Ночами мне все лето сладко пел.

Но верится: закончатся метели,
И в этот сад вернется соловьем
Взглянуть опять на милые качели
Моя душа весенним светлым днем.

12 марта 1996 г.

РОДИНА

Милые сердцу картины,
Детства забытого край:
Алые гроздья рябины,
Крытый соломой сарай...
Солнцем залитое поле,
Старый таинственный лес,
Крик петухов на заборе,
Тихая нежность небес...
Часто душа моя рвется
В мир, где простор и покой,
В мир, где весной пронесется
Крик журавлей над рекой.

7 февраля 1997 г.

ЖУРАВЛИНАЯ ПЕСНЯ

В синем небе кричат журавли,
Над деревней моей пролетая.
Эту песню родимой земли
Вдаль уносит крылатая стая.

И хотя эта песня без слов,
Она русскому сердцу знакома –
В ней звучат и печаль, и любовь,
И сияние отчего дома.

Выйду в поле, к березке прижмусь
Или встану под дуб одинокий.
До весны с журавлями прощусь –
Пусть летят они в путь свой далекий.

Может быть, в этот дальний удел
Вместе с ними и мы улетаем?!
Уставая от суетных дел,
Мы родные места покидаем.

Вы летите на юг, журавли,
Но домой возвращайтесь скорее,
Чтобы песни родимой земли
Наши русские души согрели!

24 – 25 марта 1998 г. – 24 – 25 июля 2012 г.

ПОКА ЛЮБИТ ДУША

Не прошла наша жизнь! До конца не прошла!
Не исчезла бесследно из виду.
Еще сердце горит, еще любит душа,
Растворяя в улыбках обиду.

Пусть морщины у глаз и в висках седина,
Мы об этом ничуть не горюем –
Если грянет гроза, если кликнет страна,
Мы еще... мы еще повоюем.

Пусть один за другим в поднебесную высь
Мы уносимся стайей крылатой,
Но назло всем смертям мы туда вознеслись
За дела, что свершили когда-то.

Не жалели мы сил для Отчизны своей,
Своей жизни мы не берегли,
Чтоб под старыми кронами наших ветвей
Молодые деревья росли.

Не прошла наша жизнь! До конца не прошла!
Льется песня со светлою грустью.
Пока сердце горит, пока любит душа
Ту страну, что зовем нежно – Русью.

30 апреля 2010 г.

МАРЬЕВКА

Здравствуй, Марьевка моя,
Милая! Родная!
Много мест объехал я –
Ты одна такая!

Ты Челищевым была –
Марьевкою вышла.
Запоют в конце села,
А в Поиме слышно.

В два порядка улица –
Каждый дом я знаю.
Лес за ней красуется
Без конца, без краю.

За малиной – в Мосаков,
В Ближний – за грибами,
Коль на зиму надо дров,
В Вырубрь – за дровами.

Вдоль деревни старый пруд –
Не окинешь взглядом.
Вербы над водой растут
С камышами рядом.

В дымке тает даль полей.
Степь кипит ковылью.
Здесь под стоны журавлей
Я всю душу вылью.

3 февраля 2011 г.

ВИШНИ ЛЮБВИ

Дай-ка, я на память у дороги вишню посажу.

М. Исаковский. «Вишня»

Когда в людях жестокость встречаю,
Равнодушие, зависть иль злость,
Я тогда старика вспоминаю,
О котором читать довелось.

На него я хочу быть похожим,
Только сил не хватает порой.
Страшно быть равнодушным прохожим,
Волочась по дороге земной.

Укрепи меня, Боже Всевышний!
Помоги мне, Пречистая Мать!
Научи меня, Господи, вишни
Для людей по дороге сажать.

Мне за это не нужно награды.
Я о том, как старик, не тужу.
И не будет мне большей отрады,
Если вишню любви посажу.

25 октября 2011 г.

ЖАЛОСТЬ

Встречал я в жизни разные картины:
Разводы, браки, смерть, болезнь, нужду.
Но глаз старухи, потерявшей сына,
Я не забуду даже и в бреду!

Она стояла тихо у распятия,
Крестясь дрожащей старческой рукой,
(А воск и слезы капали на платье.)
И все шептала: «Боже! Упокой!..»

Свеча в руке печально догорала –
Огарок трудно было уж держать,
Но ничего вокруг не замечала
Раздавленная тяжким горем мать.

Она была несчастной, одинокой,
Свою молитву Господу творя,
Но с чистой верой и мольбой глубокой
Глядела на распятого Царя.

И вдруг сказала: «Господи! Сердечный!
Как тяжело Ты тогда за нас страдал!
Чтоб нас спасти, Ты мир весь этот грешный
Своею чистой Кровью омывал.

С Тобою вместе Мать Твоя страдала.
И как же было больно видеть Ей,
Когда: “Распни! Распни!” – толпа кричала,
И как зияли раны от гвоздей!»

И эта речь ее преобразила:
Исчезла дряхлость, появилась стать.
За все, за все Творца благодарила
Жалевшая Его земная мать.

Я не встречал отраднее картины,
Хоть у престола много лет стою.
Вот так она спасла себя и сына
За жалость эту чуткую свою.

28 февраля 2012 г.

МОЛИТВА

Царица Неба и Земли!
Души моей Царица!
Молитве грешника внемли –
Не дай с пути мне сбиться!

Тропинкой узкой между гор,
По дну сырых ущелий
Бреду устало до сих пор,
Бреду, боясь падений.

Я спотыкаюсь на пути –
А бездна пасть раскрыла.
Не знаю: долго ли идти
И хватит ли мне силы.

Во мрак греха легко сойти
И потерять дорогу.
Ты помоги хоть доползти
К Небесному Чертогу!

Творца миров Благая Мать!
Души моей отрада!
Мне в жизни только б не упасть –
Иных даров не надо.

С мольбой и верой пред Тобой
Я простираю руки.
Ты от грехов меня укрой –
И да избегну муки!

8 июня 2012 г.

МОСКВА

Вот огни столицы древней
Показались вдалеке,
Встарь звалась она деревней
На Неглинке на реке.

Поезд все по рельсам мчится.
Тихо утро настает.
И красавица-столица
Гордо взорам предстает.

Куполами храмы блещут.
Солнце всходит над Москвой.
Стяги в воздухе трепещут.
Пар клубится на рекой.

Вот и он, вокзал Казанский –
Крики, давка, суета.
Не советский... и не царский...
Боже мой! Москва – не та!

Иль глаза мне отказали?
Вот гостиница стоит.
«Это “Hilton”», – мне сказали.
«Ленинградская» – на вид!..

Вон кремлевские твердыни,
Вот метро «Охотный ряд».
Почему же на латыни
Всюду вывески торчат?!

Я шагаю по столице –
Сердцу Матушки-Руси,
А вослед мне даже птицы:
«Хванчкара! Салям! Мерси!..»

Из-за моря шлют указы,
Чем дышать и как нам жить.
В храмы рвутся панк-заразы
Мессы черные служить.

Город древний! Город славный!
Что случилось вдруг с тобой?!
Где оплот Руси Державной?!
Где же русский дух родной?!

Православная столица!
Что ты дремлешь, Третий Рим?!
Где живой воды напиться,
Если в сердце гарь и дым?!

Время вышло! – Пробудиться
Уж давно пора тебе,
Чтобы знали зверь и птица:
Русский дух живет в Москве!

Чтоб, сияя гордой славой,
Твердо власть в когтях держал
Наш родной орел двуглавый –
Не китаец, прусс иль галл.

Здесь гостям всегда мы рады –
Хлебосолен наш народ.
Коль с указом лезут гады –
От ворот – вон поворот!

Чтобы мы могли гордиться
Славной Матушкой – Москвой,
Православною столицей
И историей родной!

27 ноября 2012 г.

ВРЕМЯ

Куда ты мчишься, время?
Куда несешь меня?
Я помню куст сирени
У старого плетня,

Соломенную крышу,
Часы с кукушкой, печь.
Мне кажется, что слышу
И бабушкину речь.

Скрипучие качели.
Вот сельский клуб, кино:
Постарше – в зале сели,
Мы, мелюзга, – в окно.

Метель времен седая
Все в память замела.
И бабушка родная
Давно уж умерла.

Сирень совсем пропала,
Плетень, избу снесли,
Нет больше кинозала,
Как нет родной земли...

Теперь вся жизнь другая:
Сквозь суматоху лет
Цветет сирень иная,
А той, что в детстве, – нет...

26 января 2013 г.

Ночь

Снова ночь-пророчица.
Тихо и темно.
Спать совсем не хочется.
Все гляжу в окно.

Улица пустынная.
Дремлют фонари.
Да тоска старинная
Гложет до зари.

И сверчок за печкою
Без конца скрипит.
Одинокой свечкою
Жизнь моя горит.

Не кричи вороною,
Чародейка ночь!
И тоску зеленую
Больше не пророчь.

Ведь сопят два носика,
Что мне всех милей,
Два моих курносика –
Двое сыновей.

Свечка одинокая,
Но горит не зря.
Сгинь, печаль глубокая!
Пробудись, заря!

27 января 2013 г.

УХОДЯТ СТАРИКИ

Старики уходят понемногу,
Обретя неведомый покой.
И в свою последнюю дорогу
Забирают прошлое с собой.

Уходя, не машут на прощанье,
Фотографий с письмами не шлют,
Не желают скорого свиданья,
Ничего не требуют, не ждут.

Незаметно, тихо увядая,
И любовь, и силы отдают.
Всей душой за нас переживая,
Счастливы, что ради нас живут.

Жизнь свою наполнив суетою,
Мы не замечаем их уход,
А за ним, скрипя сухой клюкою,
Наша старость дряхлая идет.

17 февраля 2013 г.

ОСЕНЬ

Тихо листья с веток опадают –
Осень правит бал в моем саду.
Зори понемногу холодают,
Кутаясь в туманы на ходу.

Рожь давно в полях не колосится,
И стеною травы не встают.
Улетая, на прощанье птицы
Песни невеселые поют.

Ветер в салки с тучами играет.
Глядя на угасшую зарю,
Под окном рябина догорает, –
Так и я когда-то догорю.

Но с последней искрой улетаю,
Всей душою Богу помолюсь,
Чтоб жила, вовек не отцветая,
Родина моя – Святая Русь!

4 октября 2014 г.

Моя доля

Где-то счастье заплуталось,
Может, сам был виноват:
Отхотелось, отмечталось –
Сам себе теперь не рад.

Не вернуть того, что было,
Глупо спорить мне с судьбой.
Дни мои текут уныло,
Отмеряя путь земной.

Не смотрю в чужие окна –
Не зовет меня их свет.
А своя изба промокла –
Ни тепла, ни света нет.

Затяну хомут потуже
И скажу себе в ответ:
«Кто сказал, что ты не дюжий?
Кто сказал, что силы нет?!»

Разгонюсь по косогору,
Поднатужусь и... вперед!
Одолеть бы эту гору,
А там ровная пойдет.

25 октября 2014 г.

Друзьям

В нашем доме стало тихо,
Никто песен не поет.
Лишь за печкой паучиха
Молча сеть свою плетет.

Огоньки горят на елке,
Но не радует их свет, –
Нет подруг в моей светелке,
И друзей здесь тоже нет.

Я без вас, друзья, скучаю,
Каждый день за вас молюсь.
В самоваре иван-чаю
Заварю – до слез напьюсь!

Сладка ягода с горчинкой –
Кратки встречи. Не беда.
Я всегда, всегда с грустинкой
Провожая поезда.

Но созвучья старой песни
Вновь плывут в седую высь.
Счастлив я, что все мы вместе
В нашем доме собрались.

15 января 2016 г.

* * *

«На закате, где солнце, играя,
Золотит купола над рекой,
У раскидистой ивы, родная,
Буду ждать». «Я приду, мой родной!»

По лугам до рассвета гуляя,
Целовались под полной луной,
«Будь женою моей, дорогая!»
«Я согласна ей быть, дорогой!»

В старой церкви священник, венчая,
Говорил о любви неземной.
Краше всех там была молодая,
И от счастья сиял молодой.

Незаметно друг друга сменяя,
Годы мчались своей чередой.
«Десять лет – словно день, золотая!»
«И два сына у нас, золотой!»

Так и жили бы, горя не зная,
Но оно не прошло стороной.
«Что с тобою? Куда ты, родная?»
«Мой хороший! Прощай, мой родной!..»

И два ангела, в небо взлетая,
Душу светлую взяли с собой.
«Я приду к тебе – жди, дорогая!»
«Не спеши – я дождусь, дорогой».

Одиноко по жизни шагая,
Не роптал он, не спорил с судьбой.
И своих сыновей поднимая,
Никогда не мечтал о другой.

Вот и внуки резвятся, играя.
Наседают на деда гурьбой.
И с портрета глядит молодая,
А он старый совсем и седой.

Под закат, что алел, догорая,
До конца пройдя путь свой земной,
Он простился, детей обнимая,
И ушел к своей милой, родной!

Там, где вечное солнышко мая,
Светлый домик над тихой рекой.
У порога стоит молодая,
К ней бежит он – опять молодой.

Обнялись и, от счастья рыдая,
Все шептали они вперебой:
«Дорогая моя! Золотая!»
«Мой любимый, родной, золотой!»

18 ноября 2014 г.

Русь

Ой, ты, Русь моя – горемычная,
Деревенская и столичная,
Русь кабацкая, монастырская!
Где же мощь твоя богатырская?

Ой, ты, Русь моя – воля вольная!
Русь народная, богомольная.
Русь кулацкая и колхозная.
Вот опять ползет туча грозная.

Ой, ты, Русь моя – Русь страдалица!
То ли странница, то ли старица.
Русь господская и советская!
Сила есть еще молодецкая.

Ой, ты, Русь моя – Русь державная –
Моя Родина православная!
Русь ученая и дремучая.
Встанет в трудный час рать могучая.

Ой, ты, Русь моя – Русь единая!
Мать Святая Русь неделимая!
Не забыл наш враг еще с давних пор:
Русь всегда ему твердый даст отпор.

Ой ты, Русь моя, – величальная!
Где веселая, где печальная!
Хлебосольная и голодная,
Процветай вовек, Русь свободная!

Ой, ты, Русь моя – многолика!
Русь склоненная! Русь великая!
Божьей Матерью ты любимая,
Святой Троицей будь хранимая!

12 сентября 2015 г.

В оформлении рубрики использованы иллюстрации художников: М. Гордеевой, В. Жданова, А. Степанова, С. Тахтамышева, А. Шилова.

«Духовный Собеседник» в 2016 году

О Первой мировой войне и ее последствиях в истории России.

Поучения святых отцов о стяжании Духа Святого.

Жизнеописание отечественных подвижников благочестия, праведников, боголюбцев, исповедников российских из архива митрополита Мануила (Лемешевского).

Проповеди митрополита Иоанна (Снычева), записанные его духовной дочерью М. С. Ивановой.

Статья Андрея Поповкина о проблемах современного образования.

Повести протоиерея Евгения Зеленцова.

Интервью с известными богословами, учеными, политологами о насущных проблемах российской действительности.

1-я стр. обложки: Митрополит Самарский и Сызранский Сергей с атаманом Самарского окружного (отдельского) казачьего общества войсковым старшиной Андреем Терновским (справа) и руководителем Образцового казачьего духового оркестра Детской школы искусств № 2 станицы Сызранской войсковым старшиной Виктором Осиповым (слева) с музыкантами оркестра.

Из обращения митрополита к кадетам: «Помните, вы – большая кадетская семья и должны сохранять, оберегать и защищать наше Отечество. Не подставлять под удар ближнего, а наоборот, подставить ближнему свое плечо и дать ему возможность, чтобы он вместе с тобой помог и другим.

Вы несете ответственность друг за друга. Есть такое понятие, как ответственность перед Богом, своей совестью и нашим Отечеством. Это великое звание и положение, это отчасти и умонастроение. Вот эти великие идеи будут закладывать здесь в ваши души, в ваше сознание, соотносясь с тем Божественным измерением, которым жили наши предки. Оно связано прежде всего с Божественной правдой и той истиной, которая свидетельствует нам святая Церковь. Вы одели сегодня эту форму не для показухи, не для какого-то внешнего свидетельства, а для внутреннего осознания. Каждый из вас может сказать: “Теперь я служу Божественному делу сохранения нашей государственности, а значит, я должен хорошо учиться и соблюдать все те предписания, которые никогда не обсуждаются.” Вы вместе, едины и служите общему делу – делу укрепления нашего Отечества и его духовного возрождения, служа Богу и людям. Храни вас Господь!»

2-я стр. обложки: Икона Божией Матери «Взыскание погибших». Епархиальный церковно-исторический музей, г. Самара. (Подобие и мера чудотворной и мироточивой иконы, находящейся в Раковской общине. Сия икона писана зубами крестьянином Григорием Журавлевым в селе Утевка Бузулукского уезда. Месяца февраля в 13-й день, 1888 года. – *Надпись на обороте иконы.*) *Фотография Михаила Тимофеева.*

3-я стр. обложки: Храм в честь Святой Троицы в селе Утевка Нефтегорского района Самарской области.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ №77-7592 от 19.03.2001 г.

Учредитель Самарская и Сызранская Епархия Русской Православной Церкви.

№2(82). Отпечатано в типографии ООО «Волга Принт Плюс», адрес: Самарская обл., Пестравский р-н, с. Пестравка, ул. Мира, д. 1Б. Подписано в печать 15.02.2016 г.

Тираж 1500 экз. Выходит один раз в два месяца. Возрастное ограничение: 12+.

**ПРИГЛАШАЕМ
ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ**
на журнал «Духовный Собеседник»
(144 стр.; 1 раз в 2 месяца)
на 1-ое полугодие 2016 года.

**Духовный
Собеседник**

- В любом почтовом отделении России – наши подписные индексы:
99955 – в каталоге «Почта России»
39582 – в объединенном каталоге «Пресса России» (зеленом)
- Для жителей Самарской области в почтовых отделениях существует возможность льготной подписки - по специальному абонементу:

Ф.СП-1	АБОНЕМЕНТ												
	на журнал										73718		
(индекс издания)													
Духовный Собеседник													
на 2016 год по месяцам										кол-во		1	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
				X									
Куда													
Кому													
ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА													
ПВ место литер			на журнал									73718	
(индекс издания)													
Духовный Собеседник													
Стои- мость	по каталогу			227 руб. 68 коп.					кол-во		1		
	за доставку			руб. коп.					комп.				
на 2016 год по месяцам													
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
				X									
Куда													
Кому													

- Через Сбербанк (см. на обороте)

3. **Напрямую** (через банк или иным способом) перечислив денежные средства (из расчёта **220 рублей** за один экземпляр журнала с учётом доставки до почтового отделения - только на территории России) в редакцию по следующим реквизитам:

Получатель: ООО «ИТЦ «Софит»

ИНН 6316126890 / КПП 631601001

р/с №40702810400000016337 в ОАО «Первобанк» г. Самара

БИК 043601927 к/с 30101810100000000927

Назначение платежа: Подписка на журнал «Духовный Собеседник» на 2016 г. на ___ номеров.

В этом случае необходимо прислать в редакцию заполненный заказ:

БЛАНК ЗАКАЗА					
Я подписался на следующие выпуски журнала «Духовный Собеседник» в 2016 г.:					
№1(81) Январь - Февраль	№2(82) Март - Апрель	№3(83) Май - Июнь	№4(84) Июль - Август	№5(85) Сентябрь - Октябрь	№6(86) Ноябрь - Декабрь

* отметить четко номера крестиком или галочкой

Плательщик (подписчик): _____

Почтовый адрес подписчика (с указанием индекса): _____

желательно указать телефон для связи _____

Сумма: _____ руб. ___ коп.

Подпись: _____ **Дата:** " ___ " _____ 2015 г.

КОНТАКТЫ РЕДАКЦИИ:

эл.почта: albina063@mail.ru

почтовый адрес: 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.

телефоны: +7(846)334-12-72, 336-84-41.

4. **Наложенным платежом**, обсудив и оформив заказ по телефонам, указанным в п. 3.

Духовный Собеседник